

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВОЛГОГРАДСКАЯ АКАДЕМИЯ

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

**Журнал основан в 2004 г.
Выходит 4 раза в год**

№ 2 (78) 2024

FORENSIC EXAMINATION

**The journal is founded in 2004
Published 4 times a year**

Волгоград – 2024

ISSN 1813-4327

Судебная экспертиза /
Forensic examination. –
Волгоград :
ВА МВД России, 2024. –
№ 2 (78). – 124 с.

**Учредитель
и издатель –
Волгоградская
академия МВД России**

Журнал основан
в 2004 г. Выходит 4 раза
в год тиражом
500 экземпляров

Журнал включен
в Перечень рецен-
зируемых научных
изданий, в которых
должны быть
опубликованы основные
научные результаты
диссертаций на соис-
кание ученой степени
доктора наук,

Журнал включен
в систему
Российского индекса
научного цитирования.
Полнотекстовые
версии статей
и библиографические
списки помещаются
на сайте Научной
электронной библиотеки
(www.elibrary.ru)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ручкин Виталий Анатольевич, профессор кафедры основ экспертно-криминалистической деятельности учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Наталья Николаевна Шведова, профессор кафедры основ экспертно-криминалистической деятельности учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Состав редакционного совета

1. Аминев Фарит Гизарович, профессор кафедры криминалистики Института права Уфимского университета науки и технологий, доктор юридических наук, профессор.

2. Аубакирова Анна Александровна, начальник кафедры профессионально-психологической подготовки и управления ОВД Алматинской академии МВД Республики Казахстан им. М. Есбулатова, доктор юридических наук, профессор.

3. Бардаченко Алексей Николаевич, начальник кафедры трасологии и баллистики учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

4. Бобовкин Михаил Викторович, профессор кафедры исследования документов учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

5. Бочарова Ольга Станиславовна, доцент кафедры правовых дисциплин филиала Российского государственного социального университета в г. Минске Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

6. Вехов Виталий Борисович, профессор кафедры безопасности в цифровом мире Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана (национального исследовательского университета), доктор юридических наук, профессор.

7. Галяшина Елена Игоревна, заведующий кафедрой криминалистики Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор.

8. Досова Анна Владимировна, начальник учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

9. Дронова Ольга Борисовна, профессор кафедры криминалистической техники учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

10. Зайцева Елена Александровна, профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Журнал
зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере
связи, информационных
технологий и массовых
коммуникаций.

Регистрационный номер
ПИ № ФС77-77511
от 31 декабря 2019 г.

Подписной индекс
в каталоге «Пресса
России» – **46462**

Сайт журнала:
www.va-mvd.ru/sudek/

Редактор
У. В. Наумова

Компьютерная верстка
Н. А. Доненко

Адрес редакции
и издателя:
400075, Волгоградская
обл., г. Волгоград,
ул. Историческая, д. 130

Подписано в печать:
21.06.2024

Дата выхода в свет:
27.06.2024

Формат 60x84/8.
Гарнитура Arial.
Физ. печ. л. 15,5.
Усл. печ. л. 14,4.
Тираж 250.
Заказ № 27

Цена по подписке
на 2024 г. по каталогу
«Пресса России»
1371,30 руб. (2 номера)

Отпечатано
в ОПиОП РИО
ВА МВД России.
400005, Волгоградская
обл., г. Волгоград,
ул. Коммунистическая,
д. 36

© Волгоградская
академия
МВД России, 2024

11. Зинин Александр Михайлович, профессор кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор.

12. Китаев Евгений Владимирович, доцент кафедры трасологии и баллистики учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

13. Кокин Андрей Васильевич, профессор кафедры оружиеведения и трасологии учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент.

14. Колотушкин Сергей Михайлович, профессор кафедры судебных экспертиз и криминалистики Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор.

15. Котельникова Дина Валериевна, доцент кафедры основ экспертно-криминалистической деятельности учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук (ответственный секретарь).

16. Кошманов Петр Михайлович, начальник учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

17. Курин Алексей Александрович, заместитель начальника кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат технических наук, доцент.

18. Латышов Игорь Владимирович, профессор кафедры криминалистических экспертиз и исследований Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, доцент.

19. Майлис Надежда Павловна, профессор кафедры оружиеведения и трасологии учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

20. Моисеева Татьяна Федоровна, заведующий кафедрой судебных экспертиз и криминалистики Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор.

21. Прокофьева Елена Васильевна, доцент кафедры криминалистической техники учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, кандидат физико-математических наук, доцент.

22. Россинская Елена Рафаиловна, заведующий кафедрой судебных экспертиз Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор.

23. Рубис Александр Сергеевич, профессор кафедры криминалистики Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь, доктор юридических наук, профессор.

24. Сейтенов Калиолла Кабаевич, первый проректор Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор.

25. Симонова Светлана Валентиновна, начальник кафедры исследования документов учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

26. Соколова Ольга Александровна, профессор кафедры экспертно-криминалистической деятельности учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент.

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА / № 2 (78) FORENSIC EXAMINATION 2024

ISSN 1813-4327

Судебная экспертиза /
Forensic examination. –
Volgograd :
VA MVD Rossii, 2024. –
No 2 (78). – 124 p.

**Founder
and publisher –
Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia**

The journal is founded
in 2004
Published 4 times a year
with the circulation
of 500 copies

The journal is included
in the list of peer-reviewed
scientific editions
where main research
and results of PhD
doctoral dissertations
should be published

The journal is included
into the system of the
Russian science citation
index. Full-text versions
of articles and biblio-
graphic lists are placed
on the Scientific
electronic library
(www.elibrary.ru)

The Journal is registered
at the Federal Service
for Supervision
of Communications,
Information Technology
and Mass Media.
Certificate number
PI No FS77-77511
of December 31, 2019

EDITOR-IN-CHIEF

Ruchkin Vitalii Anatolevich, professor, department of expert-criminalistic activity fundamentals, training and scientific complex of expert-criminalistic activity, Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, professor, honored scientist of the Russian Federation.

DEPUTY CHIEF EDITOR

Natalia Nikolaevna Shvedova, professor, department of expert-criminalistic activity fundamentals, training and scientific complex of expert-criminalistic activity, Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, candidate of juridical sciences, associate professor.

The editorial council

1. Aminev Farit Gizarovich, professor, department of forensics, Law institute of Ufa University of Science and Technology, doctor of juridical sciences, professor.

2. Aubakirova Anna Aleksandrovna, head of the department of professional psychological training and management of internal affairs bodies, Esbulatov Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, doctor of juridical sciences, professor.

3. Bardachenko Aleksei Nikolaevich, head of the department of traceology and ballistics, training and scientific complex of expert-criminalistic activity, Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, candidate of juridical sciences, associate professor.

4. Bobovkin Mikhail Viktorovich, professor, department of document examination, training and scientific complex of forensic examination, Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, doctor of juridical sciences, professor.

5. Bocharova Olga Stanislavovna, associate professor, department of legal studies, branch of Russian State Social University in Minsk, the Republic of Belarus, candidate of juridical sciences.

6. Vekhov Vitalii Borisovich, professor, department of security in the digital world, Bauman Moscow State Technical University (National Research University), doctor of juridical sciences, professor.

7. Galiashina Elena Igorevna, head of the department of criminalistics, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), doctor of juridical sciences, professor.

8. Dosova Anna Vladimirovna, head of the training and scientific complex for preliminary inquiry in internal affairs bodies, Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, candidate of juridical sciences, associate professor.

9. Dronova Olga Borisovna, professor, department of criminalistic technique, training and scientific complex of expert-criminalistic activity, Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, associate professor.

10. Zaitseva Elena Aleksandrovna, professor, department of criminal procedure, training and scientific complex for preliminary inquiry in internal affairs bodies, Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, professor.

Subscription
at the catalogue
"Pressa Rossii" – **46462**

Website of the journal:
www.va-mvd.ru/sudek/

Editor
U. V. Naumova

DTP
N. A. Donenko

Address of the editorial
and publishing office:
400075, Volgograd
region, Volgograd,
Istoricheskaya street, 130

Signed to print:
21.06.2024

Date of publication:
27.06.2024

Format 60x84/8.
Font Arial.
Physical print sheets 15,5.
Conventional
print sheets 14,4.
250 copies.
Order No 27

Subscription price
for the 2024
according by catalogue
"Pressa Rossii"
1371,30 RUB.
(2 numbers)

Printed at the printing
section of Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia.
400005, Volgograd
region, Volgograd,
Kommunisticheskaya
street, 36.

© Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
2024

11. Zinin Aleksandr Mikhailovich, professor, department of forensic examination, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), doctor of juridical sciences, professor.

12. Kitaev Evgenii Vladimirovich, associate professor, department of traceology and ballistics, training and scientific complex of expert-criminalistic activity, Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, candidate of juridical sciences, associate professor.

13. Kokin Andrei Vasilevich, professor, department of weapon studies and traceology, training and scientific complex of forensic examination, Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, doctor of juridical sciences, associate professor.

14. Kolotushkin Sergei Mikhailovich, professor, department of forensic examination and forensics, Russian State University of Justice, doctor of juridical sciences, professor.

15. Kotelnikova Dina Valerievna, associate professor, department of expert-criminalistic activity fundamentals, training and scientific complex of expert-criminalistic activity, Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, candidate of juridical sciences (executive secretary).

16. Koshmanov Petr Mikhailovich, head of the training and scientific complex of expert-criminalistic activity, Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, candidate of juridical sciences, associate professor.

17. Kurin Aleksei Aleksandrovich, deputy head of the department of criminalistics, training and scientific complex for preliminary inquiry in internal affairs bodies, Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, candidate of technical sciences, associate professor.

18. Latyshov Igor Vladimirovich, professor, department of forensic examination and research, Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, doctor of juridical sciences, associate professor.

19. Mailis Nadezhda Pavlovna, professor, department of weapon studies and traceology, training and scientific complex of forensic examination, Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, doctor of juridical sciences, professor.

20. Moiseeva Tatiana Fedorovna, head of the department of forensic examination and forensics, Russian State University of Justice, doctor of juridical sciences, professor.

21. Prokofeva Elena Vasilevna, associate professor, department of criminalistic technique, training and scientific complex of expert-criminalistic activity, Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, candidate of physico-mathematical sciences, associate professor.

22. Rossinskaia Elena Rafailovna, head of the department of forensic examination, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), doctor of juridical sciences, professor.

23. Rubis Aleksandr Sergeevich, professor, department of forensics, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, doctor of juridical sciences, professor.

24. Seitenov Kaliolla Kabaevich, first vice-rector of the Academy of Law Enforcement Agencies under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, doctor of juridical sciences, professor.

25. Simonova Svetlana Valentinovna, head of the department of document examination, training and scientific complex of expert-criminalistic activity, Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, candidate of juridical sciences, associate professor.

26. Sokolova Olga Aleksandrovna, professor, department of expert-criminalistic activity, training and scientific complex of forensic examination, Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, doctor of juridical sciences, associate professor.

СОДЕРЖАНИЕ

Ручкин В. А., Бобовкин М. В.
Юбилей ученого,
практика и педагога

ОРГАНИЗАЦИОННО- ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

*Бобовкин М. В., Ручкин В. А.,
Соловьева Н. А., Марочкина В. В.*
О внедрении в практику
методического обеспечения
судебно-почерковедческой
экспертизы

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ И ИССЛЕДОВАНИЙ

*Божченко А. П., Ардашев Р. Г.,
Китаев Н. Н.*
Хронобиологические,
дактилоскопические и некоторые
медико-криминалистические
характеристики воров в законе –
выходцев из Закавказья
и Северного Кавказа

Латышов И. В.
Судебно-баллистические
характеристики
охотничьего карабина ТГ-2 (Парадокс)
калибра .366 ТКМ
и следов его применения

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Гаврилин Ю. В., Бородин А. А.
Обеспечение достоверности
результатов применения технологий
на основе искусственного интеллекта
в экспертно-криминалистической
деятельности

CONTENTS

8 *Ruchkin V. A., Bobovkin M. V.*
The anniversary of the scientist,
practitioner and teacher

ORGANIZATIONAL AND LEGAL ASPECTS OF FORENSIC EXPERT ACTIVITIES AND THE USE OF SPECIAL KNOWLEDGE IN LEGAL PROCEEDINGS

14 *Bobovkin M. V., Ruchkin V. A.,
Solovieva N. A., Marochkina V. V.*
About implementing
methodological support
into practice forensic
handbook examination

PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE OF FORENSIC EXAMINATIONS AND RESEARCH

26 *Bozhchenko A. P., Ardashev R. G.,
Kitaev N. N.*
Chronobiological, fingerprint
and some medical
and forensic characteristics
of the thieves in law –
immigrants from Transcaucasia
and the North Caucasus

41 *Latyshov I. V.*
Forensic ballistic
characteristics
of the TG-2 hunting carbine (Paradox)
calibre .366 TCM
and traces of its use

INFORMATION TECHNOLOGIES IN FORENSIC EXPERT ACTIVITIES

52 *Gavrilin Yu. V., Borodina A. A.*
Ensuring
the reliability of using
artificial intelligence
technologies
in forensic activities

Курин А. А.
Формирование субъективного портрета
посредством нейросети
по словесному описанию
внешности человека

Васильев В. А., Ермакова Т. А.,
Дружинин Ю. А., Афанасьев И. Б.
Криминалистические аспекты
разработки и применения
темных дактилоскопических порошков
для выявления латентных следов рук

Кирушин К. Р.
Актуальные проблемы
назначения и производства
судебных религиозно-правовых экспертиз
при расследовании преступлений,
совершенных по мотиву
религиозной ненависти или вражды

НАУЧНАЯ ДИСКУССИЯ И ОБМЕН ОПЫТОМ

Ильин Н. Н.
Судебная
криминологическая экспертиза,
назначаемая при расследовании
занятия высшего положения
в преступной иерархии

Кочубей А. В.
Криминалистическое исследование
повреждений пленочных материалов
одежды (часть 2)

Бардаченко А. Н., Чулков И. А.
Влияние длины ствола
на отображение следов
дополнительных факторов выстрела
при стрельбе патроном 9 × 19 мм

62 Kurin A. A.
Formation of subjective portrait
through the use neural network
by a narrative description
of a person

74 Vasilyev V. A., Ermakova T. A.,
Druzhinin Yu. A., Afanasyev I. B.
Forensic aspects of development
and application
of dark fingerprint powders
to detect latent fingerprints

84 Kirushin K. R.
Actual problems
of appointment and production
of judicial religious studies examinations
in the investigation of crimes
committed on the grounds
of religious hatred or enmity

SCIENTIFIC DISCUSSION AND EXPERIENCE EXCHANGE

92 Ilyin N. N.
Forensic
criminological examination
appointed in the investigation
of the occupation of the highest position
in the criminal hierarchy

102 Kochubey A. V.
Forensic examinations
of the damage to the film materials
of clothing (part 2)

111 Bardachenko A. N., Chulkov I. A.
Influence of barrel length
on display
of additional firing factors
shot by 9 × 19 mm

УДК 343.98

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО, ПРАКТИКА И ПЕДАГОГА

Виталий Анатольевич Ручкин*, Михаил Викторович Бобовкин**

*Волгоградский государственный университет,
Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия,
v.ruchkin@yandex.ru

** Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана,
Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя,
Москва, Россия, mbobovkin@yandex.ru

Для цитирования: Ручкин В. А., Бобовкин М. В. Юбилей ученого, практика и педагога // Судебная экспертиза. 2024. № 2 (78). С. 8–13.

THE ANNIVERSARY OF THE SCIENTIST, PRACTITIONER AND TEACHER

Vitaly Anatolievich Ruchkin*, Mikhail Victorovich Bobovkin**

*Volgograd State University,
Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia,
Volgograd, Russia, v.ruchkin@yandex.ru

** Bauman Moscow State Technical University,
Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Moscow, Russia, mbobovkin@yandex.ru

For citation: Ruchkin V. A., Bobovkin M. V. The anniversary of the scientist, practitioner and teacher. Forensic Examination, 8–13, 2024. (In Russ.).

Известный российский ученый-криминалист, судебный эксперт, педагог Александр Фомич Волынский 10 июня отмечает свой 85-летний юбилей. Он внес существенный вклад в криминалистику, а также теорию и практику судебной экспертизы. По учебникам Александра Фомича училось не одно поколение советских и российских студентов и курсантов, а его научные труды активно использовались при подготовке диссертаций сотнями аспирантов, адъюнктов и докторантов. Высказанные им идеи до сих пор продолжают волновать современных исследователей.

Основные вехи биографии Александра Фомича Волынского тесно связаны с органами внутренних дел. Очевидно, выбор им жизненного пути был

© Ручкин В. А., Бобовкин М. В., 2024

не случаен. Семнадцатилетним юношей он твердо решил встать в ряды защитников правопорядка, поступив в Омскую специальную среднюю школу Министерства внутренних дел СССР, которую успешно закончил в 1958 году. Его милицмейская служба началась с оперуполномоченного отдела уголовного розыска Красноярского края. Молодой сотрудник уголовного розыска всегда проявлял тягу к знаниям, его пытливый ум стремился постичь новые высоты в своем профессиональном становлении. Через шесть лет он становится выпускником Высшей школы Министерства охраны общественного порядка РСФСР (отделение экспертов-криминалистов). С 1964 г. начинается экспертная деятельность, занявшая наиболее заметное место в его служебной биографии. В этой службе он прошел путь от старшего эксперта научно-технического отдела УВД Красноярского крайисполкома до заместителя начальника экспертно-криминалистического управления (ЭКУ) МВД СССР. Александра Фомича можно по праву назвать одним из организаторов экспертно-криминалистической службы МВД нашей страны. На этом поприще в полной мере раскрылись его способности талантливого организатора и эксперта.

Особо хотелось бы подчеркнуть научно-исследовательскую жилку юбиляра. Видимо, сказался исследовательский характер прошлой экспертной работы. По прошествии ряда лет Александр Фомич начинает все отчетливее сознавать, что его главное призвание – научная деятельность; с 1969 по 1974 г. последовательно занимал должности научного сотрудника, старшего научного сотрудника лаборатории кафедры оперативно-розыскной деятельности Высшей школы МВД СССР. В этот период (1971 г.) под научным руководством Н. С. Полевого он защищает кандидатскую диссертацию на тему «Криминалистическая экспертиза в европейских социалистических странах». Юбиляр и здесь продолжает оставаться верен своему главному пристрастию – экспертно-криминалистической службе, которая и дальше (с небольшим перерывом с 1974 по 1978 г., когда он находился на ответственной работе в Штабе МВД СССР) будет его основным «кормильцем» и объектом научного исследования. В 1978 г. А. Ф. Волынский возвращается в систему научно-исследовательских криминалистических учреждений МВД СССР, работая начальником отдела, начальником Центральной научно-исследовательской криминалистической лаборатории, заместителем начальника ЭКУ МВД СССР.

В конце 1980-х гг. Александр Фомич решил посвятить себя научно-педагогической деятельности. Приобретенные за десятилетия службы солидный опыт и богатейшие практические знания он щедро передавал молодым сотрудникам органов внутренних дел. С 1989 по 2002 г. был начальником кафедры криминалистики Юридического института МВД России. В этом же институте в 1999 г. успешно защитил докторскую диссертацию на тему «Концептуальные основы технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений». Как видим, главный объект его научного исследования не изменился.

В отставку из органов внутренних дел РФ Александр Фомич вышел в 2004 г. в звании полковника. За успехи в службе он был награжден орденом «Знак почета», многочисленными медалями, нагрудными знаками «Почетный работник МВД СССР» и «Заслуженный работник МВД России».

Размеренная жизнь пенсионера – это не для Александра Фомича. Его неуемная натура требовала прежней активной научно-педагогической деятельности. Он продолжил работать профессором кафедры криминалистики в Московском университете МВД России, а также по совместительству профессором кафедры управления органами расследования преступлений в Академии управления МВД России, профессором кафедры криминалистики в Академии безопасности МВД России, профессором кафедры уголовного процесса в Орловском юридическом институте МВД России. Этот список без лишних комментариев характеризует нашего юбиляра. Про таких В. В. Маяковский справедливо писал: «Хлеба не надо, работу давай!»

На сегодня общий стаж научно-педагогической деятельности профессора А. Ф. Волынского составляет более 40 лет. Им опубликовано в ведущих отечественных и зарубежных изданиях свыше 200 научных и методических работ, среди которых десятки учебников, учебных пособий и монографий фундаментального характера. Александр Фомич – руководитель известной всей стране научной школы. Им подготовлено 42 кандидата и 5 докторов наук. Его имя широко известно как в российском, так и зарубежном экспертно-криминалистическом сообществе. Он ведущий специалист в области организации раскрытия и расследования преступлений, а также судебно-экспертного и криминалистического обеспечения этой деятельности и участия в ней сотрудников экспертно-криминалистических подразделений МВД России.

Александр Фомич – неизменный участник многих международных научно-практических конференций и других представительских мероприятий. В частности, в 2012 г. он был инициатором создания межвузовского научно-практического семинара «Раскрытие и расследование преступлений: наука, практика, опыт». Профессор А. Ф. Волынский активно участвует в обсуждении диссертационных работ. Для многих молодых исследователей его участие в качестве оппонента по диссертации – высокая честь. Подобной чести удостоился и один из авторов этой статьи в далеком 1983 г. на защите кандидатской диссертации в Академии МВД СССР.

Многолетняя плодотворная научно-педагогическая деятельность доктора юридических наук, профессора А. Ф. Волынского была по достоинству оценена: ему присвоены почетные звания «Заслуженный деятель науки РФ» и «Заслуженный юрист РФ».

Думается, некоторые научные взгляды этого неординарного человека, педагога и ученого с большой буквы заслуживают отдельного рассмотрения. Речь пойдет о его фундаментальных работах, в которых он новаторски, с позиций комплексного подхода раскрыл содержание криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений, а также критически оценил роль современной экспертно-криминалистической службы МВД России в этом процессе [1–3].

Безусловно, профессор А. Ф. Волынский абсолютно прав, предлагая рассматривать криминалистическое обеспечение как комплексную по своему содержанию деятельность, которая направлена на формирование условий постоянной готовности правоохранительных органов к эффективному использованию группы методов, средств и рекомендаций, а также реализацию такой готовности в повседневной практике раскрытия и расследования преступлений.

При этом он справедливо акцентирует внимание на том, что формирование условий такой готовности предполагает совершенствование криминалистических знаний, образования, организации деятельности экспертно-криминалистических подразделений, правового регулирования использования криминалистических средств, методов и рекомендаций в ходе раскрытия и расследования преступлений.

Возникает закономерный вопрос: соответствует ли названная готовность правоохранительных органов вызовам времени в сфере борьбы с преступностью? На наш взгляд, да, но не в полной мере. Особое беспокойство вызывает уровень образования, в частности, подготовка специалистов для экспертно-криминалистических подразделений МВД России в ведомственных вузах. Анализ образовательных программ, по которым осуществляется обучение экспертов-криминалистов, показывает, что в них наблюдается явный перекося в сторону освоения чисто экспертных дисциплин в ущерб дачи знаний обучаемым, необходимых им для работы на месте происшествия в качестве специалиста-криминалиста. Не секрет, что экспертам-криминалистам низового звена экспертно-криминалистических подразделений МВД России значительную часть своего рабочего времени (если не большую) приходится проводить в качестве специалиста-криминалиста, участвуя в производстве осмотров мест происшествий и других следственных действий.

Нам представляется, что обозначенная проблема требует серьезного исследования и принятия адекватных управленческих решений на различных уровнях.

Трудно не согласиться с профессором А. Ф. Волынским, хорошо знающим экспертно-криминалистическую службу «изнутри», что вектор ее развития смещен явно в сторону производства судебных экспертиз в ущерб экспертно-криминалистической деятельности. Возможно, подобное и служит первопричиной указанного выше перекося в подготовке специалистов для экспертно-криминалистических подразделений МВД России.

Заслуживают внимания и дальнейшего исследования и другие научные взгляды нашего уважаемого юбиляра. Думается, он дал хорошую пищу для размышлений молодому поколению ученых-криминалистов. Не сомневаемся в том, что эти исследования окажутся перспективными и будут еще раз свидетельствовать о том неограниченном вкладе, который внес профессор А. Ф. Волынский в развитие отечественной криминалистики и судебной экспертизы.

Список источников

1. Волынский А. Ф. Концептуальные основы технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук в форме науч. докл. Москва, 1999. 66 с.
2. Волынский А. Ф. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: учеб. пособие. Москва: МОСУ им. В. Я. Кикотя, 2016. 195 с.
3. Волынский А. Ф., Лапин О. В. Экспертно-криминалистическая служба МВД России: когда и почему искажен вектор ее развития, как его исправить // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 1. С. 142–152.

References

1. Volynskiy A. F. Conceptual framework for technical and forensic crime detection and investigation. Dissertation of doctor of juridical sciences in the form of a scientific report. Moscow; 1999: 66. (In Russ.).
2. Volynskiy A. F. Forensic support of crime detection and crime investigation. Textbook. Moscow: Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ.; 2016: 195. (In Russ.).
3. Volynskiy A. F., Lapin O. V. Forensic service of the Russian Ministry of Internal Affairs: when and why the vector of its development is distorted, how to correct it. Writings of the Academy of Management of the MIA of Russia, 142–152, 2021. (In Russ.).

Ручкин Виталий Анатольевич,

профессор кафедры судебной экспертизы
и физического материаловедения
Волгоградского государственного университета,
профессор кафедры основ
экспертно-криминалистической деятельности
учебно-научного комплекса
экспертно-криминалистической деятельности
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, член Союза писателей России;
v.ruchkin@yandex.ru

Бобовкин Михаил Викторович,

профессор кафедры цифровой криминалистики
Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана,
профессор кафедры исследования документов
учебно-научного комплекса судебной экспертизы
Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ;
mbobovkin@yandex.ru

Ruchkin Vitaly Anatolievich,

professor of the department of forensic science
and physical materials science
of the Volgograd State University,
professor of the department of expert-criminalistic activity
fundamentals of the training and scientific complex
of expert-criminalistic activities
of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, professor,
honored scientist of the Russian Federation,
member of the Writers' Union of Russia; v.ruchkin@yandex.ru

Bobovkin Mikhail Victorovich,

professor of the department of the digital security
of the Bauman Moscow State Technical University,
professor of the department of document research
of the educational and scientific complex of forensic examination
of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
doctor of juridical sciences, professor,
honored lawyer of the Russian Federation; mbobovkin@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 13.05.2024; принята к публикации 16.05.2024.
The article was submitted 13.05.2024; accepted for publication 16.05.2024.

* * *

УДК 343.982.4

О ВНЕДРЕНИИ В ПРАКТИКУ МЕТОДИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СУДЕБНО-ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Михаил Викторович Бобовкин*, **Виталий Анатольевич Ручкин****,
Наталья Алексеевна Соловьева***, **Валерия Валерьевна Марочкина******

* Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя,
Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана,
Москва, Россия, mbobovkin@yandex.ru

** Волгоградская академия МВД России,
Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия,
v.ruchkin@yandex.ru

*** Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия,
v.ruchkin@yandex.ru

**** негосударственный судебный эксперт, Москва, Россия, mbobovkin@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы внедрения в практику методического обеспечения судебно-почерковедческой экспертизы, анализируются используемые для этого специальные процедуры. Высказывается мнение об отсутствии в указанной области судебного почерковедения единого подхода, что свидетельствует о необходимости дальнейшего развития общего механизма внедрения в практику методических разработок.

Основное внимание уделяется процедурам апробации, валидации, паспортизации, сертификации, стандартизации методического обеспечения судебно-почерковедческой экспертизы. Рассматриваются основные положения, раскрывающие сущность этих действий. Делается вывод, что знания о внедрении в практику методов и методик судебно-почерковедческой экспертизы имеют большое научно-практическое значение, так как на их основе создаются условия дальнейшего развития методического потенциала судебного почерковедения.

Ключевые слова: внедрение в практику методического обеспечения судебно-почерковедческой экспертизы, апробация, валидация, паспортизация, сертификация, стандартизация методического потенциала судебного почерковедения

Для цитирования: Бобовкин М. В., Ручкин В. А., Соловьева Н. А., Марочкина В. В. О внедрении в практику методического обеспечения судебно-почерковедческой экспертизы // Судебная экспертиза. 2024. № 2 (78). С. 14–25.

**ABOUT IMPLEMENTING METHODOLOGICAL SUPPORT
INTO PRACTICE FORENSIC HANDBOOK EXAMINATION**

Mikhail Victorovich Bobovkin**, *Vitaly Anatolievich Ruchkin,
*Natalya Alekseevna Solovieva****, *Valeria Valeryevna Marochkina*******

* Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Bauman Moscow State Technical University,
Moscow, Russia, mbobovkin@yandex.ru

** Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia,
Volgograd State University, Volgograd, Russia, v.ruchkin@yandex.ru

*** Volgograd State University, Volgograd, Russia, v.ruchkin@yandex.ru

**** non-state forensic expert, Moscow, Russia, mbobovkin@yandex.ru

Abstract. The article discusses the problems of introducing methodological support for forensic handwriting examination into practice and analyzes the special procedures used for this. An opinion is expressed about the absence of a unified approach in this area of forensic handwriting, which indicates the need for further development of the general mechanism for introducing methodological developments into practice.

The main attention is paid to the procedures of approbation, validation, passporting, certification, standardization of methodological support for forensic handwriting examination. The main provisions that reveal the essence of these actions are considered. It is concluded that knowledge about the introduction into practice of methods and techniques of forensic handwriting examination is of great scientific and practical importance, since on its basis conditions are created for the further development of the methodological potential of forensic handwriting.

Keywords: introduction into practice of methodological support for forensic handwriting examination, approbation, validation, passporting, certification, standardization of the methodological potential of forensic handwriting

For citation: Bobovkin M. V., Ruchkin V. A., Solovieva N. A., Marochkina V. V. About implementing methodological support into practice forensic handbook examination. Forensic Examination, 14–25, 2024. (In Russ.).

Судебно-почерковедческая экспертиза¹ в повседневной работе судебно-экспертных учреждений² Российской Федерации относится к числу наиболее распространенных и сложных криминалистических исследований. Ее непосредственные объекты – оригинальные рукописи (тексты, краткие записи, подписи), а также изображения – выполняют обширные социальные функции и имеют существенное значение в осуществлении судопроизводства и иной правоохранительной деятельности.

Данные статистики показывают, что в постсоветской России остается неизменной тенденция высокого уровня производства СПЭ и исследований. В официальных отчетах ЭКЦ МВД России и РФЦСЭ при Минюсте России стабильно приводятся большие показатели судебно-почерковедческого производства, что

¹ Далее – СПЭ.

² Далее – СЭУ.

главным образом связано с увеличением документооборота в стране и высоким уровнем его вовлечения в криминальную сферу общественной жизни [1].

Современные возможности СПЭ позволяют решать широкий круг идентификационных и диагностических задач, что в основном зависит от уровня развития методического потенциала судебного почерковедения. Большей частью он был разработан в 70–80 гг. прошлого века и затем постоянно совершенствуется и используется в судебно-экспертной деятельности.

Между тем анализ экспертной практики свидетельствует о том, что не все методы и методики СПЭ соответствуют основным принципам производства судебной экспертизы – законности, объективности, полноты, всесторонности исследований с использованием новейших достижений науки и техники. Их реализации препятствуют различные факторы, связанные с изменением свойств современных рукописей – традиционных объектов судебно-почерковедческого исследования. Прежде всего к ним относится применение цифровых технологий и связанных с ними технических средств. Кроме того, существенное влияние оказывают различные недостатки в правовом регулировании судебно-экспертной деятельности, подготовке и повышении квалификации экспертов-почерковедов.

На практике указанные факторы проявляются в отсутствии единого подхода к внедрению и использованию методического потенциала судебного почерковедения, ведомственном разобщении, противоречивости, обособленности специальной терминологии, процедуры и оформления результатов почерковедческого исследования рукописей. Это значительно осложняет возможности оценки результатов СПЭ, влечет за собой назначение дополнительных и повторных экспертиз. Как следствие, увеличиваются сроки проверки сообщений о преступлении, предварительного расследования и судебного производства.

Названная проблема имеет частный характер в судебно-экспертной деятельности Российской Федерации, а ее решение связано с совершенствованием общего механизма внедрения в практику методического обеспечения отдельных родов (видов) судебных экспертиз.

На современном этапе элементами данного механизма выступают специальные процедуры – действия компетентных субъектов по апробации, валидации, паспортизации, сертификации, стандартизации методического обеспечения экспертных исследований, которые имеют непосредственное отношение к СПЭ.

В источниках судебного почерковедения отсутствует дефиниция понятия «апробация метода, методики СПЭ» [2]. Не в полном объеме проясняет сущность этой процедуры и теория судебной экспертизы. Так, Т. В. Аверьянова в своих трудах ограничивается тем, что указывает: апробация, «а по сути, опробование, – это проверка на экспериментальном (а в случае положительных результатов – на экспертном) материале положений и выводов научных разработок, в результате которой подтверждается или опровергается возможность и необходимость их использования в экспертной практике. Апробация и внедрение методик в экспертных учреждениях должны являться гарантией их научности, обоснованности, надежности. Последнее обстоятельство приобретает особо важное значение, если вспомнить о трудностях оценки заключения эксперта следствием и судом» [3].

Данное положение только в самом общем виде раскрывает понятие апробации методического потенциала СПЭ. Из его анализа можно уяснить, что предмет апробации направлен на установление фактов пригодности – возможности и необходимости использования методических средств в экспертной практике. При этом Т. В. Аверьянова никак не освещает вопросы о задачах, формах, видах, объектах, субъектах, технологии данной процедуры, которые также определяют ее сущность и позволяют более объективно судить о том, что апробирование методов и методик экспертного исследования является гарантией их научной обоснованности и надежности, что в итоге влияет на оценку достоверности заключения эксперта-почерковеда.

С учетом дефицита теоретических сведений решение указанных вопросов связано и с анализом уже сложившейся практики апробации методического обеспечения СПЭ, однако она также представлена в виде немногочисленных данных, изложенных в научно-исследовательской литературе и официальных материалах судебно-экспертной деятельности. Чаще всего эта информация освещается непосредственно авторами методической разработки, что снижает объективность данных о ее экспертной пригодности.

В целом анализ текущего состояния апробации методического обеспечения СПЭ позволяет сформулировать определенные выводы:

Предмет апробации методического потенциала судебного почерковедения составляет установление факта пригодности использования в экспертной практике методов и методик СПЭ.

Задачей апробации является решение компетентными субъектами посредством специальных технологий вопросов о возможности и необходимости применения в экспертной практике методов и методик СПЭ.

Формы апробации образуют непроцессуальная (лабораторная) и процессуальная (судебно-экспертная) деятельность компетентных субъектов по установлению пригодности использования на практике методов и методик СПЭ.

Виды апробации определяются порядком назначения, составом участников, организацией процедуры установления пригодности применения на практике методов и методик СПЭ.

По порядку назначения различается первичная и повторная апробация. По составу участников – единоличная и групповая. По организации процедуры испытания – ведомственная и межведомственная.

Объекты апробации представляют вновь созданные инновационные и модифицированные методы и методики СПЭ, в отношении которых компетентными субъектами проводится процедура апробации.

Субъекты апробации – это компетентные лица, осуществляющие процедуру апробации методов и методик СПЭ по установлению пригодности их использования в экспертной практике.

В непроцессуальной (лабораторной) форме ими выступают разработчики методов и методик СПЭ – научные сотрудники единолично или в составе авторских коллективов. В процессуальной (судебно-экспертной) форме такими субъектами являются эксперты, обладающие специальными знаниями в области судебного почерковедения, устанавливающие в судопроизводстве пригодность

рекомендованных разработчиками для использования на практике методов и методик СПЭ.

Технология апробации – это алгоритм действий компетентных субъектов по установлению пригодности для использования на практике методов и методик СПЭ.

Апробация в непроцессуальной (лабораторной) форме включает: 1) подготовку авторами-разработчиками экспериментальных рукописей и сравнительных образцов; 2) исследование представленных объектов сотрудниками лаборатории с применением инновационных методов или методик; 3) анализ результатов испытания в виде совпадений и различий установочных и опытных данных; 4) принятие решения о пригодности или непригодности методической разработки.

Апробация в процессуальной (судебно-экспертной) форме охватывает: 1) использование инновационного метода или методики в судебно-экспертной практике; 2) анализ результатов испытания в виде положительных и отрицательных отзывов экспертов-почерковедов; 3) принятие решения о пригодности или непригодности методической разработки.

С учетом изложенного апробация методического обеспечения СПЭ – это проверка компетентными субъектами в непроцессуальной лабораторной и (или) процессуальной судебно-экспертной форме с помощью специальных технологий инновационных и модифицированных методов (методик) судебного почерковедения на пригодность их использования в судебно-экспертной практике.

Указанная дефиниция показывает, что апробация ограничивается решением вопроса о пригодности использования на практике только инновационных и модифицированных методических разработок в результате их лабораторного и (или) судебно-экспертного испытания и не предполагает установление объективных показателей эффективности всех категорий методического обеспечения СПЭ.

Между тем большое разнообразие объектов СПЭ, постоянное изменение их свойств во времени требуют оперативного профессионального реагирования, в том числе на основе предоставления объективных доказательств эффективности используемых на практике методических средств – типовых и т. д. При отсутствии таких сведений выбор методов и методик судебно-почерковедческого исследования оригиналов и изображений рукописей не имеет строго научной основы и проводится экспертом весьма субъективно, исходя из уровня личной компетентности и опыта. Для преодоления этой негативной ситуации применяется процедура валидации, органично дополняющая апробацию, в виде беспристрастного установления объективных показателей соответствия методического потенциала судебного почерковедения целевому использованию в экспертной практике.

Тем не менее официальные запросы в государственные СЭУ РФ (ЭКЦ МВД России, ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, СЭЦ СК России) о практике и технологии валидации методического обеспечения СПЭ показывают, что данной процедуре не уделяется надлежащее внимание. Она или не проводится, или осуществляется формально.

Так, в ответе ЭКЦ МВД России указано, что действующими нормативными правовыми актами процедура валидации методического обеспечения СПЭ в системе МВД России не предусмотрена. СЭЦ СК России сообщил, что не занимается

вопросами валидации, так как при производстве судебных экспертиз в ведомстве применяются исключительно утвержденные, научно обоснованные, практически апробированные методики исследования.

Только ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России осуществляет практику валидации судебно-экспертных методик внутри своего ведомства, однако при этом используется внутрилабораторная валидация, технология которой весьма сомнительна, так как напоминает процедуру обычной апробации. Она включает подготовку и контрольное исследование объектов руководителем лаборатории совместно с лицом, ответственным за качество работы. Далее аналогичное исследование проводят два эксперта лаборатории независимо друг от друга. Совпадения результатов контрольного и экспертного испытания методики достаточно для подтверждения ее эффективности.

С учетом изложенного апробация и валидация методического обеспечения СПЭ – это близкие, но функционально самостоятельные процедуры внедрения в практику методических разработок, поэтому основные положения валидации относятся к числу первоочередных задач в развитии судебного почерковедения, решение которых уже получило освещение в источниках специальной литературы [4].

Сущность валидации методического обеспечения СПЭ позволяет установить предмет, задачи, формы, виды, объекты, субъекты, технологию данной процедуры. Все они существенно отличаются от аналогичных показателей апробации.

Так, предмет данного рода валидации образует установление объективных показателей соответствия методической разработки судебного почерковедения заявленным ее авторами данным и пригодности использования в судебно-экспертной практике.

Установление соответствия реальных показателей методической разработки авторским данным включает оценку присвоенного ей статуса (типовая методика, метод, иное), теоретического и математического обоснования, экспериментальной базы, условий применения, системы и параметров информативных признаков, алгоритмов принятия решений и формирования выводов, результатов апробации.

Пригодность использования на практике методической разработки судебного почерковедения устанавливается с точки зрения ее эффективности – достоверности и точности полученных результатов. Не исключается также оценка на предмет сложности ее употребления и разрушающего влияния на рукописи. Показатели безопасности и экономичности в настоящее время неактуальны.

Задачей валидации методического потенциала судебного почерковедения является решение компетентными субъектами с использованием специальных технологий вопросов, поставленных органом или лицом, назначившим валидацию методов и методик СПЭ. Разграничение задач валидации методического обеспечения СПЭ осуществляется по целям и условиям:

- цели валидации позволяют выделить задачи по установлению соответствия методов и методик СПЭ заявленным авторами-разработчиками показателям, оценке пригодности их использования в судебно-экспертной практике;

- условия валидации конкретизируют ее задачи с учетом степени общности и однородности методических разработок. По степени общности различаются задачи, связанные с испытанием типовых и других методик СПЭ общего, частного

и конкретного характера, устанавливающих процедуру и содержание решения экспертных задач на уровне класса, подкласса, вида, подвида, группы и подгруппы исследования рукописей. В зависимости от однородности методик задачи валидации соотносятся с испытанием традиционных (качественно-описательных), количественных, комплексных методик СПЭ.

Формы валидации методического потенциала судебного почерковедения составляет процессуальная и непроцессуальная деятельность органов и лиц по установлению соответствия заявленным авторами-разработчиками показателям и оценке пригодности использования в судебно-экспертной практике методов и методик СПЭ.

Виды валидации определяются порядком назначения, составом участников и организацией процедуры испытания. По порядку назначения различаются первичная, дополнительная, повторная валидация. По составу участников – комиссия, комплексная. По организации процедуры испытания – ведомственная, межведомственная, частная.

Объекты валидации методического потенциала судебного почерковедения рассматриваются в широком и узком смысле. В широком смысле это материалы, составляющие теоретическую и экспериментальную основу методической разработки, официальные редакционно-издательские данные метода или методики СПЭ. В узком смысле объектами данной валидации являются типовые, вновь созданные (инновационные), модифицированные и другие методические разработки, в отношении которых назначена процедура испытания.

Субъекты валидации методического потенциала судебного почерковедения – это органы и лица, осуществляющие назначение, организацию, производство валидации методов и методик СПЭ.

Субъектами назначения – инициаторами валидации в процессуальной форме выступают органы и лица (суд, судья, следователь, дознаватель), осуществляющие на основе законодательства Российской Федерации подготовку материалов и назначение испытания методов и методик СПЭ на предмет их соответствия заявленным показателям и оценки пригодности использования в судебно-экспертной практике. В непроцессуальной форме субъектами назначения валидации являются любые органы и лица, по инициативе которых осуществляется испытание методических разработок в области судебного почерковедения с целью установления их соответствия заявленным показателям и оценки пригодности в судебно-экспертной деятельности.

Заметим, что процессуальная форма валидации методического обеспечения СПЭ вызвана реалиями судопроизводства, когда стороны оспаривают достоверность заключения эксперта из-за обоснованного сомнения в эффективности методики почерковедческого исследования рукописей и ходатайствуют перед судом о назначении ее объективного испытания.

К субъектам организации валидации методического потенциала судебного почерковедения относятся компетентные органы и лица (СЭУ, их руководители, заместители руководителей, начальники структурных подразделений), реализующие на основе законодательства РФ свои полномочия по организации и обеспечению валидации методов и методик СПЭ, а также другие субъекты,

организующие в административном и частном порядке валидацию методических разработок.

Субъектами производства валидации являются компетентные лица, обладающие специальными знаниями в области судебного почерковедения, устанавливающие на основе испытания и представления объективных доказательств соответствие заявленным авторами-разработчиками показателям метода или методики СПЭ, их эффективности и пригодности использования на практике.

Ведомственная валидация методического потенциала судебного почерковедения может проводиться в СЭУ федеральных органов исполнительной власти, СК России. Полагаем, что ее результаты наряду с апробацией являются основанием и условием сертификации – подтверждения пригодности методических разработок для целевого использования в судебно-экспертной деятельности на уровне ведомства.

Межведомственная валидация методов и методик СПЭ служит основанием и условием стандартизации – подтверждения пригодности методических разработок для целевого использования на уровне деятельности судебно-экспертного сообщества Российской Федерации.

Валидацию методического потенциала судебного почерковедения нужно проводить с использованием специальной технологии, которая понимается как система методов, приемов и технических средств, определяющая процедуру и содержание решения задач валидации методического обеспечения СПЭ. Содержание данной технологии образует процесс решения задач валидации методической разработки судебного почерковедения, который включает три уровня испытания.

На первом, предварительном, уровне имеет место подготовка и гипотетическое решение компетентными субъектами задач валидации. Формируется общее представление о специфике испытания. Осуществляется подготовка и первоначальная реализация опытных действий. Оценивается проблемная ситуация. Выдвигаются гипотезы о соответствии метода или методики СПЭ заявленным показателям, а также пригодности использования в судебно-экспертной практике. Планируется дальнейший ход валидации.

Второй, детальный, уровень процесса валидации характеризуется углублением изучения предварительных сведений и окончательным решением задач испытания о соответствии методической разработки заявленным показателям и пригодности ее использования в судебно-экспертной практике. Дается оценка всех установленных результатов, формируются итоговые выводы валидации.

На третьем, заключительном, уровне осуществляется оформление (документирование) результатов валидации в процессуальной или непроцессуальной форме. Составляется заключение специалиста, отчет или акт валидации. Подготавливается иллюстрационный материал.

Таким образом, валидация методического потенциала судебного почерковедения – это система действий компетентных субъектов по испытанию методов и методик СПЭ с целью установления объективных показателей их соответствия заявленным авторами-разработчиками данным, эффективности и пригодности использования в судебно-экспертной практике. Положительные результаты валидации совместно с данными апробации являются основанием и условием

паспортизации, сертификации и стандартизации методического потенциала судебного почерковедения.

Паспортизация методического потенциала судебного почерковедения – это создание по установленным правилам регистрационных паспортов методов и методик СПЭ с указанием их основных показателей.

В 1996 г. МВД России и Минюстом России было утверждено, а Верховным Судом РФ и Генеральной прокуратурой РФ согласовано Положение о Федеральном межведомственном координационно-методическом совете по проблемам экспертных исследований¹. В соответствии с компетенцией, предусмотренной Положением о Совете, этот совещательный орган создан на общественных началах в целях координации научных исследований, совместной разработки экспертных методик и технических средств, их апробации и возможной унификации, рассмотрения проблем экспертной практики, обучения и аттестации экспертных кадров.

К числу задач Совета относятся также паспортизация и сертификация методов и методик судебной экспертизы. В процессе их решения был сформирован «Каталог регистрационных паспортов экспертных методик исследования вещественных доказательств», в частности, каталог «Почерковедческая экспертиза», содержащий 31 методику, одобренный, но так и не утвержденный Советом. Поэтому все представленные в нем паспорта экспертных методик имеют только общее информационно-справочное значение.

Регистрационный паспорт методики СПЭ, как и любой иной, включает следующие данные:

1. Наименование методики.
2. Экспертные учреждения – разработчики методики.
3. Авторы методики: Ф. И. О., должность, ученая степень, ученое звание.
4. Содержание методики:
 - 4.1. Экспертные задачи, решаемые с помощью методики.
 - 4.2. Объекты исследования.
 - 4.3. Методы исследования.
 - 4.4. Краткая характеристика этапов экспертного решения.
 - 4.5. Приборы и оборудование (основные) для реализации методики.
 - 4.6. Реактивы и расходные материалы (основные) для реализации методики.
5. Сведения о дате и месте опубликования методики.
6. Сведения об апробации методики и решении об ее одобрении.
7. Дата утверждения и регистрации паспорта Советом.
8. Должностное лицо экспертного учреждения, составившее паспорт.

Полагаем, что в числе отмеченных в паспорте сведений необходимо разместить и данные о валидации экспертной методики с указанием уровня ее эффективности на дату проведения.

Сертификация методического потенциала судебного почерковедения – это подтверждение на уровне ведомства его соответствия требованиям, предъявляемым к специфическому целевому использованию методик, методов и технических средств в области производства СПЭ. Другими словами, такая

¹ Далее – Совет.

сертификация – получение документального подтверждения (сертификата) о том, что методика СПЭ прошла апробацию и валидацию, соответствует заявленным авторами-разработчиками данным и предъявляемым требованиям, эффективна и пригодна для целевого использования в судебно-экспертной практике.

Различаются ведомственная обязательная и добровольная сертификация методического обеспечения СПЭ. В системе добровольной сертификации наиболее авторитетной сертифицирующей организацией считается ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России. На современном этапе процедура сертификации методических средств судебной экспертизы прежде всего добровольная.

Межведомственная апробация и валидация методического потенциала судебного почерковедения составляют основу стандартизации методов и методик СПЭ.

В соответствии с Федеральным законом от 29 июня 2015 г. № 162-ФЗ «О стандартизации в Российской Федерации» стандартизация методического обеспечения СПЭ представляет собой деятельность компетентных субъектов по разработке (ведению), утверждению, изменению (актуализации), отмене, опубликованию и применению документов по стандартизации методического потенциала судебного почерковедения (терминов, определений, методов, методик, технических средств) и иную деятельность, направленную на достижение упорядоченности в отношении объектов стандартизации.

На данной правовой основе был создан технический комитет по стандартизации № 134 «Судебная экспертиза», благодаря которому был введен национальный стандарт ГОСТ РФ 34938-2023 «Судебно-почерковедческая экспертиза. Термины и определения», разработанный ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России и принятый Межгосударственным техническим комитетом по стандартизации, метрологии и сертификации (протокол от 20 января 2023 г. № 158-П). Он включает формулировки 61 термина и определения, которые составляют понятийный аппарат СПЭ¹.

Кроме того, идет работа над стандартом «Судебно-почерковедческая экспертиза. Идентификационное исследование рукописной подписи, не имеющей признаков необычности выполнения». Иных результатов в области стандартизации методик СПЭ в настоящее время не наблюдается.

Полагаем, что данные о внедрении в практику методов и методик СПЭ с использованием процедур апробации, валидации, паспортизации, сертификации, стандартизации имеют большое научно-практическое значение: на их основе создаются условия дальнейшего развития методического потенциала судебного почерковедения, влияющие на повышение эффективности судебно-экспертной практики.

Список источников

1. Бобовкин М. В., Ручкин В. А., Соловьева Н. А. Судебное почерковедение: актуальные вопросы развития // Судебная экспертиза. 2021. № 4 (68). С. 32–42.
2. Словарь основных терминов судебно-почерковедческой экспертизы / В. Ф. Орлова [и др.]. Москва: РФЦСЭ, 2003. 84 с.

¹ ГОСТ Р 34938-2023. Судебно-почерковедческая экспертиза. Термины и определения. Введ. 2023–11–01. Москва: Рос. ин-т стандартизации, 2023. 16 с.

3. Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза: курс общей теории. Москва: Норма, 2009. 480 с.

4. Бобовкин М. В., Марочкина В. В. Основы валидации методического обеспечения судебно-почерковедческой экспертизы // Судебная экспертиза. 2023. № 2 (74). С. 8–17.

References

1. Bobovkin M. V., Ruchkin V. A., Solovyeva N. A. Forensic handwriting: current issues of development. Forensic examination, 32–42, 2021. (In Russ.).

2. Orlova V. F. (et al.). Dictionary of basic terms of forensic handwriting examination. Moscow: Russian Federal Center for Social Security; 2003: 84. (In Russ.).

3. Averyanova T. V. Forensic examination. General theory course. Moscow: Norma; 2009: 480. (In Russ.).

4. Bobovkin M. V., Marochkina V. V. Fundamentals of validation of methodological support for forensic handwriting examination. Forensic examination, 8–17, 2023. (In Russ.).

Бобовкин Михаил Викторович,

профессор кафедры исследования документов
учебно-научного комплекса судебной экспертизы
Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя,
профессор кафедры безопасности в цифровом мире
Московского государственного технического
университета им. Н. Э. Баумана,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ;
mbobovkin@yandex.ru

Ручкин Виталий Анатольевич,

профессор кафедры основ
экспертно-криминалистической деятельности
учебно-научного комплекса
экспертно-криминалистической деятельности
Волгоградской академии МВД России,
профессор кафедры судебной экспертизы
и физического материаловедения
Волгоградского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, член Союза писателей России;
v.ruchkin@yandex.ru

Соловьева Наталья Алексеевна,

заведующий кафедрой процессуального права и криминалистики
Волгоградского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент; v.ruchkin@yandex.ru

Марочкина Валерия Валерьевна,

негосударственный судебный эксперт; mbobovkin@yandex.ru

Bobovkin Mikhail Victorovich,

professor of the department of document research
of the educational and scientific complex of forensic examination
of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
professor of the department of the digital security
of the Bauman Moscow State Technical University,
doctor of juridical sciences, professor,
honored lawyer of the Russian Federation; mbobovkin@yandex.ru

Ruchkin Vitaly Anatolievich,

professor of the department of expert-criminalistic activity
fundamentals of the training and scientific complex
of expert-criminalistic activities
of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia,
professor of the department of forensic science
and physical materials science
of the Volgograd State University,
doctor of juridical sciences, professor,
honored scientist of the Russian Federation,
member of the Writers' Union of Russia;
v.ruchkin@yandex.ru

Solovieva Natalya Alekseevna,

head of the department of procedural law and criminalistics
of the Volgograd State University,
candidate of juridical sciences, associate professor;
v.ruchkin@yandex.ru

Marochkina Valeria Valeryevna,

non-state forensic expert; mbobovkin@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 13.05.2024; одобрена после рецензирования
15.05.2024; принята к публикации 16.05.2024.

The article was submitted 13.05.2024; approved after reviewing 15.05.2024; accepted
for publication 16.05.2024.

* * *

УДК 343.982.34

**ХРОНОБИОЛОГИЧЕСКИЕ, ДАКТИЛОСКОПИЧЕСКИЕ
И НЕКОТОРЫЕ МЕДИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
ВОРОВ В ЗАКОНЕ – ВЫХОДЦЕВ ИЗ ЗАКАВКАЗЬЯ И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА**

Александр Петрович Божченко*, Роман Георгиевич Ардашев,
Николай Николаевич Китаев*****

* Военно-медицинская академия, Санкт-Петербург, Россия, bozhchenko@mail.ru

** Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия,
ardashevrg@yandex.ru

*** Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Иркутск, Россия, valentusis@inbox.ru

Аннотация. Статья является продолжением серии публикаций о признаках личности воров в законе. Материалом исследования служили анкетные данные и дактилоскопические карты 24 преступников (все лица мужского пола, представители народов Закавказья и Северного Кавказа: армяне, курды, азербайджанцы и др.). Использованы методы хронобиологии, дактилоскопии, судебной антропологии, математической статистики. Установлено, что большинство обследованных лиц были рождены весной в годы нарастания солнечной активности. Посвящение в вора в законе происходило, как правило, в молодом возрасте. Количество судимостей составляло от 1 до 8. Смерть в половине случаев наступала преждевременно в результате насильственных причин (огнестрельной травмы и др.). В отпечатках пальцев рук была понижена частота встречаемости завитковых узоров ($p < 0,05$) на фоне повышения частоты встречаемости дуг и радиальных петель (в сравнении с усредненными популяционными данными). Кроме того, очень часто обнаруживались рубцы и белые точки. На основе сравнительного анализа полученных данных с признаками, характерными для воров в законе грузинской национальности, установлены групповые признаки данной категории преступников, не зависящие от этнотерриториальной принадлежности, проявляющиеся на социальном и биологическом уровнях организации личности, во врожденных (определяющих предрасположенность к делинквентности) и приобретенных признаках.

Ключевые слова: вор в законе, дактилоскопия, девиантность, дерматоглифика, судебная антропология, признаки личности, факторы риска, хронобиология

Для цитирования: Божченко А. П., Ардашев Р. Г., Китаев Н. Н. Хронобиологические, дактилоскопические и некоторые медико-криминалистические характеристики воров в законе – выходцев из Закавказья и Северного Кавказа // Судебная экспертиза. 2024. № 2 (78). С. 26–40.

© Божченко А. П., Ардашев Р. Г., Китаев Н. Н., 2024

**CHRONOBIOLOGICAL, FINGERPRINT AND SOME MEDICAL
AND FORENSIC CHARACTERISTICS OF THE THIEVES IN LAW –
IMMIGRANTS FROM TRANSCAUCASIA AND THE NORTH CAUCASUS**

Alexander Petrovich Bozhchenko*, **Roman Georgievich Ardashev****,
Nikolay Nikolaevich Kitaev***

* Military Medical Academy, Saint Petersburg, Russia, bozhchenko@mail.ru

** East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Irkutsk, Russia, ardashevr@gmail.com

*** Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia,
valentusis@inbox.ru

Abstract. The article is a continuation of a series of publications on the personality traits of thieves in law. The research material was the personal data and fingerprint cards of 24 criminals (all males, representatives of the peoples of Transcaucasia and the North Caucasus – Armenians, Kurds, Azerbaijanis et al.). The methods of chronobiology, fingerprinting, forensic anthropology and mathematical statistics were used. It was found that the majority of the surveyed persons were born in the spring, during the years of increasing solar activity. Initiation into thief in law took place, as a rule, at a young age. The number of convictions ranged from 1 to 8. Death in half of the cases occurred prematurely, as a result of violent causes (gunshot injury, etc.). The frequency of occurrence of curl patterns in fingerprints was reduced ($p < 0,05$) against the background of an increase in the frequency of occurrence of arcs and radial loops (compared with the average population data). In addition, scars and white dots were very common. Based on a comparative analysis of the obtained data with the features characteristic of thieves in law of Georgian nationality, the group characteristics of this category of criminals are established, independent of ethnic and territorial affiliation, manifested at the social and biological levels of personality organization, in innate (determining predisposition to delinquency) and acquired characteristics.

Keywords: thief in law, fingerprinting, deviance, dermatoglyphics, forensic anthropology, personality traits, risk factors, chronobiology

For citation: Bozhchenko A. P., Ardashev R. G., Kitaev N. N. Chronobiological, fingerprint and some medical and forensic characteristics of the thieves in law – immigrants from Transcaucasia and the North Caucasus. Forensic Examination, 26–40, 2024. (In Russ.).

Введение. Ранее в статье [1] нами была представлена подробная характеристика личности воров в законе, показавшая, что преступники данной категории имеют много схожих черт – как врожденных, так и приобретенных, причем на самых разных уровнях организации личности – от социального до биологического. Поскольку исследование основывалось на представителях одной (грузинской) национальности, открытым остался вопрос об универсальности и устойчивости выявленных характеристик воров в законе, что является важным при определении перспектив использования полученных данных в розыскной деятельности и экспертной практике.

Цель и задачи настоящего исследования заключались в том, чтобы дать характеристику воров в законе на примере иных народов Закавказья и Северного Кавказа, провести сравнительный анализ полученных данных с характеристиками воров в законе грузинской национальности и установить общие (групповые) признаки данной категории преступников.

Материалом исследования служили анкетные данные и дактилоскопические карты 24 преступников (все лица мужского пола, представители народов Закавказья и Северного Кавказа) – авторский материал и сведения из открытых источников [2]. Использованы методы хронобиологии, дактилоскопии, судебной антропологии и медицины, описательной статистики. В качестве сравнительного материала выступали сведения о частоте встречаемости дактилоскопических (дерматоглифических) признаков в мужских выборках народов Закавказья и Северного Кавказа, опубликованные в трудах по криминалистике [1] и антропологии [3; 4].

Результаты исследования и их обсуждение. А. Общая характеристика исследованной группы воров в законе. Согласно анкетным данным, местом рождения 12 из 24 (т. е. 50 %) обследованных была Грузия (при том, что они не относились к лицам грузинской национальности), из них 8 родились в Тбилиси (для сравнения, родом из Баку и Еревана всего лишь по 1 человеку). На втором месте Азербайджан, Армения и Дагестан – по 3 человека (по 12,5 %). По 1 человеку родом из Северной Осетии, Чечни и Ингушетии. Большинство обследованных – армяне либо курды (езиды) – по 8 человек (по 33,3 %). Кроме того, в выборку входили 3 азербайджанца (12,5 %), 5 человек (20,8 %) представляли другие народы Северного Кавказа (аварец, ингуш, кумык, осетин, чеченец).

Обследованные лица были рождены в период с 1937 по 1975 г., равный 38 годам. Так как их общее число охватывало 24, ожидаемое количество ежегодно рожденных – менее 1 (0,63). В действительности в некоторые годы рождалось значительно большее количество будущих воров в законе. Например, в 1956–1959 гг. в среднем на свет ежегодно появлялось по 2 человека (суммарно 9 человек). Следует заметить, что в эти же годы количество солнечных пятен, с которыми связана периодическая активность Солнца, было максимальным и нарастало (число Вольфа равнялось от 142 до 190). В соседние периоды, с 1951 по 1955 г. и с 1961 по 1964 г., число Вольфа имело значительно меньшие значения (от 4 до 69 и от 10 до 54), а количество рожденных составляло всего лишь 1 и 2 соответственно. Коэффициент корреляции между количеством рожденных в течение года будущих воров в законе и количеством солнечных пятен в этом году равен 0,20 ($p < 0,10$). В основном связь образуется в первую половину (нарастание) 11-летнего цикла солнечной активности. Ранее связь между этими явлениями была отмечена в отношении лиц грузинской национальности (21 наблюдение), однако обратной направленности ($r = -0,15$) и на малом уровне статистической значимости ($p < 0,32$) [1]. При увеличении числа наблюдений до 280 связь достигала высокого уровня статистически значимой ($p < 0,01$) и при этом оказывалась прямой ($r = 0,20$) [5], как и в нашем исследовании.

В течение года ежемесячно также наблюдалось неравномерное количество рождений будущих воров в законе – при априорной вероятности рождения 2 человек в месяц на какие-то месяцы приходилось значительно большее их число

(4 в мае, 3 в августе), а на какие-то – ни одного (в июле, октябре). Среди воров в законе грузинской национальности больше всего рождалось в июле (5), мае (4) и августе (2), а в октябре родился всего 1 человек. Таким образом, имеется как сходство (для мая, августа, октября), так и различие (для июля). В целом же в теплый период года (апрель – сентябрь) рождалось больше, чем в холодный (октябрь – март) – соответственно 15 и 9 человек (среди грузин – 16 и 5 [1]). Влияние на данный результат особенностей уклада жизни людей (сельский, поселковый или городской) [6], степени развитости коммунального хозяйства в городах в сочетании с климатическими условиями проживания (затяжная или короткая зима), по всей видимости, носит более существенный характер, нежели избирательное влияние солнечной активности на рождение лиц с определенными склонностями (в нашем случае – к девиантному типу поведения). Так, из 9 рожденных в холодный период родом из городов были 8 человек и лишь 1 из села (11,1 %), а из 15 рожденных в теплый период – соответственно 11 и 4 (26,7 %). К схожим результатам мы пришли в своей предыдущей работе [1].

Сами преступления, за которыми следовало взятие под стражу или осуждение, были совершены с 1975 по 2010 г. в возрасте от 14 полных лет (Карапетян М. А. – попытка кражи в магазине) до 29 лет (Кусаев П. Г. – разбой), при этом средний возраст преступников ($X \pm \sigma$) составил 20 ± 4 года. Посвящение в вора в законе производилось с 1957 по 2013 г. в возрасте «коронованных» лиц от 17 лет (Мирзоев Т. С., Фарзян Н. А.) до 47 лет (Кусаев П. Г.), средний возраст варьировал в промежутке 26 ± 8 лет (для сравнения, в отношении грузин – 24 ± 6 лет). Количество судимостей равнялось в среднем 3,5, колеблясь от 1 до 6 (Лазгиян Г. О.). Среди воров в законе грузинской национальности количество судимостей составляло в среднем 2,9, колеблясь от 1 до 8 (Абрамия Э. Г.).

Преступления были связаны чаще всего с незаконным оборотом наркотиков (14 случаев), кражей (11) и незаконным хранением (сбытом) оружия (8), а также хулиганством (6), вымогательством (4), бандитизмом (3), разбоем (3), убийством (3), уклонением от наказания (3), причинением тяжкого вреда здоровью (2), неповиновением представителю власти (2), грабежом (2), изнасилованием (1), угонм транспортного средства (1), бродяжничеством (1), проживанием без паспорта и прописки (1), подделкой документов (1). Среди воров в законе грузинской национальности преступная деятельность преимущественно была представлена кражей (10), незаконным оборотом наркотиков (8) и разбоем (7), а также хулиганством (5), незаконным хранением (сбытом) оружия (4), грабежом (2), бандитизмом (2), убийством (1), посягательством на жизнь сотрудника милиции (1), оскорблением сотрудника милиции (1), вымогательством (1), похищением человека (1), бродяжничеством (1), уклонением от призыва (1), подделкой документов (1). Обращает внимание тот факт, что в первой группе убийство, изнасилование и причинение тяжкого вреда здоровью наблюдались у 6 воров в законе (25,0 %), тогда как во второй – только у 1 (4,8 %). С другой стороны, за разбой в первой группе были осуждены 3 человека (12,5 %), а во второй – 7 (33,3 %).

Смерть обследованных лиц наступала в период с 1996 по 2020 г. в возрасте от 29 лет (Бадалов О. Р. оглы) до 75 лет (Усоян А. Р.), средний возраст на момент смерти составлял 43 ± 11 лет (в отношении грузин – 40 ± 10 лет). Примечательно, что без учета национальности средний возраст вора в законе варьировался > 50 лет [2]. Насильственная смерть имела место у 12 человек

(убийство – 11, несчастный случай – 1), ненасильственная смерть (заболевание) – у 12 человек. С целью убийства преимущественно использовалось огнестрельное оружие (9), реже взрывные устройства (1) или иные средства (1). Наиболее частые смертельные заболевания были связаны с поражением сердечно-сосудистой системы (сердечно-сосудистая недостаточность – 3, гипертоническая болезнь – 1), употреблением наркотиков (3), туберкулезом (1). При этом средний возраст убитых – 42,5 года (больше, чем у лиц грузинской национальности – 34,5 года), а средний возраст умерших – 43,5 года (меньше, чем у такой же группы грузин, – 47,0 лет). В любом варианте эти значения существенно ниже среднего возраста жизни для мужчин, родившихся в исследуемый период (1937–1975 гг.), и очевидным образом связаны с «профессиональными рисками» для здоровья и жизни воров в законе.

Преступная жизнь (от года совершения первого зарегистрированного преступления до года смерти) продолжалась от 3 лет (Овсебян А. В.) до 56 лет (Усоян А. Р.), средний период составил 23 ± 12 лет, что больше, чем у лиц грузинской национальности (14 ± 12 лет) [1]. В статусе вора в законе обследованные лица пребывали закономерно меньшее количество лет – от 1 года (Бадалов О. Р. оглы, Мустафаев Р. М. оглы, Овсебян А. В.) до 55 лет (Усоян А. Р.), при этом средний период составил $17 \pm 13,5$ года, что опять же больше в сравнении с грузинами ($15,5 \pm 10$ лет). Статистически достоверной связи между возрастом вступления в криминальный мир и общей продолжительностью жизни не установлено ($r = -0,08$; $p < 0,32$). В отношении грузин такая связь была установлена, но на низком уровне статистической значимости ($r = 0,35$; $p < 0,32$) [1]. Вместе с тем чем в более раннем возрасте происходило посвящение обследованного лица в вора в законе, тем большее количество лет он проживал ($r = -0,61$; $p < 0,05$). Такая же закономерность была установлена в отношении грузин ($r = -0,59$; $p < 0,05$).

Рожденные в 70-е гг. XX столетия в среднем «короновались» в более зрелом возрасте, чем родившиеся в 30–60-е гг. XX в. ($r = 0,15$; $p < 0,32$). Такой же результат получен в отношении воров в законе грузинской национальности ($r = 0,12$; $p < 0,32$). Кроме того, лица, рожденные в 70-е гг., характеризовались меньшей продолжительностью жизни в сравнении с предшественниками ($r = -0,84$; $p < 0,05$), и поэтому меньше времени пребывали в статусе вора в законе ($r = -0,75$; $p < 0,05$). Сходная закономерность имела место в отношении грузин, хотя и не столь сильно выраженная (коэффициенты корреляции равны, соответственно, $-0,58$ и $-0,53$, $p < 0,05$ [1]).

Если всю выборку воров в законе разбить на две примерно равные группы по году рождения (середина – 1965 г.), то в первой (рожденные до этого года включительно) количество умерших (учитывая погибшего в ДТП) и убитых равно 8 и 5 (больше умерших), во второй (рожденные после 1965 г.) – 5 и 6 (больше убитых). Убийства были совершены с 1996 по 2013 г., при этом большинство в 2001–2003 гг. Умиряли обследованные лица с 2000 по 2020 г., преимущественно в 2005–2010 гг. Если всю выборку воров в законе разбить на две равные группы по году смерти (середина – 2006 г.), то в первой количество умерших и убитых равно 4 и 8 (в 2 раза больше убитых), во второй – 9 и 3 (в 3 раза больше умерших).

Такая же закономерность была установлена в отношении воров в законе грузинской национальности [1].

Б. Особенности дактилоскопических признаков. У 24 обследованных лиц встретились 17 вариантов основной дактилоскопической формулы, при этом повторились следующие варианты: «1-1» (5 раз), «31-28» (3 раза) и «30-22» (2 раза). Для сравнения, среди грузин преобладали «17-17» и «32-32». Самые частые значения числителя: «1» (6 раз), «31» (4 раза), «5» и «9» (по 3 раза). Самые частые значения знаменателя: «1» (5 раз), «17» и «28» (по 3 раза). Значение знаменателя чаще было меньше числителя (в 11 случаях из 24), реже – равно (в 8 случаях), еще реже – больше (в 5 случаях). Среди грузин, напротив, значение знаменателя чаще было больше числителя (в 9 случаях из 21) [1].

Дуговые типы узоров наблюдались с частотой $5,4 \pm 1,5$ % (реже в сравнении с грузинами – $7,1 \pm 1,8$ %), чаще всего (как и у грузин) на указательных пальцах правой и левой руки (по 23,1 %) и ни разу на больших пальцах, преимущественно на пальцах левой руки (соответственно 38,5 и 61,5 %). Радиальные петлевые узоры встречались с частотой $5,4 \pm 1,5$ % (почти в 2 раза чаще в сравнении с грузинами – $2,9 \pm 1,2$ %), на указательных (большой частью) и средних пальцах, чаще на пальцах правой руки (53,8 и 46,2 %). Ульнарные петлевые узоры встречались с частотой $51,3 \pm 3,2$ % (несколько чаще, чем у грузин – $44,8 \pm 3,2$ %), чаще на мизинцах левой (16,3 %) и правой руки (15,4 %) и реже всего на указательных пальцах правой (3,3 %) и левой руки (4,9 %), в целом чаще на пальцах левой руки (48,0 % и 52,0 %). Завитковые узоры наблюдались в $37,9 \pm 3,1$ % (реже, чем среди грузин: $45,2 \pm 3,2$ %), чаще всего на больших пальцах правой (16,5 %) и левой руки (13,2 %) и гораздо реже – на мизинцах правой (3,3 %) и левой руки (4,4 %), в целом чаще на пальцах правой руки (53,8 % и 46,2 %). Таким образом, в целом частота встречаемости типов узоров в двух сравниваемых выборках отличалась, но закономерности распределения типов узоров по пальцам и рукам были сходными.

Распределение по пальцам и рукам типов папиллярных узоров, используемых для составления дополнительной дактилоскопической формулы, представлено в таблице 1.

Анализ таблицы 1, по сравнению с аналогичной таблицей в отношении воров в законе грузинской национальности, представленной в работе [1], позволяет дополнительно установить ряд важных закономерностей:

- в обеих группах среди завитковых узоров преобладал вариант с внутренним положением левой дельты (код «7»);
- в исследуемой группе среди ульнарных петель преобладали узоры с малым значением гребневого счета (до 9 гребней – код «3»), тогда как среди воров в законе грузинской национальности – с большим значением гребневого счета (от 17 гребней – код «6»). Последняя закономерность особенно заметна в отношении ульнарных петель с локализацией на больших пальцах. Так, на большом пальце правой руки среди грузин встретились ульнарные петли только с кодом «6» (23,8 %), тогда как среди представителей других народов Закавказья и Северного Кавказа (за исключением грузин) – с кодами «3» (4,2 %), «5» (8,3 %) и «6» (25,0 %).

Таблица 1

Частота встречаемости типов узоров в группе воров в законе – представителей разных народов Закавказья и Северного Кавказа, за исключением грузин, %

Код типа узора	Пальцы правой руки						Пальцы левой руки						Обе руки
	1	2	3	4	5	Ср.	6	7	8	9	10	Ср.	
1	0,0	12,5	0,0	0,0	8,3	4,2	0,0	12,5	12,5	8,3	0,0	6,7	5,4
2	0,0	25,0	4,2	0,0	0,0	5,8	0,0	20,8	4,2	0,0	0,0	5,0	5,4
3	4,2	8,3	25,0	16,7	25,0	15,8	4,2	12,5	16,7	12,5	25,0	14,2	15,0
4	0,0	8,3	16,7	4,2	16,7	9,2	12,5	8,3	12,5	8,3	29,2	14,2	11,7
5	8,3	0,0	16,7	4,2	25,0	10,8	8,3	0,0	16,7	12,5	16,7	10,8	10,8
6	25,0	0,0	12,5	16,7	12,5	13,3	25,0	4,2	16,7	12,5	12,5	14,2	13,8
7	12,5	33,3	4,2	12,5	4,2	13,3	33,3	8,3	4,2	37,5	12,5	19,2	16,2
8	8,3	4,2	16,7	16,7	8,3	10,8	12,5	8,3	8,3	4,2	4,2	7,5	9,2
9	41,7	8,3	4,2	29,2	0,0	16,7	4,2	25,0	8,3	4,2	0,0	8,3	12,5

Сравнительный анализ дактилоскопических признаков с данными антропологических исследований показал, что частота встречаемости пальцевых типов узоров у народов Закавказья и Северного Кавказа [3; 4] колеблется в известных пределах в зависимости от этногеографического происхождения того или иного народа (табл. 2).

Таблица 2

Частота встречаемости типов узоров в популяциях мужчин различных народов Закавказья и Северного Кавказа, за исключением грузин, %

Источник (автор)	Народность	n	Типы узоров			
			A	Lr	Lu	W
Кочар Н. Р., 1989	Армяне	986	2,5	3,6	51,7	42,1
Хить Г. Л., 1983	Армяне (Дилижан)	90	4,4	4,4	51,4	44,2
	Армяне (Ереван)	100	5,2	3,4	49,2	42,2
	Курды-езиды	45	4,0	2,0	40,9	53,1
	Азербайджанцы (Нахичевань)	100	4,7	2,6	50,2	42,5
	Азербайджанцы (Астафа)	100	5,0	2,5	44,2	48,3
	Ингуши	102	7,7	6,3	58,7	27,3
	Чеченцы	102	6,8	4,8	55,8	32,6
	Осетины (тульцы)	103	7,3	4,2	53,9	34,6
	Аварцы	110	9,0	3,5	54,8	32,7
	Кумыки	93	4,8	3,5	50,5	41,2
В среднем (пропорционально соотношению представителей различных народов в выборке воров в законе)			4,3	3,1	47,9	44,7
Наши данные	Воры в законе	24	5,4	5,4	51,3	37,9

При соблюдении пропорции между представителями разных народов, которая наблюдалась в исследованной выборке воров в законе, можно получить усредненные ожидаемые («эталонные») значения частоты встречаемости типов узоров в выборке мужчин народов Закавказья и Северного Кавказа. Для дуговых узоров частота встречаемости составила $4,3 \pm 0,6 \%$, для петлевых узоров радиальной ориентации – $3,1 \pm 0,5 \%$, для петлевых узоров ульнарной ориентации – $47,9 \pm 1,6 \%$, для завитковых узоров – $44,7 \pm 1,6 \%$. Между тем среди воров в законе из нашей выборки для дуговых узоров частота встречаемости составила $5,4 \pm 1,5 \%$ (более высокая), для петлевых узоров радиальной ориентации – $5,4 \pm 1,5 \%$ (более высокая), для петлевых узоров ульнарной ориентации – $51,3 \pm 3,2 \%$ (более высокая), для завитковых узоров – $37,9 \pm 3,1 \%$ (более низкая). Статистически значимая разница (на уровне, приемлемом для поиска закономерностей) установлена лишь в отношении завитков ($t = 1,96$; $p = 0,10$).

Общая тенденция, таким образом, заключается в уменьшении среди воров в законе негрузинской национальности частоты встречаемости завитковых типов узоров (с $44,7$ до $37,9 \%$) на фоне некоторого увеличения частоты встречаемости дуговых (с $4,3$ до $5,4 \%$) и радиальных петлевых узоров (с $3,1$ до $5,4 \%$). В группе воров в законе грузинской национальности, напротив, наблюдалось увеличение частоты встречаемости завитковых узоров (с $40,5$ до $50,0 \%$) на фоне некоторого увеличения частоты встречаемости дуговых (с $5,0$ до $7,1 \%$) и уменьшения частоты встречаемости радиальных петлевых узоров (с $2,9$ до $3,4 \%$). Тем самым сходство среди воров в законе двух разных по национальному составу групп наблюдалось лишь в увеличении встречаемости дуговых узоров. Примечательна также сходная направленность изменения соотношения частот встречаемости завитковых и дуговых узоров в общей популяции и среди воров в законе: в выборке лиц негрузинской национальности соотношения равны, соответственно, 10 и 7 (наблюдается сдвиг соотношения в сторону уменьшения у воров в законе); в выборке лиц грузинской национальности соотношения равны, соответственно, 8 и 7 (наблюдается аналогичный сдвиг).

Незначительность сходства дерматоглифики двух групп воров в законе может носить случайный характер (в силу малочисленности сравниваемых групп, соответственно, 24 и 21 наблюдение), а также выступать следствием разной направленности случайного группового отбора на этапе планирования исследования и сбора первичных материалов. Как было продемонстрировано в начале статьи, воры в законе из первой группы (негрузинской национальности) нередко совершали преступления против здоровья и жизни человека ($25,0 \%$), тогда как во второй группе (грузины) такого рода преступления (доказанные) были более редкими ($4,8 \%$). По данным [7], вид преступления коррелирует с особенностями дерматоглифического фенотипа. Наши исследования косвенно подтверждают это. Так, нами было проведено сопоставление авторских данных о дерматоглифике воров в законе с опубликованными сведениями о дерматоглифических маркерах преступного поведения. Одним из наиболее известных примеров такого рода маркеров является левосторонняя асимметрия типов узоров на больших

пальцах (петлевой узор на большом пальце правой руки и завитковый узор на большом пальце левой руки): такой вариант дерматоглифики встречается у 80 % серийных убийц [8]. По нашим данным, он имел место лишь у 4 человек из 24 воров в законе негрузинской национальности (т. е. в 16,7 %). Среди воров в законе грузинской национальности этот показатель оказался существенно ниже (4,8 %) [1]. В общей популяции такой вариант дерматоглифики имеет частоту 5,0 %.

Еще одним групповым маркером может служить сходство на уровне подвидов папиллярных узоров [9]. Как было установлено нами ранее, среди воров в законе грузинской национальности примером такого маркера является завитковый узор с сердцевинкой в форме «кошачьего глаза» (встречался в 33,3 %, причем устойчиво – в большинстве завитковых узоров одного человека) [1]. Среди воров в законе негрузинской национальности такой вариант был обнаружен всего лишь в одном наблюдении (4,2 %) и не касался всех завитковых узоров, имевшихся у человека. Вместе с этим характерным оказался простой завитковый узор с сердцевинкой в форме круга (овала, спирали) – он имел место в 5 наблюдениях (20,8 %); при наличии такого подвида завиткового узора хотя бы на одном пальце он встречался и на всех других пальцах с завитковыми узорами (рис. 1, 2). Среди воров в законе грузинской национальности такой вариант наблюдался с меньшей частотой – 9,5 %, а в общей популяции – 16,5 % [10].

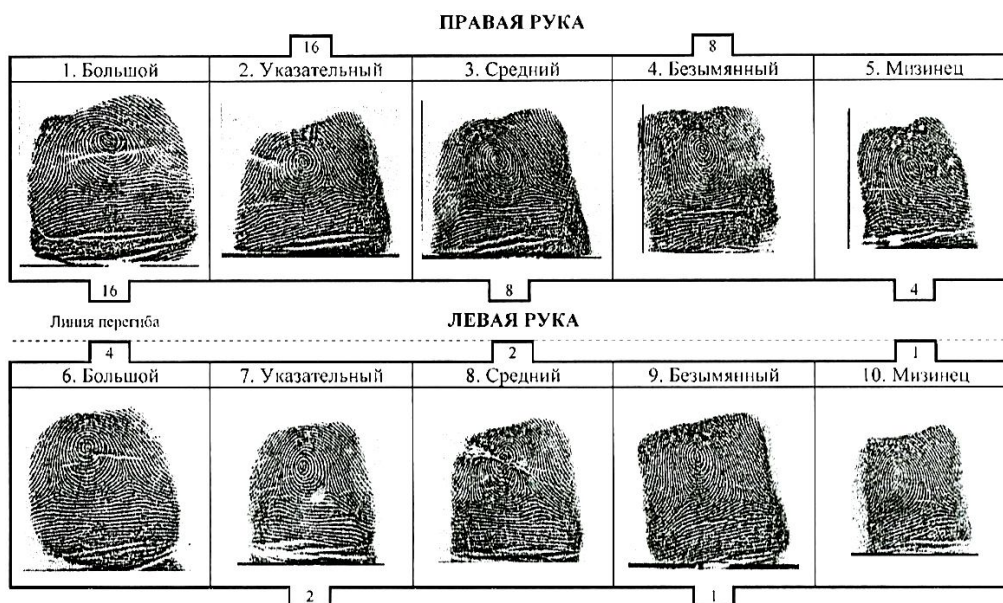

Рис. 1. Фрагмент дактилоскопической карты Мусояна К. А. со схожими простыми завитковыми узорами на разных пальцах

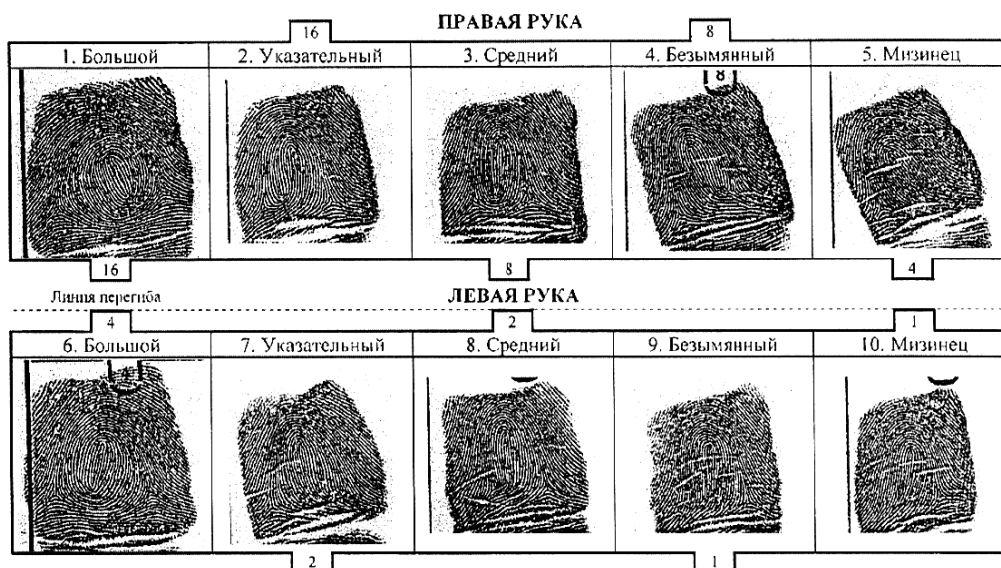

Рис. 2. Фрагмент дактилоскопической карты Каландадзе Б. Г.
со схожими завитковыми узорами по типу «кошачьего глаза» на разных пальцах

Анализ раздела «Приметы» в примечании к дактилоскопическим картам практически не дал какой-либо значимой информации: в 16 случаях раздел был не заполнен, в 4 представлена мало что значащая запись «н/д» (нет данных), в одном указывалось «Гражданство Армении, РФ» (Овсепян А. В.), в одном – «Умер 23.07.07 г.» (Мустафаев Р. М. оглы), и только в 2 (8,3 %) содержалась собственно информация о приметах, а именно: «1, 4 п. – поврежден» (Асланов Ш. В.) и «Шрам: 2 п.» (Исоян А. О.). Похожая ситуация была с дактилоскопическими картами воров в законе грузинской национальности – информация о приметах имела в отношении лишь 3 человек из 21 (14,3 %). Такое положение дел связано с низким качеством заполнения дактилоскопических карт, а также с тем, что воры в законе часто не обладают внешне заметными (броскими) приметами. Так, изучение фотоснимков указанной категории лиц, представленных в систематизированном виде в открытом источнике [2], свидетельствует о том, что на лице и руках (кистях) ни у кого из них не были заметны татуировки и деформирующие тело рубцы (шрамы). Лишь у двоих на редких фотографиях с обнаженным торсом определялись татуировки: на правой переднебоковой поверхности живота изображение Девы Марии с младенцем (Лазгиян Г. О.); на передней поверхности плечевых областей восьмиконечные звезды и в левой половине груди голова тигра (Егиев С. Г.).

По нашим данным, у 18 из 24 человек (75,0 %) в отпечатках пальцев были обнаружены различного вида рубцы (всего 41 рубец); в среднем в популяции рубцы встречаются значительно реже (примерно в 11,2 %) [11]. Количество рубцов у одного человека (на всех пальцах) заметно варьировалось: 1 рубец – у 5 человек, 2 – у 7, 3 – у 7, 4 – у 1 (Сагатов Э. Е.). Чаще всего они располагались в отпечатках указательного пальца правой руки (в 14 случаях – 34,2 %), реже – в отпечатках средних пальцев правой и левой руки (по 5 случаев), в отпечатках указательного пальца левой руки и больших пальцев правой и левой руки (по 4 раза), а также в единичных случаях в отпечатках безымянных пальцев

и мизинцев. Суммарно рубцы обнаруживались чаще всего в отпечатках пальцев правой руки – 26 раз (63,2 %), в отпечатках пальцев левой руки – 15 раз (36,8 %). Полученные данные полностью согласуются с результатами в отношении воров в законе грузинской национальности, хотя и у них рубцы в целом встречались реже [1]. Большие рубцы, деформирующие пальцевую подушечку, обнаружены в 3 случаях, при этом в одном наблюдении это затрудняло распознавание типа папиллярного узора (Нальгиев Б. А.). Изменений, характерных для умышленного искажения («выведения») папиллярного рельефа гребешковой кожи с помощью агрессивных жидкостей (кислот, щелочей), воздействия на кожу раскаленных предметов либо срезания верхнего слоя кожи, не встретилось. Помимо рубцов, в одном случае в дактилоскопической карте были представлены отпечатки пальцев только одной (левой) руки (Бадалов О. Р. оглы) без указания причины (вероятно, из-за повреждения правой руки на момент получения отпечатков – на фотоснимках в последующие периоды жизни правая рука фиксировалась без каких-либо травматических либо посттравматических изменений [2]).

Хорошо заметные белые точки в отпечатках пальцев встречались очень часто – в 22 случаях из 24 (91,7 %), сильная степень их выраженности имела место всего в 3 случаях (12,5 %). Для сравнения, в среднем в популяции белые точки встречаются примерно в 50,9 % [11]. Белые линии представлены реже – в 15 случаях (62,5 %), сильная степень их выраженности наблюдалась редко – в 2 случаях (8,3 %). У воров в законе грузинской национальности эти же признаки встречаются несколько реже [1]. В среднем в популяции белые линии и белые точки чаще отсутствуют (примерно в 55,4 %) [10].

Дополнительным источником информации о приметах человека может выступать воровское имя (воровская кличка). По нашим данным, большинство из них (11 из 24) были связаны с исходным именем (нередко в уменьшительно-ласкательном варианте) и местом рождения: Вова Тбилисский (Ованесян Владимир Р., родился в Тбилиси); Сержик Тбилисский (Егиев Сергей Г., родился в Тбилиси); Маисик Кироваканский (Карапетян Майис А., родился в Кировакане). Некоторые же (7 из 24) были ассоциированы с определенной особенностью внешности или поведения (причем в 4 случаях в сочетании с именем): Гиви Маленький (Лазгиян Гиви О. – очень низкого роста); Ислам Большой (Эдильгиреев Ислам Х. – крупного телосложения); Пухлый (Арутюнян Армен В. – с избыточным весом вследствие сильного ожирения); Башир Слепой (Нальгиев Башир А. – близко посаженные глаза); Дед Хасан (Усоян Аслан Р. – прожил дольше всех, до 75 лет); Бацилла (Тонян Александр Г. – всего 1 судимость, мелкого телосложения); Лабаз (Серажутдинов Рамазан Г. – вероятно, в значении «хранитель»). Реже воровские клички были связаны только с именем (6 из 24), но практически всегда, так или иначе, с именем (21).

Воры в законе грузинской национальности имели воровские клички, имеющие отношение только к имени или к имени и месту рождения: Бакура (Каландадзе Бакури Г.), Роланд Кутаисский (Чикваидзе Роланд В.) и др. Нередко в кличке исходное имя было представлено в краткой форме, но, как правило, не носило уменьшительно-ласкательный характер: Каха Гальский (Парпалия Кахабери З.), Дато Тбилисский (Какулия Давид Г.). Практически не встречались клички, отражающие особенности внешности или поведения вора в законе, исключением была лишь одна – Датошка Нахаловский (Хмиадашвили Давид Г.).

Наиболее важные результаты исследования в обобщенном виде представлены в таблице 3.

Таблица 3

**Сходные и различающиеся признаки личности воров в законе
народов Закавказья и Северного Кавказа**

№ п/п	Признак	Грузины	Армяне, курды, азербайджанцы и др.
1.	Место рождения: – Тбилиси; – Кутаиси; – малые города, поселки и села	+++ ++ ++	++ – ++
2.	Годы рождения в связи с циклами солнечной активности: – при нарастании (с 1954 г., с 1965 г.); – при убывании (с 1961 г., с 1972 г.)	++ +	++ +/-
3.	Время года при рождении: – чаще; – реже	весна, лето осень, зима	весна осень, зима
4.	Средний возраст первого преступления, лет	20	26
5.	Средний возраст «коронавания», лет	24	26
6.	Среднее количество судимостей	3	4
7.	Виды преступлений (частые, отличительные): – хулиганство; – кража; – незаконное хранение, сбыт наркотиков; – незаконное хранение, сбыт оружия; – разбой; – убийство; – причинение тяжкого вреда здоровью	+++ +++ +++ + ++ + +/-	+++ +++ +++ ++ + ++ +
8.	Средний период пребывания в статусе вора в законе, лет	16	17
9.	Средняя продолжительность жизни, лет	40	43
10.	Доля преждевременной насильственной смерти, %	62	50
11.	Основная причина смерти – огнестрельная травма, %	58	75
12.	Частые варианты основной дактилоформулы	17-17; 32-32	1-1; 31-28
13.	Особенность дерматоглифики пальцев рук в сравнении с общепопуляционными показателями	↑A, ↓Lr, ↑W	↑A, ↑Lr, ↓W
14.	Код частого варианта W-узора (по расположению дельт)	7	7
15.	Код частого варианта Lu-узора (по гребневному счету)	3	6
16.	Особенность центральной части W-узора	«кошачий глаз»	простой круг, овал
17.	Маркер «скрытого левшества», % (Lu-узор на 1-м пальце / W-узор на 6-м пальце)	4,8	16,7
18.	Рубцы в отпечатках пальцев рук	++	+++
19.	Белые точки в отпечатках пальцев рук	++	++
20.	Белые линии в отпечатках пальцев рук	+	++
21.	Особенности образования воровских имен: – по исходному имени; – наиболее частая форма имени; – по месту рождения; – по особенностям внешности или поведения	+++ краткая ++ +/-	+++ уменьшительная ++ ++

Заключение. В проведенном исследовании дана детальная описательная характеристика личности воров в законе, представляющих различные народы Закавказья и Северного Кавказа. На основе сравнительного анализа признаков, характерных для грузин, с одной стороны, и иных народов Закавказья и Северного Кавказа (армян, курдов, азербайджанцев и пр.) – с другой, установлены общие (групповые) признаки данной категории преступников, не зависящие (или мало зависящие) от их этнотерриториальной принадлежности. Общие признаки проявляются на социальном и биологическом уровнях организации личности, последние при этом выражаются во врожденных (определяющих предрасположенность к делинквентности) и приобретенных признаках. Кроме того, установлены некоторые этнотерриториальные различия, имеющие как случайную природу (в связи с малочисленностью исследованных выборок воров в законе), так и закономерную (в силу влияния данного фактора на антропогенетические особенности внешности, языковые и поведенческие традиции).

Результаты исследования свидетельствуют о целесообразности продолжения комплексного изучения личности воров в законе с перспективой создания информационной базы в отношении преступников данной категории, которая будет способствовать более эффективной борьбе с организованной преступностью.

Список источников

1. Божченко А. П., Ардашев Р. Г., Китаев Н. Н. Социально-биологическая характеристика личности воров в законе грузинской национальности // Судебная экспертиза. 2023. № 4. С. 64–76.
2. Полный список воров в законе // Прайм Крайм. URL: <http://www.primecrime.ru/characters> (дата обращения: 12.01.2024).
3. Кочар Н. Р. Антропология армян: дерматоглифика и популяционная структура. Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1989. 103 с.
4. Хить Г. Л. Дерматоглифика народов СССР. Москва: Наука, 1983. 280 с.
5. Влияние циклической солнечной активности на показатели насильственной смерти / А. П. Божченко, М. Т. Исмаилов, Ю. В. Назаров [и др.] // Биомедицина и социология. 2023. № 8. С. 36–41.
6. Захарова О. Д. Демографическая ситуация в СССР в 80-е годы // Социологические исследования. 1991. № 4. С. 42–52.
7. Ефремов И. С., Зороастров О. М., Чистикин А. Н. Дерматоглифические особенности кожных узоров лиц, осужденных за изнасилование // Судебно-медицинская экспертиза. 2014. № 5. С. 15–17.
8. Богданов Н. Н., Самищенко С. С., Хвыля-Олинтер А. И. Дерматоглифика серийных убийц // Вопросы психологии. 1998. № 4. С. 61–65.
9. Скоревич А. С., Фоминых И. С., Ахмедшин Р. Л. О взаимосвязи между особенностями папиллярного узора и психологическими свойствами личности // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 409. С. 178–186.
10. Пророков И. И. Криминалистическая экспертиза следов: учеб. пособие для вузов МВД СССР. Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1980. 286 с.

11. Божченко А. П. Особенности строения папиллярных узоров пальцев рук, обусловленные их анатомической локализацией // Судебная экспертиза. 2016. № 4. С. 67–81.

References

1. Bozhchenko A. P., Ardashev R. G., Kitaev N. N. Socio-biological characteristics of the personality of thieves in law of Georgian nationality. Forensic examination, 64–76, 2023. (In Russ.).
2. A complete list of thieves in law. Available from: <http://www.primecrime.ru/characters>. Accessed: 12 January 2024. (In Russ.).
3. Kochar N. R. Anthropology of Armenians: dermatoglyphics and population structure. Erevan: Academy of Sciences of the Armenian SSR Publ.; 1989: 103. (In Russ.).
4. Khit G. L. Dermatoglyphics of the peoples of the USSR. Moscow: Nauka; 1983: 280. (In Russ.).
5. Bozhchenko A. P., Ismailov M. T., Nazarov Yu. V. (et al.). The effect of cyclical solar activity on violent death rates. Biomedicine & Sociology, 36–41, 2023. (In Russ.).
6. Zakharova O. D. Demographic situation in the USSR in the 80s. Sociological research, 42–52, 1991. (In Russ.).
7. Efremov I. S., Zoroastrov O. M., Chistikin A. N. The dermatoglyphic peculiarities of skin patterns in the subjects convicted for the sexual offence. Forensic medical examination, 15–17, 2014. (In Russ.).
8. Bogdanov N. N., Samishchenko S. S., Khvylya-Olinter A. I. Dermatoglyphics of serial killers. Questions of psychology, 61–65, 1998. (In Russ.).
9. Skorevich A. S., Fominykh I. S., Akhmedshin R. L. On the relationship between the features of the papillary pattern and the psychological properties of personality. Bulletin of Tomsk State University, 178–186, 2016. (In Russ.).
10. Prorokov I. I. Forensic examination of traces. Textbook for universities of the Ministry of Internal Affairs of the USSR. Volgograd: Higher Investigative School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR; 1980: 286. (In Russ.).
11. Bozhchenko A. P. Structural features of papillary patterns of fingers, due to their anatomical localization. Forensic examination, 67–81, 2016. (In Russ.).

Божченко Александр Петрович,

профессор кафедры судебной медицины и медицинского права
Военно-медицинской академии, доктор медицинских наук, профессор;
bozhchenko@mail.ru

Ардашев Роман Георгиевич,

начальник кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин
Восточно-Сибирского института МВД России,
доктор философских наук, кандидат юридических наук; ardashevrg@yandex.ru

Kutaeв Николай Николаевич,

доцент кафедры юриспруденции Иркутского национального
исследовательского технического университета,
кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист РФ;
valentusis@inbox.ru

Bozhchenko Alexander Petrovich,

professor of the department of forensic medicine and medical law
of the Military Medical Academy, doctor of medical sciences, professor;
bozhchenko@mail.ru

Ardashev Roman Georgievich,

head of the department
of philosophy and socio-humanities disciplines
of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
doctor of philosophical sciences, candidate of juridical sciences;
ardashevrg@yandex.ru

Kitaev Nikolay Nikolaevich,

associate professor of the law department
of the Irkutsk National Research Technical University,
candidate of juridical sciences, associate professor,
honored lawyer of the Russian Federation; valentusis@inbox.ru

Статья поступила в редакцию 09.02.2024; одобрена после рецензирования
26.02.2024; принята к публикации 16.05.2024.

The article was submitted 09.02.2024; approved after reviewing 26.02.2024; accepted
for publication 16.05.2024.

* * *

УДК 343.983.2

**СУДЕБНО-БАЛЛИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
ОХОТНИЧЬЕГО КАРАБИНА TG-2 (ПАРАДОКС) КАЛИБРА .366 ТКМ
И СЛЕДОВ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ****Игорь Владимирович Латышов**Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия,
latyshov@gmail.com

Аннотация. В статье рассмотрены конструкция и тактико-технические характеристики охотничьего карабина TG-2 (Парадокс) калибра .366 ТКМ. В общем порядке их определяет имеющая место в отечественном оружейном производстве практика создания гражданских моделей огнестрельного оружия на конструктивной платформе боевого огнестрельного оружия, в нашем случае – 7,62 мм автоматов Калашникова, а также установленные российским законодателем требования ограничительного характера к гражданскому огнестрельному оружию. По результатам исследования сформирован комплекс криминалистически значимой информации о следах карабина на выстреленных пулях, стреляных гильзах и поврежденных при выстреле преградах. Выявлены особенности следов полей нарезов канала ствола на ведущей части выстреленных пуль, формы пояса обтирания, размеров «дефекта» в структуре входного огнестрельного отверстия, отдельных дополнительных следов близкого выстрела на мишенях из ткани. Их появление определяет конструкция охотничьего карабина TG-2 (Парадокс) калибра .366 ТКМ, а также характеристики используемого для стрельбы охотничьего патрона калибра .366 ТКМ и его образцов. Установлены различия в отображении основного и дополнительных следов близкого выстрела на мишенях в случаях стрельбы из карабина патронами калибра .366 ТКМ с оболочечными пулями FMJ и полуболочечными пулями «КИОН 15». Отмечено, что предложенный в работе подход к формированию криминалистически значимой информации о судебно-баллистических характеристиках охотничьего карабина TG-2 (Парадокс) калибра .366 ТКМ и следов его применения отвечает требованиям современной экспертной практики и может быть положен в основу научных исследований других моделей как боевого, так и гражданского огнестрельного оружия.

Ключевые слова: охотничий карабин, сверловка (Парадокс), следы на пулях и гильзах, следы близкого выстрела

Для цитирования: Латышов И. В. Судебно-баллистические характеристики охотничьего карабина TG-2 (Парадокс) калибра .366 ТКМ и следов его применения // Судебная экспертиза. 2024. № 2 (78). С. 41–51.

© Латышов И. В., 2024

FORENSIC BALLISTIC CHARACTERISTICS OF THE TG-2 HUNTING CARBINE (PARADOX) CALIBRE .366 TCM AND TRACES OF ITS USE

Igor Vladimirovich Latyshov

Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia,
Saint Petersburg, Russia, latyshov@gmail.com

Abstract. The article considers the design and tactical and technical characteristics of the hunting carbine TG-2 (Paradox) calibre .366 TCM. In general, they are determined by the practice of creating civilian models of firearms in the domestic arms industry on a constructive platform of combat firearms, in our case – 7,62 mm Kalashnikov assault rifles, as well as restrictive requirements for civilian firearms established by the Russian legislator. Based on the results of the study, a complex of criminalistically significant information was formed about the traces of a carbine on fired bullets, spent cartridges and obstacles damaged by a shot. The features of the traces of the rifling fields of the bore on the leading part of the fired bullets, the shape of the wiping belt, the size of the "defect" in the structure of the entrance firearm, individual additional traces of a close shot on targets made of fabric were revealed. Their appearance is determined by the design of the TG-2 hunting carbine (Paradox) calibre .366 TCM, as well as the characteristics of hunting cartridge used for shooting calibre .366 TCM and its samples. Differences have been established in the display of the main and additional traces of a close shot on targets in cases of firing from a carbine with cartridges calibre .366 TCM with FMJ shell bullets and KION 15 semi-shell bullets. It is noted that the approach proposed in the work to the formation of criminalistically significant information about the forensic ballistic characteristics of the TG-2 hunting carbine (Paradox) calibre .366 TCM and traces of its use meet the requirements of modern expert practice and can be used as the basis for scientific research of other models of both military and civilian firearms.

Keywords: hunting carbine, drilling (Paradox), traces on bullets and shell casings, traces of a close shot

For citation: Latyshov I. V. Forensic ballistic characteristics of the TG-2 hunting carbine (Paradox) calibre .366 TCM and traces of its use. Forensic Examination, 41–51, 2024. (In Russ.).

Одной из задач судебной баллистики является формирование криминалистически значимой информации об огнестрельном оружии и его следах на выстреленных пулях, стреляных гильзах и поврежденных при выстреле преградах, необходимой для успешного решения идентификационных и диагностических задач судебно-баллистической экспертизы, что способствует результативности расследования преступлений в целом. Особенно остро проблема стоит в отношении охотничьего огнестрельного оружия, создаваемого оружейной промышленностью на конструктивной платформе уже известных моделей боевого огнестрельного оружия.

К настоящему времени в учебной и справочно-методической литературе по судебной баллистике, комплексно отражающей сведения о судебно-баллистических характеристиках охотничьего огнестрельного оружия и следах его применения,

можно выделить лишь единичные работы [1]. В других источниках в этом ключе рассматриваются преимущественно модели боевого огнестрельного оружия [2; 3 и др.].

Аналогичная картина имеет место и в отношении научных работ, содержание которых ограничено анализом только материальной части огнестрельного оружия и его следов на пулях и гильзах [4], т. е. по факту сведения о судебно-баллистических характеристиках введенных в оборот новых моделей охотничьего огнестрельного оружия эксперт может получить лишь путем обращения к официальным сайтам производителей стрелкового оружия либо из материалов проведенных ранее сертификационных испытаний гражданского огнестрельного оружия – информационных листов к ним.

Вышесказанного явно недостаточно в силу принятых в практике структуры и содержания информационных листов либо сведений на сайтах оружейных компаний, содержащих малую часть необходимой эксперту информации. Нужны расширенные сведения об огнестрельном оружии и следах его применения и по гораздо большему перечню судебно-баллистических характеристик объектов. Это касается сведений о конструкции огнестрельного оружия, его следах на пулях и гильзах, характеристиках следов близкого выстрела ряда моделей гражданского огнестрельного оружия, угла и дальности вылета из оружия стреляных гильз, установленного производителем усилия на спусковой крючок для спуска курка и др.

В целях устранения названных пробелов в информационном обеспечении судебно-баллистических экспертиз проведено исследование одной из недостаточно изученных судебной баллистикой моделей гражданского огнестрельного оружия – охотничьего карабина TG-2 (Парадокс) кал. .366 ТКМ (далее – карабин) и его следов на выстреленных пулях, стреляных гильзах и поврежденных при выстреле преградах.

Данный карабин разработан и производится АО «Концерн «Калашников». Известны следующие варианты его исполнения в кал. .366 ТКМ (9,5 × 38 мм) [5]:

- TG-2 со складывающимся прикладом, цевьем и накладкой ствола из высокопрочного термостойкого полимера с планками Пикатинни и дульным тормозом (рис. 1);
- TG-2 исполнение 1 со складывающимся прикладом, цевьем и накладкой ствола из древесины с дульным тормозом;
- TG-2 исполнение 3 со складывающимся прикладом, цевьем и накладкой ствола из высокопрочного термостойкого полимера с планками Пикатинни и дульным пламегасителем.

Первые две разновидности имеют внешнее сходство с 7,62 мм автоматом Калашникова АК-103, третья – с автоматом АК-104 того же калибра.

Рис. 1. Охотничий карабин TG-2 (Парадокс) кал. .366 ТКМ

Однако в отличие от боевого прототипа карабин обладает рядом конструктивных и функциональных особенностей.

Так, канал ствола карабина содержит сверловку (Парадокс)¹, для стрельбы применяется модельная линейка разработанных ЗАО «Техкрим» патронов кал. .366 ТКМ (с оболочечной пулей "FMJ" (далее – пуля FMJ), полуболобочечной пулей SP «КИОН-15» (далее – пуля КИОН), цельнометаллической пулей из цинкового сплава «ЭКО», свинцовой пулей в полимерной антифрикционной оболочке «ДЭРИ» и др.). Автоматика карабина использует энергию отдачи части пороховых газов через газоотводное отверстие в стволе. Для надежности работы газоотводного механизма карабина, в сравнении с 7,62 мм автоматом Калашникова АК-103, диаметр газоотводного отверстия немного увеличен. Внесены изменения и в конструкцию затворной рамы с газовым поршнем (на газовом поршне отсутствуют газодинамические канавки, на затворной раме снизу нет обычного для автоматов Калашникова выступа для утапливания вниз рычага автоспуска). В целом же в карабине вполне ожидаемо наличие известных еще с ранней модели автомата Калашникова – АК-47 деталей, сборочных единиц и механизмов (рис. 2).

Вместе с тем во исполнение требований законодательства к гражданскому огнестрельному оружию емкость магазина карабина ограничена 10 патронами² (в корпусе магазина установлен специальный ограничитель), а также исключена возможность ведения непрерывной стрельбы (стрельбы очередями). Переводчик огня выставляется в позиции предохранения (верхнее положение) и стрельбы одиночными выстрелами (нижнее положение). Установленный в ствольной коробке блокиратор исключает стрельбу из карабина при сложенном прикладе.

Рис. 2. Детали и сборочные единицы карабина после неполной разборки:

- 1 – ствольная коробка в сборе со стволом; 2 – рукоятка; 3 – спусковой крючок в сборе;
4 – курок; 5 – затвор в сборе; 6 – затворная рама с газовым поршнем в сборе;
7 – возвратный механизм; 8 – газовая трубка; 9 – крышка ствольной коробки;
10 – приклад; 11 – цевье; 12 – дульный тормоз; 13 – магазин

¹ В соответствии с изменениями отечественного законодательства в области регулирования оборота оружия гражданское огнестрельное оружие со сверловкой канала ствола (Парадокс) считается в настоящее время нарезным (см.: Об оружии: федер. закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 07.01.2024). Ст. 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (далее – Закон об оружии)).

² См. ст. 3 Закона об оружии.

Рассматриваемый карабин относится к группе самозарядного огнестрельного оружия (табл. 1). Это отличает его от боевых моделей автомата Калашникова, в которых есть автоспуск и возможность комбинации режимов стрельбы (автоматический, одиночный).

Таблица 1

Основные тактико-технические характеристики карабина

Калибр, мм.....	9,5
Применяемый патрон.....	366 ТКМ
Образец патрона, мм.....	9,5 × 38
Вместимость магазина, шт. патронов	10
Габаритные размеры карабина, мм, не более:	
– длина в боевом положении	945
– длина со сложенным прикладом	705
– ширина	70
– высота	264
Масса карабина с неснаряженным магазином, кг, не более	3,6
Длина ствола, мм	415
Длина нарезной части ствола, мм, не более.....	130
Шаг нарезов, мм	500
Тип сверловки ствола.....	«Парадокс»
Начальная скорость пули при выстреле, м/с:	
– патрон .366 ТКМ с пулей FMJ.....	600
– патрон .366 ТКМ с пулей КИОН.....	600
– патрон .366 ТКМ с пулей «ДЭРИ».....	550
– патрон .366 ТКМ с пулей «ЭКО»	760
Темп стрельбы, выстрел/мин	65
Усилие спуска курка, кг.....	около 2

Детали и сборочные единицы карабина имеют следующие маркировочные обозначения:

– на ствольной коробке – индивидуальный номер изделия, наименование модели (TG2), товарный знак и страна-изготовитель, используемый патрон (366 ТКМ);

– на стволе – клеймо официальной испытательной лаборатории, признанное Постоянной международной комиссией по испытаниям ручного огнестрельного оружия, и год испытания карабина (рис. 3), унифицированное клеймо Постоянной международной комиссии за нормальное испытание (рис. 4); 366 ТКМ – обозначение используемого патрона;

Рис. 3. Клеймо официальной испытательной лаборатории, признанное Постоянной международной комиссией по испытаниям ручного огнестрельного оружия

CIP
N

Рис. 4. Унифицированное клеймо Постоянной международной комиссии за нормальное испытание

– на ствольной коробке и затворе дополнительно расположены клейма официальной испытательной лаборатории и Постоянной международной комиссии.

В целях получения сведений о характеристиках следов карабина на выстреленных пулях, стреляных гильзах и поврежденных при выстреле преградах из него была проведена экспериментальная стрельба. Для производства стрельбы использовались патроны кал. .366 ТКМ с пулями FMJ и пулями КИОН. Оболочка пуль томпаковая. Патронами каждого образца было проведено по 30 выстрелов.

Выстреленные пули улавливались в пулеулавливателе – тормозящей среде в виде высокопрочных кевларовых нитей.

Экспериментальная стрельба из карабина велась в мишени из белой хлопчатобумажной бязи размерами 30 × 30 см с близких дистанций (0–150 см). В качестве подложки мишеней использовался гофрированный картон. Мишени размещались вертикально на мишенной площадке под углом 90° к продольной осевой канала ствола.

Следы канала ствола карабина на выстреленных пулях характеризуют следующие данные:

- количество следов полей нарезов – 6;
- ширина следов полей нарезов, мм – 1,15;
- направление следов полей нарезов – правое;
- угол наклона следов полей нарезов, гр. – около 3.

Следы полей нарезов (первичные и вторичные) и следы дна нарезов на ведущей части выстреленных пуль выражены ясно, отображаются устойчиво. На пуле после ее отделения от гильзы при выстреле также возникают динамические следы скольжения от верхней кромки корпуса гильз (рис. 5).

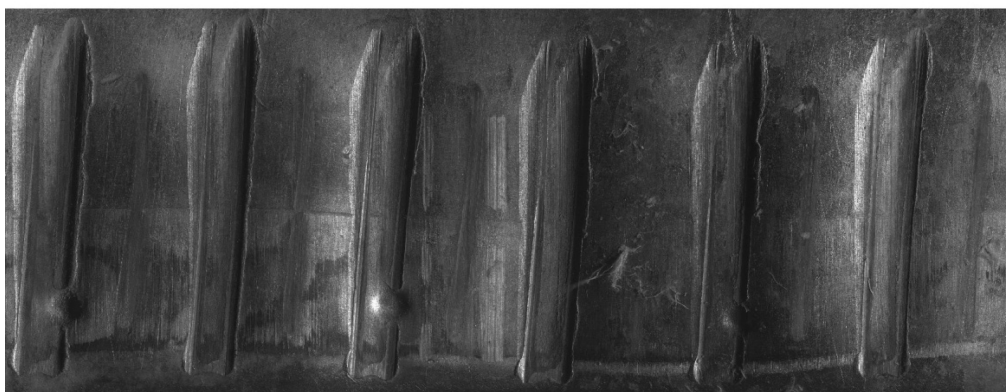

Рис. 5. Следы канала ствола карабина на ведущей части выстреленной пули FMJ

На стреляных гильзах с разной степенью выраженности отображаются следы: бойка ударника; гнезда под боек ударника; патронного упора (чашки затвора); отражателя; зацепа выбрасывателя; венчика чашки затвора; углов досылателя затвора; края утолщения цилиндрической части затвора; среза патронника; направляющего выступа (патронного ввода); края окна крышки ствольной коробки. Следы, возникающие при снаряжении магазина, в общей следовой картине слабодифференцированы.

В общем порядке форма, размеры, локализация и взаимное расположение следов частей карабина на торце донной части стреляной гильзы (рис. 6) сходны со следами, образуемыми при стрельбе из его боевых прототипов – 7,62 мм автоматами Калашникова. Наибольшее значение для идентификации конкретного экземпляра карабина имеют следы бойка ударника, гнезда под боек ударника, патронного упора (чашки затвора), отражателя, зацепа выбрасывателя. Остальные виды следов менее выражены, а их структура лишена необходимого качества отображаемых признаков следообразующих частей оружия.

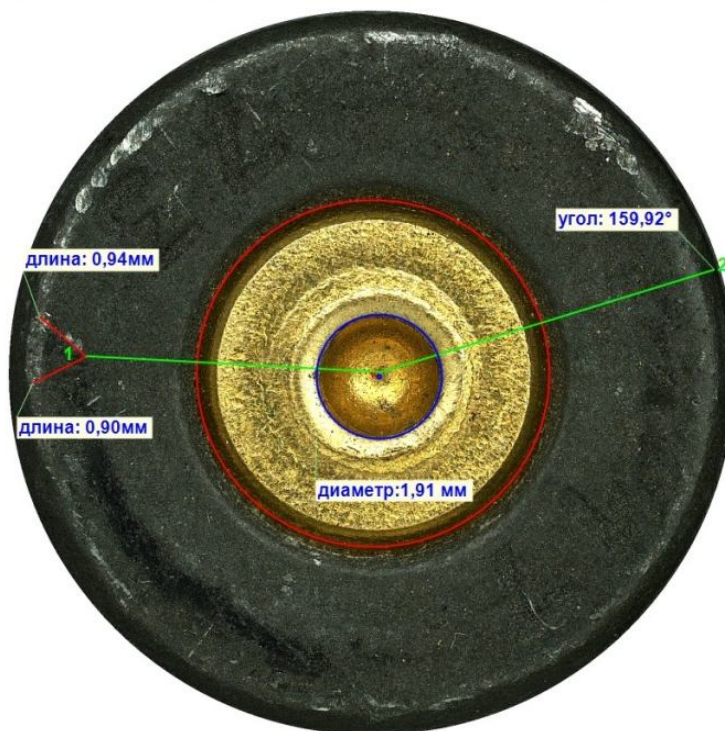

Рис. 6. Разметка и характеристики следов бойка ударника, отражателя и зацепа выбрасывателя карабина на торце донной части стреляной гильзы¹

¹ Измерения и разметка следов на гильзе проведены с помощью аппаратно-программного комплекса POISC-MC (производитель – ООО «СДЦ-инжиниринг» (Санкт-Петербург)).

Следы выстрела на мишенях из белой хлопчатобумажной бязи характеризуются следующими данными:

- огнестрельное повреждение вне зоны выраженного механического действия пороховых газов имеет вид сквозного отверстия круглой формы;

- «минус» («дефект») материала в центре входного отверстия ясно выражен. С учетом структуры вышибаемого пулей материала (ткани) форма «дефекта» – неправильный четырехугольник или близкая к нему. Проем входного отверстия экранирован поврежденными нитями с неровными краями в виде метелочек. Размеры «дефекта» находятся в интервале от 3 до 5 мм (патрон с пулей FMJ). Пуля КИОН образует больший «дефект» – от 4 до 5 мм, который лучше виден за счет малого количества нитей, экранирующих проем повреждения;

- поясок обтирания отображается в виде кольца диаметром 9–10 мм. Его наружный контур имеет характерную шестиугольную форму и наблюдался во всех случаях экспериментальных повреждений, образованных пулями FMJ и КИОН (рис. 7). Причинами необычной формы пояска обтирания, по нашему мнению, стали, во-первых, эластичность оболочечных пуль FMJ и КИОН, во-вторых, особые условия механизма образования следов на участке сверловки (Парадокс) в канале ствола, а также практически отсутствие настрела (до 40 выстрелов) ствола использованного в эксперименте карабина;

Рис. 7. Поясок обтирания на входном отверстии, образованном пулей FMJ

- механическое действие пороховых газов наблюдается на дистанциях стрельбы от 0 до 5 см. На границе механического действия пороховых газов (5 см) при стрельбе патронами с пулей FMJ повреждение имеет вид линейного разрыва. При стрельбе патронами с пулей КИОН образуется меньший по длине, но больший по объему локальный разрыв;

- термическое действие пороховых газов на мишенях не выявлено;

- механическое действие зерен пороха не наблюдалось;

- отложение копоти выстрела до 40 см;

- отложение зерен пороха до 100–120 см.

При выстреле от 0 до 3 см патроном с пулей FMJ наблюдалась характерная трехзональная топография отложения следов копоти («крылья бабочки»). В случаях использования патронов с пулей КИОН такая же картина отложения копоти была представлена на дистанции от 0 до 1 см (рис. 8).

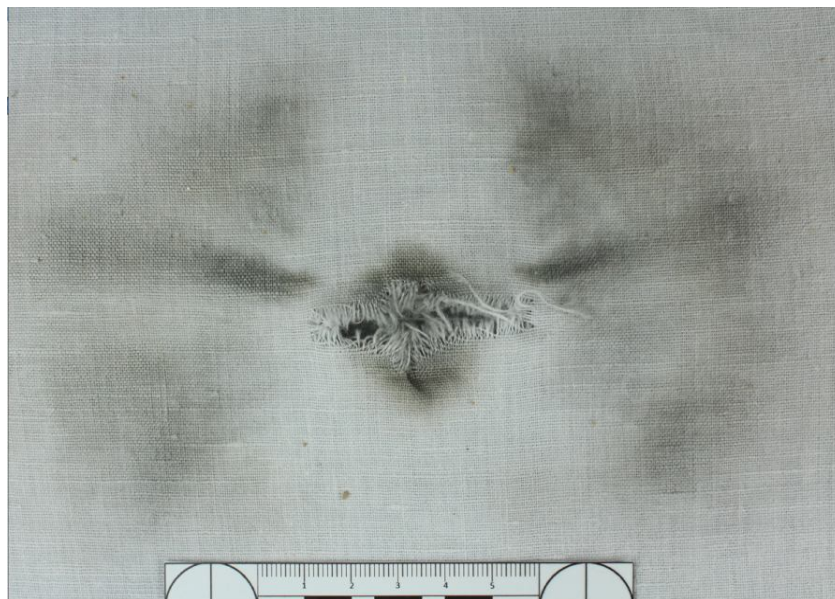

Рис. 8. Отложение копоти на мишени при стрельбе из карабина в упор (патрон с пулей КИОН)

Указанную особенность определяет конструкция дульного тормоза карабина, имеющего два боковых окна. В этих случаях центральная зона отложения копоти выстрела дополняется двумя боковыми участками отложения копоти в совокупности с другими следами выстрела.

При стрельбе вылет стреляных гильз из карабина осуществляется вправо вперед вверх под углом $45\text{--}55^\circ$. Из положения стрельбы стоя (ствол расположен продольно плоскости земли на высоте 120 см) дальность полета гильз на грунт составляет 8–12 м для патрона с пулей FMG, 11–13 м для патрона с пулей КИОН.

Таким образом, на основании результатов проведенного исследования, включая анализ конструкции карабина, его основных тактико-технических характеристик, изучение следов огнестрельного оружия на выстреленных пулях, стреляных гильзах и поврежденных при выстреле преградах, составлено комплексное научное представление о судебно-баллистических характеристиках оружия и следов его применения. Выделены особенности конструкции карабина и ее отличия от базовых для него моделей боевого огнестрельного оружия – 7,62 мм автомата Калашникова: АКМ, АК-103 и др. Приведены актуальные для этой модели карабина сведения о его следах на выстреленных пулях, стреляных гильзах и поврежденных при выстреле преградах.

Предложенный подход к структуре и содержанию криминалистически значимой информации об охотничьем карабине TG-2 (Парадокс) кал. .366 ТКМ и следах его применения отвечает потребностям современной экспертной практики, может быть использован и в отношении исследования других моделей боевого и гражданского огнестрельного оружия.

Список источников

1. Латышов И. В., Никитин И. И., Чулков И. А. Стрелковое огнестрельное оружие и его следы на пулях, гильзах и преградах. Ч. 10: 7,62 мм карабин охотничий самозарядный «Сайга 7,62-01»: справ.-метод. пособие. Волгоград: ВА МВД России, 2008. 88 с.
2. Стрелковое огнестрельное оружие и его следы на пулях, гильзах и преградах. Ч. 1: 7,62 мм пистолет обр. 1933 г. (ТТ): справ.-метод. пособие / И. В. Латышов, И. И. Никитин, В. В. Сидоров, И. А. Чулков. Волгоград: Перемена, 2001. 83 с.
3. Латышов И. В., Никитин И. И., Чулков И. А. Стрелковое огнестрельное оружие и его следы на пулях, гильзах и преградах. Ч. 3: 5,45 мм пистолет самозарядный малогабаритный (ПСМ): справ.-метод. пособие. Волгоград: ВА МВД России, 2004. 76 с.
4. Нурушев А. А., Становая О. В. Криминалистическое исследование самозарядного охотничьего карабина модели «МА-Винторез-7,62» // Судебная экспертиза. 2023. № 4 (76). С. 102–110.
5. Карабин охотничий гладкоствольный TG-2: рук. по эксплуатации / АО «Концерн „Калашников”». URL: file:///C:/Users/rio-006/Downloads/Руководство по эксплуатации TG-2.pdf (дата обращения: 08.05.2024).

References

1. Latyshov I. V., Nikitin I. I., Chulkov I. A. Small arms and their marks on bullets, cartridges and obstacles. Pt. 10: 7,62 mm carbine hunting self-loading "Saiga 7,62-01". Guidebook. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2008: 88. (In Russ.).
2. Latyshov I. V., Nikitin I. I., Sidorov V. V., Chulkov I. A. Small arms and their marks on bullets, cartridges and obstacles. Pt. 1: 7,62 mm sample gun 1933 (TT). Guidebook. Volgograd: Peremena; 2001: 83. (In Russ.).
3. Latyshov I. V., Nikitin I. I., Chulkov I. A. Small arms and their marks on bullets, cartridges and obstacles. Pt. 3: 5,45 mm self-loading small size gun (PSM). Guidebook. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2004: 76. (In Russ.).
4. Nurushev A. A., Stanovaya O. V. Forensic study of semi-automatic hunting carbine of model "MA-Vintorez-7,62". Forensic examination, 102–110, 2023. (In Russ.).
5. Carabiner hunting smooth-bore TG-2. Guide operation by the JSC "Kalashnikov Concern". Available from: file:///C:/Users/rio-006/Downloads/Руководство по эксплуатации TG-2.pdf. Accessed: 8 May 2024. (In Russ.).

Латышов Игорь Владимирович,

профессор кафедры криминалистических экспертиз и исследований
Санкт-Петербургского университета МВД России,
доктор юридических наук, доцент,
заслуженный юрист РФ; latyshov@gmail.com

Latyshov Igor Vladimirovich,

professor of the department of forensic examinations and research
of the Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, associate professor,
honored lawyer of the Russian Federation; latyshov@gmail.com

Статья поступила в редакцию 27.03.2024; одобрена после рецензирования
04.04.2024; принята к публикации 16.05.2024.

The article was submitted 27.03.2024; approved after reviewing 04.04.2024; accepted
for publication 16.05.2024.

* * *

УДК 343.98

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДОСТОВЕРНОСТИ РЕЗУЛЬТАТОВ ПРИМЕНЕНИЯ
ТЕХНОЛОГИЙ НА ОСНОВЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
В ЭКСПЕРТНО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Юрий Викторович Гаврилин*, Анастасия Андреевна Бородина**

* ЭКЦ МВД России, Академия управления МВД России,
Москва, Россия, iugavrilin@mvd.ru

** ЭКЦ МВД России, Москва, Россия, aborodina2@mvd.ru

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы обеспечения достоверности результатов применения технологий искусственного интеллекта при выявлении, раскрытии и расследовании преступлений, включая экспертно-криминалистическую деятельность. Обозначены задачи в сфере правоохранительной деятельности, эффективность решения которых может быть повышена за счет их использования. Показаны современные возможности проведения дактилоскопических, фото- и видеотехнических исследований с помощью технологий искусственного интеллекта, в частности, при анализе цифровых изображений.

Установлены условия допустимости результатов применения информационных систем на основе искусственного интеллекта в процессе обработки данных. Отмечено, что при разработке программ и методик тестирования систем искусственного интеллекта, а также определении номенклатуры показателей качества и критериев их оценки необходимо использовать действующие отраслевые национальные и международные стандарты. Приведены критерии оценки качества систем искусственного интеллекта. Сделан вывод о перспективности технологий искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности при условии стандартизации, наличия проработанной системы оценки качества их работы и соответствия установленным требованиям.

Ключевые слова: технологии искусственного интеллекта, нейросетевые технологии, автоматизированная обработка данных, правоохранительная деятельность, экспертно-криминалистическая деятельность, расследование преступлений

Для цитирования: Гаврилин Ю. В., Бородина А. А. Обеспечение достоверности результатов применения технологий на основе искусственного интеллекта в экспертно-криминалистической деятельности // Судебная экспертиза. 2024. № 2 (78). С. 52–61.

© Гаврилин Ю. В., Бородина А. А., 2024

ENSURING THE RELIABILITY OF USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES IN FORENSIC ACTIVITIES

Yuriy Viktorovich Gavrilin*, Anastasia Andreevna Borodina**

* Forensic science centre of the Ministry of the Interior of Russian Federation,
Academy of Management of the MIA of Russia,
Moscow, Russia, iugavrilin@mvd.ru

** Forensic science centre of the Ministry of the Interior of Russian Federation,
Moscow, Russia, aborodina2@mvd.ru

Abstract. The article addresses the issues of ensuring the reliability of artificial intelligence technologies applied to crime detection and investigation, including forensic activities. The law enforcement activities, the effectiveness of which could be improved through the application of such technologies, are outlined. Modern features of fingerprint, photo and video engineering studies are viewed. The possibilities of artificial intelligence technologies applied to the analysis of digital images are considered in detail.

The conditions for the admissibility of the results of application of artificial intelligence based information systems to data processing are established. It is stated that the use of valid industry, national and international standards is crucial for developing programs and methods meant for testing artificial intelligence systems, as well as for determining the range of quality indicators and criteria for their evaluation. The criteria for evaluating the quality of artificial intelligence systems are offered. The authors come to the conclusion about the prospects of using artificial intelligence technologies in law enforcement activities, subject to standardization and the availability of a well-developed system for evaluating the quality of their work and compliance with established requirements.

Keywords: artificial intelligence technologies, neural network technologies, automated data processing, law enforcement, forensic activities, crime investigation

For citation: Gavrilin Yu. V., Borodina A. A. Ensuring the reliability of using artificial intelligence technologies in forensic activities. Forensic Examination, 52–61, 2024. (In Russ.).

Искусственный интеллект как область знаний охватывает практически все сферы человеческой деятельности, включая информатику, математику, философию, психологию, термодинамику, лингвистику, здравоохранение, инженерию, экономику, когнитивные науки и др. Не является исключением и юриспруденция.

В настоящее время наблюдается высокий научный интерес к вопросам использования технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) в деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений. При этом диапазон суждений авторов весьма широк и включает как оптимистические [1, с. 82–87], так и скептические оценки [2, с. 170–174]. Большинство ученых сходятся во мнении о перспективности применения технологий ИИ в качестве вспомогательных для

поддержки принятия решений [3, с. 2–5], а также средств автоматизации отдельных рутинных процессов [4, с. 16–21].

По мнению В. Ю. Федоровича, О. В. Химичевой и А. В. Андреева, при производстве по уголовному делу такого «электронного помощника» можно обязать направлять различные запросы; собирать информацию и сообщать следователю о месте ее нахождения; выявлять местонахождение подозреваемого и обвиняемого, скрывшегося от следствия или суда, и выполнять другие действия [5]. При этом технологии ИИ выступают исключительно вспомогательным инструментом и ни в коем случае не превращаются в «компьютерного следователя или судью», не означают принятия компьютерной программой какого-либо решения по существу уголовного дела.

Обозначая перспективные направления использования технологий ИИ в правоохранительной деятельности, В. Б. Батоев приводит получение доказательственной информации, а также прогнозирование намерений, мнений, мыслей и отношений [6, с. 86–87].

На основании публикаций в открытых источниках о направлениях научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в области использования ИИ в правоохранительной сфере ранее нами выделялись следующие задачи, эффективность решения которых может быть повышена за счет технологий ИИ:

- выявление признаков синтеза речи и изображений (дипфейков);
- распознавание объектов при проведении идентификационных исследований (компьютерное зрение);
- анализ материалов уголовного дела, выдвижение следственных версий и определение алгоритмов действий следователя;
- моделирование событий преступления на основе его следов и выявление признаков серийности преступлений;
- раннее предупреждение совершения преступлений на основе прогнозирования будущих криминальных событий, включая распознавание признаков противоправных действий при проведении финансовых транзакций и заключении хозяйственных договоров;
- контентный и семантический анализ текстов для оценки психологического состояния их автора, а также скрытых смыслов, заложенных в сообщениях и др. [7, с. 80–87]

В настоящее время для формирования и ведения дактилоскопических учетов в органах внутренних дел Российской Федерации используется централизованная интегрированная автоматизированная дактилоскопическая информационная система МВД России. В 2023 г. сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений с ее помощью установлены лица, возможно причастные к совершению более чем 39,9 тыс. преступлений. В данной системе внедряется программное обеспечение нового поколения, в котором реализованы технологии ИИ. Его апробация в отдельных территориальных органах МВД России¹ и начало эксплуатации в МВД по Республике Крым, ГУ МВД России по Ростовской и Воронежской областям и УМВД России по Ямало-Ненецкому автономному округу

¹ ГУ МВД России по Челябинской и Нижегородской областям, УМВД России по Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре и др.

выявили существенное повышение результативности проверок по дактилоскопическим учетам при снижении временных затрат на их проведение. По итогам применения названных технологий обеспечено формирование рекомендательных списков проверяемых объектов, окончательное решение об идентификации которых принимается непосредственно экспертом, проводящим исследование, в строгом соответствии с принятыми методиками. Учитывая изложенное, рассматривается возможность распространения технологий ИИ во всех территориальных органах МВД России, а также его внедрения в другие виды экспертно-криминалистических учетов.

Перспективными направлениями использования ИИ при расследовании преступлений считаем разработку средств анализа фото- и видеоизображений, аудио-сообщений, модифицированных посредством нейросетевых технологий. Назначением подобных средств является определение вероятности внесения модификаций в аудио- или видеоконтент с помощью нейросетевых аналитических технологий.

Видеоаналитика – технология, использующая методы компьютерного зрения для автоматизированного получения данных на основании анализа изображений или последовательностей изображений (видеопотоков)¹. Ситуационная видеоаналитика, образовавшись в процессе совершенствования технологий компьютерного зрения, с развитием систем ИИ эволюционирует (в отношении применяемых методов анализа) от классических детерминированных алгоритмов обработки изображений к когнитивным технологиям на базе ИИ, позволяющим восстанавливать контекст происходящего на сцене видеонаблюдения.

К числу основных функций систем видеоаналитики можно отнести следующие:

- классификация объекта – распознавание в сцене видеонаблюдения принадлежности объекта к определенному классу;
- идентификация (распознавание) объекта – установление соответствия объекта в сцене видеонаблюдения объекту из предварительно сформированного перечня по характерным признакам;
- распознавание действий – определение и классификация действий, совершаемых объектами видеонаблюдения;
- сегментация фона – разделение видеосцены на подвижные объекты и стационарный фон;
- реидентификация объекта – обнаружение и идентификация объекта на последовательности видеок кадров как одного и того же с учетом нахождения в кадре нового положения объекта при перемещении последнего или смене области зрения видеокамеры;
- трекинг – обнаружение перемещения объекта из одной области видеосцены в другую за счет реидентификации движущегося в наблюдаемой сцене объекта;
- подсчет объектов – определение количества объектов определенного класса в контролируемой зоне и др.

¹ ГОСТ Р 59385-2021. Информационные технологии. Искусственный интеллект. Ситуационная видеоаналитика. Термины и определения. Введ. 2021–09–01. Москва: Стандартинформ, 2021. 16 с.

Разработка инструментов для поддержки принятия решений на основе технического анализа цифровых изображений направлена на выявление идентификационных признаков фото- и видеозаписывающих устройств для принятия решений при производстве экспертных исследований. При этом осуществляется поиск и систематизация групповых признаков фото-, видеозаписывающих устройств, выделение индивидуализирующих следов и особенностей конкретных устройств при техническом анализе цифровых изображений (включая фото- и видеоконтент мессенджеров и социальных сетей).

Еще одной перспективной задачей видеоаналитики видится улучшение визуального восприятия и выделения объектов на цифровых изображениях. Решение этой задачи возможно путем математической обработки цифровых изображений в целях улучшения визуального восприятия объектов, распознавания и выделения среди других объектов. В частности, цифровая обработка фотоизображения лица человека с учетом возможных возрастных изменений (старения) имеет потенциал в решении задач идентификации личности гражданина на основе распознавания физиологических особенностей и особых примет.

Вместе с тем, воздавая должное несомненной теоретической и практической значимости приведенных и иных научных работ, посвященных вопросам оценки возможности использования технологий ИИ в деятельности по выявлению, раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений, приходится все же констатировать, что в абсолютном большинстве они носят прогнозно-футуристический характер и не основаны на результатах реальной апробации тех или иных программных средств на практике. Заметим также, что действующий ГОСТ Р 59277-2020 «Системы искусственного интеллекта. Классификация систем искусственного интеллекта» не предусматривает направлений использования ИИ в правоохранительной деятельности.

Основным препятствием активному внедрению технологий ИИ в обозначенную деятельность видится некоторое противоречие между сущностными свойствами данных технологий и базовыми принципами уголовно-процессуальной и экспертно-криминалистической деятельности.

ИИ, исходя из своего нормативно закрепленного определения, – это комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (в том числе самообучение, поиск решений без заранее заданного алгоритма и достижение инсайта) и получать при выполнении конкретных практически значимых задач обработки данных результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в котором также используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных, анализу и синтезу решений¹.

С учетом требований ст. 7, 8 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» эксперт дает заключение исходя из результатов проведенных исследований

¹ ГОСТ Р 59277-2020. Системы искусственного интеллекта. Классификация систем искусственного интеллекта. Введ. 2021–03–01. Москва: Стандартинформ, 2021. 16 с.

и на своих специальных знаниях, при этом проводит исследования объективно, на строго научной и практической основе, в пределах соответствующей специальности, всесторонне и в полном объеме. Заключение эксперта должно опираться на положения, дающие возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных.

Нейросетевые технологии, направленные на имитацию мыслительных процессов человека на основе самообучения, не обеспечивают в должной мере воспроизводимость полученных результатов в силу отсутствия заранее определенного алгоритма принятия решений. С учетом изложенного технологии ИИ в экспертно-криминалистической деятельности не могут подменять процесс исследования, а способны лишь обеспечивать поддержку принятия решений, автоматизируя определенные операции, выполняемые в процессе производства экспертизы.

Отмеченное обстоятельство присутствует и в других областях правоохранительной деятельности. Рассматривая области риска при использовании технологий ИИ в процессе раскрытия и расследования преступлений, Д. В. Бахтеевым справедливо отмечается, что в силу наличия таких характеристик, как скрытые слои, глубокое обучение и т. п., системы ИИ могут оказаться для человека черным ящиком: неочевиден механизм принятия ими решений, известен лишь результат, для проверки которого может и не найтись корректного алгоритма [8, с. 371].

Кроме того, ст. 16 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» устанавливает принципы их автоматизированной обработки, в частности, запрещается принятие на основании исключительно автоматизированной обработки персональных данных решений, порождающих юридические последствия в отношении субъекта персональных данных или иным образом затрагивающих его права и законные интересы, за исключением случаев, предусмотренных ч. 2 рассматриваемой статьи.

Соответственно, наиболее существенное значение при поиске ответа на вопрос о возможных направлениях использования технологий ИИ в деятельности по выявлению, раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений имеет доверие к ним при определении возможности их применения при решении ответственных задач обработки данных. Оно характеризует уверенность правоприменителя и иных заинтересованных сторон в том, что система способна выполнять возложенные на нее задачи с требуемым качеством¹.

В этих условиях на передний план выходят вопросы оценки качества систем ИИ на стадиях разработки, создания и эксплуатации в целях обеспечения необходимого уровня их соответствия установленным требованиям. Наличие грамотно выстроенной системы оценки качества позволяет повысить доверие к системам ИИ на физическом уровне путем подтверждения требований к надежности, безопасности и функциональности.

¹ ГОСТ Р 59276-2020. Системы искусственного интеллекта. Способы обеспечения доверия. Общие положения. Введ. 2021–03–01. Москва: Стандартинформ, 2021. 16 с.

Приказом Росстандарта от 25 июля 2019 г. № 1732 создан специальный технический комитет по стандартизации ТК-164 «Искусственный интеллект», в рамках которого разработан комплекс из более 100 национальных стандартов, регламентирующих как общие, так и отраслевые требования к качеству систем ИИ и методам их испытаний. Указанная деятельность способствует обеспечению безопасности создания и применения систем ИИ.

Качество определяет способность системы ИИ в заданных условиях удовлетворять установленным или предполагаемым потребностям различных заинтересованных сторон, что позволяет таким образом оценить ее достоинства на основании множества характеристик, субхарактеристик, метрик и отношений между ними¹. Показателем качества системы ИИ выступает при этом степень соответствия представительного набора существенных (значимых) характеристик системы ИИ заданным требованиям, т. е. потребностям или ожиданиям, которые установлены, обычно предполагаются или являются обязательными для этой системы. Указанный набор характеристик позволяет потребителю или любой другой заинтересованной стороне достоверно оценивать качество системы при решении конкретной прикладной задачи².

При разработке программ и методик тестирования (испытаний) систем ИИ и определении номенклатуры показателей качества и критериев оценки следует использовать действующие отраслевые, национальные и международные стандарты (например, для оценки биометрических технологий и систем – ГОСТ Р ИСО/МЭК 19795-1, ГОСТ Р 58292, ГОСТ Р ИСО/МЭК 19795-6, ГОСТ Р 58624.1, ГОСТ Р 58667.3).

Программа тестирования должна быть разработана таким образом, чтобы полученные результаты тестирования (испытаний) позволили оценить, подходит ли исследуемая система ИИ для цели (целей) предназначения, и при этом обеспечить надежность, валидность и репрезентативность результатов тестирования. Надлежит четко определить гипотезу и цели (первичные и вторичные) программы тестирования, а также требования к тестовому набору данных, заявленные показатели качества и критерии оценки.

При подготовке программы тестирования (испытаний) следует провести объективный анализ доступных научных данных, позволяющий обосновать полноту и достаточность набора показателей качества, правильность критериев оценки, достаточность и репрезентативность тестовых наборов данных.

Для получения достоверных результатов оценки качества систем ИИ целесообразно, чтобы установленные показатели обладали следующими характеристическими свойствами, определяющими точность проводимых измерений согласно ГОСТ Р ИСО 5725-1³:

– достоверность – влияние случайных ошибок на результат измерения незначительно или может быть учтено в процессе анализа, т. е. не влияет на результат измерения;

¹ ГОСТ Р 59898-2021. Оценка качества систем искусственного интеллекта. Общие положения. Введ. 2021–11–26. Москва: Стандартинформ, 2021. 24 с.

² ГОСТ Р 59276-2020.

³ ГОСТ Р ИСО 5725-1-2002. Точность (правильность и прецизионность) методов и результатов измерений. Ч. 1. Основные положения и определения. Введ. 2002–11-01. Москва: Стандартинформ, 2006. 32 с.

– воспроизводимость – повторное измерение показателя для той же системы с использованием той же самой шкалы ранжирования и оценки, входные данные и условия проведения тестирования различными специалистами по оценке должны привести к тем же самым результатам в пределах соответствующей погрешности;

– повторяемость (также сходимость результатов измерений) – близость друг к другу результатов измерений одной и той же величины, выполненных повторно одними и теми же средствами, одним и тем же методом, в одинаковых условиях и с одинаковой тщательностью.

Для оценки функциональных возможностей систем ИИ применяется следующий набор функциональных субхарактеристик:

– полнота, используемая для оценки степени покрытия совокупностью функций исследуемой системы всех определенных задач и целей пользователя в условиях отсутствия предвзятости (необъективности);

– корректность (правильность) – для оценки обеспечения системы степени точности результатов, а также частоты встречаемости ошибок и недопустимых отклонений;

– пригодность – для оценки степени функционального упрощения выполнения определенных задач и достижения целей;

– способность к самообучению – для оценки уровня владения системы умением автоматически извлекать знания из накопленного опыта и применять их для улучшения качества решения поставленных задач.

Говоря о достоверности результатов использования систем ИИ, необходимо обратить внимание на еще одно важное обстоятельство – достоверность исходных данных. Э. В. Лантух, А. А. Смольяков и О. В. Гаврилова на этот счет справедливо отмечают, что остается открытым вопрос о том, насколько полные, достоверные и качественные данные с места совершения преступления и предоставленные анализы будут предложены на рассмотрение ИИ. Если предположить, что изначальные данные будут содержать ошибку или неточность, то высока вероятность того, что ИИ воспримет их неправильно и сделает неточные и ошибочные выводы [9, с. 32–37].

Таким образом, обеспечение доверия к системам ИИ в процессе выявления, раскрытия, расследования и предупреждения преступлений должно строиться на основе национальных стандартов, регламентирующих как общие, так и отраслевые требования к качеству систем ИИ и методам их испытаний.

Список источников

1. Васюков В. Ф., Шеметов А. К. Возможности использования искусственного интеллекта в раскрытии преступлений // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2022. № 1 (31). С. 82–87.

2. Ржанникова С. С. К вопросу о правовом регулировании использования искусственного интеллекта в экспертно-криминалистической деятельности // Технологии XXI века в юриспруденции: материалы V междунар. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 19 мая 2023 г. / отв. ред. Д. В. Бахтеев. Екатеринбург: КримЛиБ, 2023. С. 170–174.

3. Зинин А. М., Дьяконова О. Г. Мышление человека и искусственный интеллект в аспекте сравнительного исследования внешнего облика человека по его изображениям // Эксперт-криминалист. 2023. № 3. С. 2–4.
4. Бессонов А. А. Перспективы использования технологии искусственного интеллекта в экспертно-криминалистической деятельности // Судебная экспертиза и исследования. 2022. № 1. С. 16–21.
5. Федорович В. Ю., Химичева О. В., Андреев А. В. Внедрение технологий информатизации и искусственного интеллекта как перспективные направления развития современного уголовного судопроизводства // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 2. С. 205–210.
6. Батоев В. Б. Применение искусственного интеллекта в деятельности правоохранительных органов // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2020. № 4 (26). С. 83–87.
7. Гаврилин Ю. В., Салеева Ю. Е. О концепции государственной научной и научно-технической политики в области криминалистического обеспечения борьбы с преступностью // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 4 (68). С. 80–87.
8. Бахтеев Д. В. Концептуальные основы теории криминалистического мышления и использования систем искусственного интеллекта в расследовании преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 504 с.
9. Лантух Э. В., Смольяков А. А., Гаврилова О. В. Актуальные проблемы внедрения новейших цифровых технологий для подготовки сотрудников экспертно-криминалистических подразделений // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. 2023. № 4 (61). С. 32–37.

References

1. Vasyukov V. F., Shemetov A. K. Possibilities of using artificial intelligence in solving crimes. Bulletin of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 82–87, 2022. (In Russ.).
2. Rzhannikova S. S. On the issue of legal regulation of the use of artificial intelligence in expert and forensic activities. In: Technologies of the 21st century in jurisprudence: materials of the 5th International Scientific and practical conference, Ekaterinburg, May 19, 2023. Resp. ed. D. V. Bakhteev. Ekaterinburg: CrimLib; 2023: 170–174. (In Russ.).
3. Zinin A. M., Dyakonova O. G. Human thinking and artificial intelligence in the aspect of comparative research of human appearance according to his images. Forensic expert, 2–4, 2023. (In Russ.).
4. Bessonov A. A. Prospects for the use of artificial intelligence technology in forensic science. Forensic examination and research, 16–21, 2022. (In Russ.).
5. Fedorovich V. Yu., Khimicheva O. V., Andreev A. V. The introduction of information technologies and artificial intelligence as promising directions for the development of modern criminal proceedings. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 205–210, 2021. (In Russ.).
6. Batoyev V. B. Application of artificial intelligence in the activities of law enforcement agencies. Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 83–87, 2020. (In Russ.).

7. Gavrilin Yu. V., Saleeva Yu. E. About the concept of state scientific and scientific and technical policy in the field of forensic support for the fight against crime. Proceedings of the Academy of Management of the MIA of Russia, 80–87, 2023. (In Russ.).

8. Bakhteev D. V. Conceptual foundations of the theory of forensic thinking and the use of artificial intelligence systems in crime investigation. Dissertation of doctor of juridical sciences. Ekaterinburg; 2022: 504. (In Russ.).

9. Lantukh E. V., Smolyakov A. A., Gavrilova O. V. Current problems of introducing the latest digital technologies for training employees of forensic units. Psychological and pedagogical problems of human and social security, 32–37, 2023. (In Russ.).

Гаврилин Юрий Викторович,

заместитель начальника управления научных исследований
ЭКЦ МВД России – начальник отдела организации научных исследований,
профессор кафедры управления органами расследования преступлений
Академии управления МВД России,
доктор юридических наук, профессор; iugavrilin@mvd.ru

Бородина Анастасия Андреевна,

заместитель начальника отдела организации научных исследований
управления научных исследований ЭКЦ МВД России,
кандидат юридических наук; aborodina2@mvd.ru

Gavrilin Yuriy Viktorovich,

deputy head of the science research department
of the Forensic science centre
of the Ministry of the Interior of Russian Federation –
the head of section of science research department,
professor of department of management
of investigative bodies for crimes
of the Academy of Management of the MIA of Russia,
doctor of juridical sciences, professor; iugavrilin@mvd.ru

Borodina Anastasia Andreevna,

deputy head of section of science research department
of the Forensic science centre
of the Ministry of the Interior of Russian Federation,
candidate of juridical sciences; aborodina2@mvd.ru

Статья поступила в редакцию 02.05.2024; одобрена после рецензирования 06.05.2024; принята к публикации 16.05.2024.

The article was submitted 02.05.2024; approved after reviewing 06.05.2024; accepted for publication 16.05.2024.

* * *

УДК 343.982.323

**ФОРМИРОВАНИЕ СУБЪЕКТИВНОГО ПОРТРЕТА
ПОСРЕДСТВОМ НЕЙРОСЕТИ
ПО СЛОВЕСНОМУ ОПИСАНИЮ ВНЕШНОСТИ ЧЕЛОВЕКА**

Алексей Александрович Курин

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, AAKurin@mail.ru

Аннотация. Описание внешности человека по методу словесного портрета, а также составление субъективного портрета являются основными способами закрепления и передачи криминалистически значимой информации о внешности разыскиваемого лица на первоначальном этапе расследования. Информация о внешнем облике преступника поступает от очевидцев преступления в вербальной форме (при даче показаний), а именно в виде словесного портрета, который в дальнейшем преобразуется в наглядно-образную форму – субъективный портрет. Процедура составления субъективного портрета довольно трудоемка и требует значительных затрат времени.

Успешность раскрытия и расследования преступлений определяется не только наличием, полнотой и точностью информации о внешнем облике человека, но и оперативностью ее получения. В последние десятилетия на вооружение силовых структур России поступила большая номенклатура компьютерных программ для составления графической модели внешнего облика человека. В ходе исследования проведен обзор программно-аппаратных комплексов, предназначенных для визуализации такой информации, применяемых в практической деятельности органов внутренних дел, что позволило выявить совокупность их достоинств и недостатков и сделать вывод о целесообразности включения в перечень информационных ресурсов, используемых для визуализации словесного описания внешности разыскиваемого лица, программных продуктов на основе обучаемых нейросетей. Предлагаемый подход также снимает противоречия в части применения различной терминологии и сокращает затраты времени на составление субъективного портрета посредством систем искусственного интеллекта.

Ключевые слова: словесный портрет, субъективный портрет, ориентирующая информация, розыскная информация

Для цитирования: Курин А. А. Формирование субъективного портрета посредством нейросети по словесному описанию внешности человека // Судебная экспертиза. 2024. № 2 (78). С. 62–73.

© Курин А. А., 2024

FORMATION OF SUBJECTIVE PORTRAIT THROUGH THE USE NEURAL NETWORK BY A NARRATIVE DESCRIPTION OF A PERSON

Alexey Alexandrovich Kurin

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia,
Volgograd, Russia, AAKurin@mail.ru

Abstract. The description of a person's physical appearance by way of a verbal portrait and the creation of a subjective portrait are the main means of securing and transmitting forensic information about the person's physical appearance at the initial stage of the investigation. Information on the appearance of the offender comes from eyewitnesses of the crime in verbal form (when giving testimony), namely in the form of a verbal portrait, which is later transformed into a visual form – a subjective portrait. Information about the appearance of the criminal comes from them in verbal form, namely in the form of a verbal portrait, which is later transformed into a visual-figurative form – a subjective portrait. The process of compiling a subjective portrait is rather laborious and requires considerable time.

The success of the detection and investigation of crimes is determined not only by the availability, completeness and accuracy of information on the appearance of a person, but also by the promptness of its receipt. In recent decades, a large range of computer programs for drawing up a graphical model of human appearance has been introduced into the service of Russian security agencies. In the course of the study, a review of software and hardware systems designed to visualize such information, used in the practical activities of internal affairs agencies. It was thus possible to identify a combination of their advantages and disadvantages and to conclude that it would be useful to include in the list of information resources used to visualize the verbal description of the person sought, software products based on trained neuronetworks. The proposed approach also removes contradictions in the use of different terminology and reduces the time spent on the compilation of subjective portraits through artificial intelligence systems.

Keywords: verbal portrait, subjective portrait, orienting information, search information, accounting for subjective portraits

For citation: Kurin A. A. Formation of subjective portrait through the use neural network by a narrative description of a person. Forensic Examination, 62–73, 2024. (In Russ.).

Информация о внешнем облике человека имеет высокое криминалистическое значение для розыска подозреваемого лица и установления его личности в ходе предварительного расследования. Организация и осуществление розыска являются сложной задачей, решение которой основано на целом комплексе оперативно-розыскных, поисковых, информационно-аналитических и иных мероприятий¹. Согласно официальной статистике, основной причиной нераскрытия

¹ Решение Совета глав правительств Содружества Независимых Государств о Регламенте компетентных органов по осуществлению межгосударственного розыска лиц от 30 октября 2015 г. URL: <https://docs.cntd.ru> (дата обращения: 25.03.2024).

преступлений (97,8 % в 2019 г.; 97,7 % в 2020 г., 98,2 % в 2021 г., 98,2 % в 2022 г., 97,6 % в 2023 г.) стало неустановление лица, которому может быть предъявлено обвинение¹. Указанные выше сведения не дифференцированы относительно следственной ситуации в части информационной определенности о внешности подозреваемого лица. При наличии таких сведений успешность раскрытия и расследования преступлений во многом обуславливается полнотой и точностью информации о внешнем облике подозреваемого лица, полученной от очевидцев (потерпевших, свидетелей) в ходе допроса. Информация, предоставленная опрошенным (допрошенным) лицом, претерпевает определенную трансформацию и требует верификации через наглядно-образную форму – субъективный портрет. Как словесный, так и субъективный портрет фигурируют в ориентировках, используются при розыске и оперативном опознании лиц, которым может быть предъявлено обвинение. В то же время составление субъективного портрета требует значительного времени и специализированного программного обеспечения. Соответственно, временной интервал от момента составления словесного портрета до составления субъективного портрета (фоторобота) может охватывать несколько дней. Совмещение процедуры создания словесного и субъективного портрета следователями и оперативными уполномоченными полиции без привлечения специалиста на сегодняшний день не практикуется.

Словесный портрет представляет собой криминалистически упорядоченное описание внешности (собственных и сопутствующих признаков) с четкой целевой направленностью – установить личность человека. Анализ практики раскрытия и расследования преступлений позволяет констатировать довольно низкое качество ориентировок, которые содержат словесный портрет преступника, составленный на основе общефизических и сопутствующих признаков (личный опыт отработки ориентировок, направляемых через комендантское отделение). Описания безлики в силу объективных и субъективных причин. С целью поиска путей повышения качества ориентирующей и розыскной информации о внешности человека, получаемой от свидетелей, нами был проведен опрос 57 сотрудников подразделений органов предварительного следствия, дознания, оперативных и экспертно-криминалистических подразделений МВД России по Северо-Кавказскому федеральному округу. В ходе исследования респондентам были заданы следующие вопросы, касающиеся осведомленности о методике составления словесного портрета, наличия соответствующих навыков и оценки результативности метода словесного портрета.

По первому вопросу относительно осведомленности о существовании метода словесного портрета утвердительно ответили 52,9 % опрошенных, 47,1 % респондентов затруднились с ответом (рис. 1).

¹ Состояние преступности в России в 2019–2023 гг. URL: <https://мвд.рф> (дата обращения: 10.03.2024).

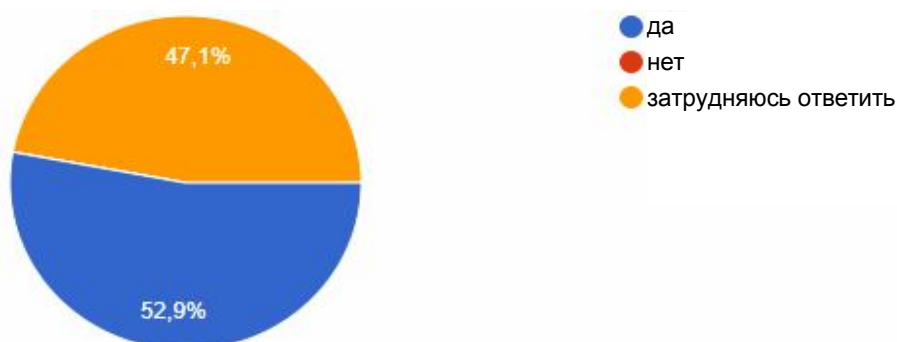

Рис. 1. Результаты опроса об осведомленности в наличии метода словесного портрета

Собственные знания и навыки описания признаков внешности по методу словесного портрета 11,8 % опрошенных оценили как высокие, 47 % респондентов – выше среднего, 41,2 % затруднились в оценке (рис. 2).

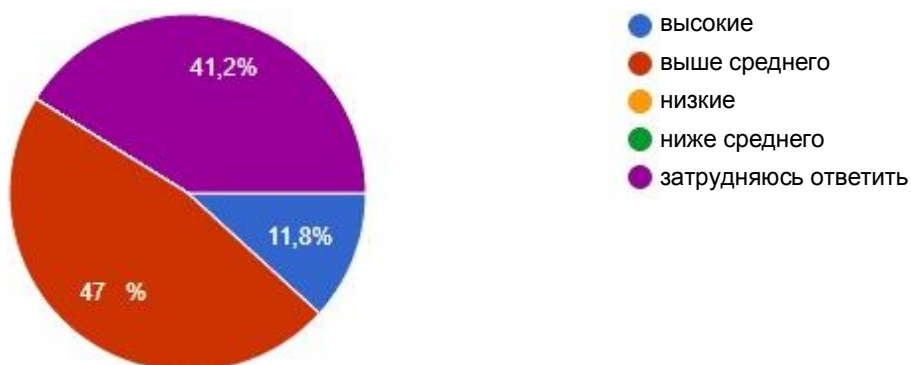

Рис. 2. Оценка навыков составления словесного портрета

Частоту случаев установления типажного сходства с разыскиваемым лицом по словесному описанию внешности в личной практике оценили как высокую 41,2 % опрошенных; скорее высокую, чем низкую, – 35,2 %; скорее низкую, чем высокую, – 11,8 %; затруднились в оценке 11,8 % респондентов (рис. 3).

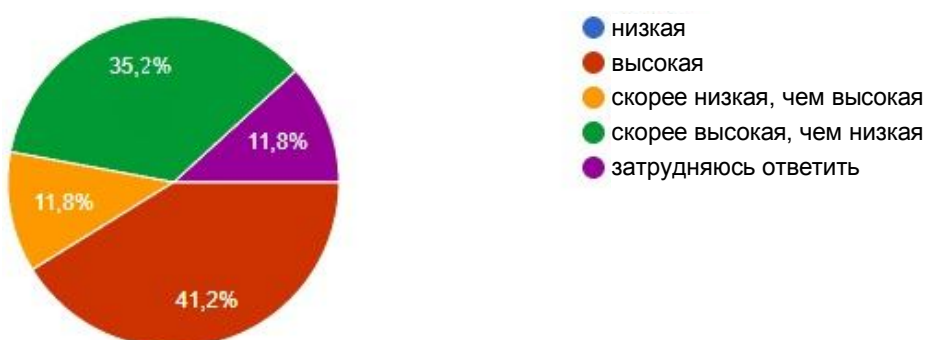

Рис. 3. Оценка результативности метода словесного портрета в установлении разыскиваемого лица

К сложностям использования метода словесного портрета опрошенные отнесли: использование разной терминологии при описании собственных и сопутствующих признаков внешности (41,7 %); отсутствие типовых форм (бланков) ориентировок с алгоритмом описания по методу словесного портрета (23,5 %); нарушение последовательности описания признаков внешности (11,8 %); иное (23 %). Недостатки словесного описания внешности влияют на однозначность восприятия информации о разыскиваемом лице, а также на результаты сопоставления словесного портрета с аналогичными описаниями или субъективными портретами, составленными с разрывом во времени.

Обозначенные проблемы использования метода словесного портрета коррелируются с данными ряда научных криминалистических исследований:

1. Многозначность языковых понятий. Например, фраза «приятное лицо» может означать красивую улыбку, гармоничные пропорции или выразительный взгляд¹.

2. Использование пересекающихся признаков, например, признак «темные глаза» может характеризовать как цвет глаз (карие, черные), так и область вокруг глаз [1, с. 343].

3. Несовершенство лингвистических правил описания внешности по методу словесного портрета, выражающееся в использовании общих фраз. Например, фраза «симпатичная внешность» не позволяет оценить частные признаки, детали внешности.

4. Низкая информативность словесных описаний в ориентировках. Данный недостаток проявляется в неполном описании по методу словесного портрета. В большинстве случаев очевидцы ограничиваются общефизическими и сопутствующими признаками, упуская из виду анатомические и функциональные.

5. В учебниках и учебных пособиях можно встретить описание признаков внешности, основанное на сравнении с каким-либо предметом. Примерами служат следующие описания: контур глазной щели «миндалевидный», форма головы «яйцевидная», «килевидная», выражение лица «бульдोजье» [2, с. 619, 626]. Ряд описаний архаичен и неактуален для современных специалистов. Например, описания «шкиперская борода», «буденовские усы», «каменное лицо» не позволяют создать точный мысленный образ такой внешности.

В многочисленной справочной и учебной литературе предлагается довольно объемная система собственных и сопутствующих признаков, что делает неудобной ее практическое использование сотрудниками органов предварительного следствия, дознания и оперативных подразделений, получающими информацию о внешности человека в ходе опроса или допроса очевидцев [2]. Данное обстоятельство приводит к созданию «усредненного портрета», не позволяющего получить однозначное представление о внешности человека. Именно поэтому наряду со словесным портретом широко применяется другой вид отображения внешности – субъективный портрет, который представляет собой изображение внешнего облика человека, созданное в соответствии с имеющимся в памяти очевидца мысленным образом разыскиваемого лица. Практическая потребность

¹ См.: Протоколы следственных действий по уголовным делам ОП-2 УМВД России по г. Нальчику.

в графической форме представления сведений о внешности разыскиваемого человека достаточно высока [3, с. 21]. Основными достоинствами субъективного портрета являются удобство восприятия и высокая информативность наглядно-образной формы представления вышеуказанных сведений. При высокой степени соответствия субъективного портрета внешнему облику разыскиваемого лица данной информации достаточно для опознания последнего. Наличие визуальной информации о внешности способствует актуализации взаимодействия субъектов предварительного расследования, объединению имеющихся в их распоряжении организационных и технических возможностей для решения главной задачи – раскрыть преступление [4, с. 53–65; 5, с. 189–190].

Основными видами субъективных портретов выступают рисованные, композиционно-рисованные и фотокомпозиционные портреты. В практической деятельности территориальных органов внутренних дел ранее имела место целая серия программных продуктов, работа которых основана на использовании библиотеки элементов внешности, из которых компоновался субъективный портрет. К таким программным продуктам относятся Faces (Ultimate Composite Picture, Канада, рис. 4, б); «Фоторобот 5-5» («Барс Интернешнл», г. Дмитров, Московская область).

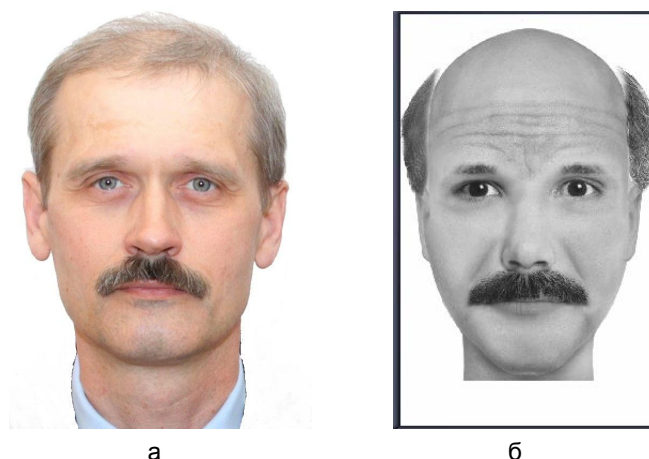

Рис. 4. Изображение прототипа (а) и субъективного портрета, полученного при помощи программы Faces 3.0 (б)

Принцип работы программы Faces основан на использовании стандартных элементов, редактирование которых ограничивается изменением положения в горизонтальной и вертикальной плоскости.

Программа «Фоторобот 5-5» позволяет реализовать два алгоритма: компоновку субъективного портрета из графических элементов внешности; формирование портрета на основе изображения типового лица (готовой фотографии, на которой элементы внешности могут быть заменены или модифицированы).

Ключевой недостаток перечисленных программ – отсутствие возможностей обеспечения качественной графики и цвета изображения, трансформации

стандартных элементов внешности, а также автоматического построения графических элементов (родинки, шрамов) по их словесному описанию.

Широкими возможностями трансформации изображений обладает программный продукт «Папилон Klim-3D» (г. Миасс, Россия), предназначенный для моделирования трехмерного изображения лица (рис. 5).

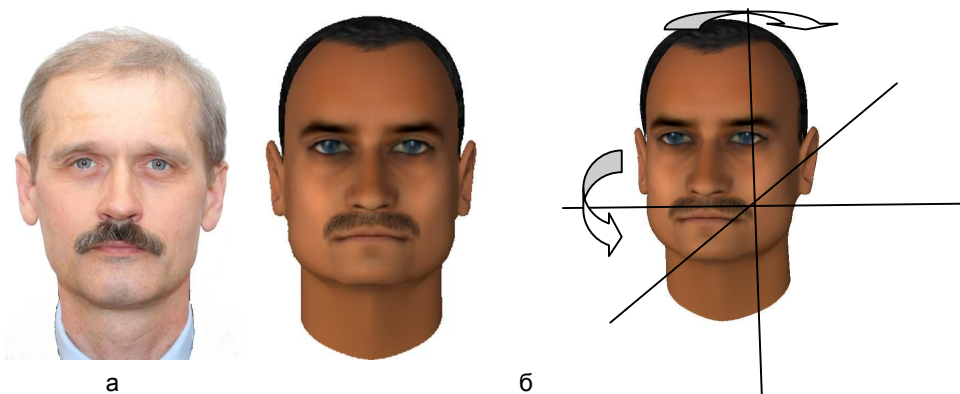

Рис. 5. Примеры субъективного портрета (фоторобота), полученного путем моделирования трехмерного изображения лица в системе «Папилон Klim-3D»:

а – прототип, б – вариационный ряд изображений

Программа Klim-3D содержит совокупность инструментов, позволяющих моделировать как общие (гендерные, расовые, возрастные), так и частные признаки разыскиваемого человека (форму отдельных элементов внешности), проводить симметричное и асимметричное моделирование всех элементов лица. Окончательная корректировка изображения дает возможность выполнить программную прорисовку волосяного покрова, родинок, морщин, макияжа. Полученный субъективный портрет может быть экспортирован в систему идентификации по изображениям лица «Полифейс» или одну из систем оперативной проверки¹. Качество изображений является достаточным для передачи как типажного сходства, так и отдельных частных признаков. В то же время на изображении наблюдается эффект восковой фигуры, кроме того, отсутствуют возможность реализации методов физиогномики (моделирования выражения лица) и функция моделирования изображения с вставкой текста (словесного описания внешности). Указанные недостатки несколько снижают общую информативность полученных субъективных портретов, а соответственно, и эффективность поисковых и розыскных мероприятий.

Анализ вышеперечисленных программно-технических средств позволил установить, что для составления субъективного портрета оптимально сочетание функций графического и вербального моделирования. В настоящее время таким сочетанием функций обладают системы искусственного интеллекта, предназначенные

¹ Klim-3D – система моделирования внешности. URL: <https://papillon.ru> (дата обращения: 15.03.2024).

для генерирования изображений по словесному описанию, т. е. проведения вербально-графического моделирования. Разработчиками предлагается широкий спектр систем искусственного интеллекта, позволяющих совмещать графическую и вербальную составляющие при моделировании графического образа разыскиваемого лица.

Для изучения возможностей систем искусственного интеллекта по созданию субъективных портретов по словесному описанию нами были использованы различные нейросети: ArtGuru (Hubli, India), Robotext (Россия), AI Next (Reno, Nevada, US). Экспериментальная часть исследования заключалась в установлении возможности составления сходного с прототипом субъективного портрета по словесному описанию в автоматическом режиме при помощи нейросети. Наиболее приемлемые для воспроизведения типажного сходства и соответствия формы отдельных анатомических признаков результаты были получены посредством нейросети AI Next (рис. 6).

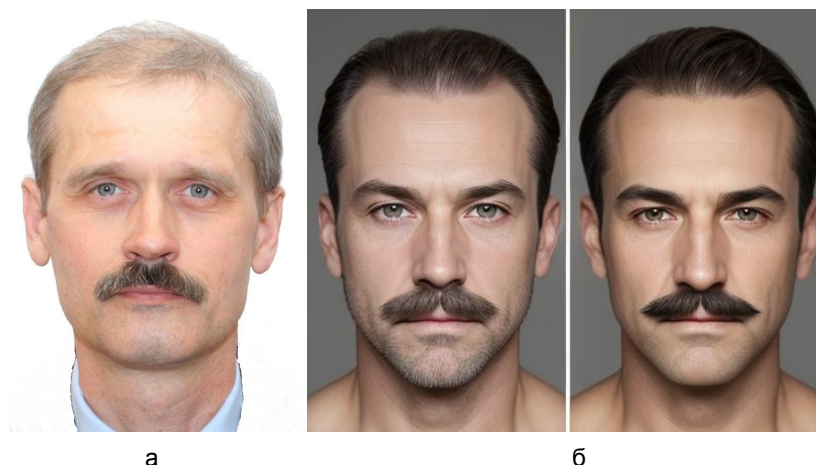

Рис. 6. Пример субъективного портрета, генерированного нейросетью AI Next по словесному описанию¹:
а – прототип, б – вариационный ряд изображений

Используемая в ходе эксперимента нейросеть позволяет моделировать выражение лица, а также воспроизводить метафоричное описание внешности, т. е. внешнее сходство с каким-либо животным (например, медведем). Такие возможности способствуют компенсации недостатков словарного арсенала словесного портрета в части употребления разной терминологии и недостатков

¹ «Мужчина 45–50 лет, европеоид, славянской внешности. Голова средней высоты, яйцевидной формы. Волосы русые, прямые, короткие с сединой. Лицо среднее, овальной формы, со средними чертами, средней полноты, профиль выпуклый. Лоб средней высоты и ширины, прямой, отклонен назад. Брови дуговые, длинные, сужающиеся к вискам, средней густоты. Глаза миндалевидные, средней длины и раскрытия, серо-голубого цвета. Лицо узкое, худое, прямоугольное. Рот средней длины, углы рта опущены. Линия смыкания губ дугобразная. На правом виске родинка диаметром 5 мм. Подбородок овального профиля».

субъективного портрета в части его дополнения вербальным описанием. Последнее из перечисленных направлений удовлетворяет условиям проводимого нами исследования, а именно повышению эффективности метода словесного портрета.

Для объективной оценки качества полученных результатов, в частности степени сходства субъективных портретов с прототипом, нами выполнен сравнительный анализ изображений лица при помощи программы PrjDouble (рис. 7–9) [6]. Программа позволяет проводить сравнительный анализ по 16 константным точкам лица, положение которых определяется автоматически с возможностью ручного корректирования, а также давать количественную интегральную оценку соответствия субъективного портрета предложенному прототипу.

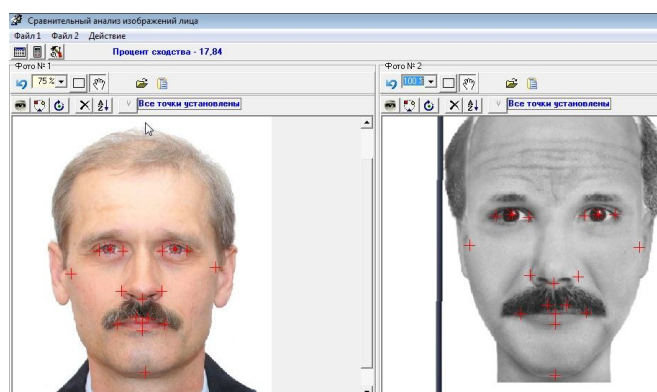

Рис. 7. Результаты сравнительного анализа фотографического изображения разыскиваемого лица и субъективного портрета, составленного в программе Faces 3.0

В ходе сравнительного анализа субъективного портрета, созданного в программе Faces, с прототипом установлена степень соответствия в размере 17,84 %. Типажное сходство полученного субъективного портрета обеспечивается главным образом выражением глаз, тогда как геометрия лица на субъективном портрете имеет существенные различия.

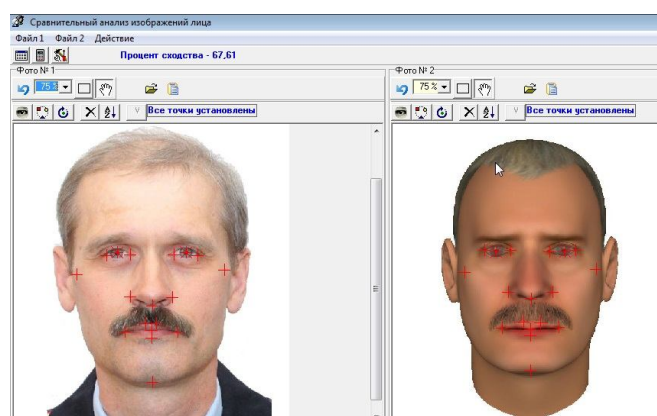

Рис. 8. Результаты сравнительного анализа фотографического изображения разыскиваемого лица и субъективного портрета, составленного в программе Klim-3D

Сравнительный анализ субъективного портрета, созданного в программе Klim-3D, с прототипом показал степень соответствия, равную 67,61 %, это достаточный для опознания уровень соответствия геометрии лица по общим признакам.

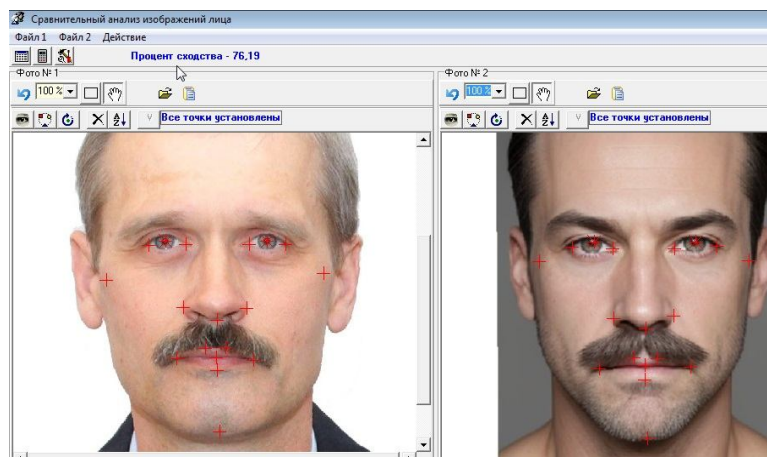

Рис. 9. Результаты сравнительного анализа фотографического изображения разыскиваемого лица и субъективного портрета, составленного нейросетью AI Next

Степень соответствия субъективного портрета, сформированного нейросетью AI Next, прототипу равна 76,19 %. Анализ проведенного эксперимента показал очевидные преимущества изображений, сгенерированных нейросетью, как по качественным характеристикам, так и по результатам количественной оценки совпадений с оригинальным изображением.

Полученный в ходе исследования результат составления субъективного портрета с помощью нейросети продемонстрировал принципиальную возможность оперативного получения изображений разыскиваемого лица. Количественная оценка соответствия полученного субъективного портрета прототипу дает основание рассматривать полученное изображение в качестве ориентирующего для принятия мер к задержанию лица, имеющего типовое сходство. Учитывая то обстоятельство, что субъективный портрет не является источником доказательственной информации, требовать от такого изображения полного совпадения с прототипом нелогично. В то же время положительный эффект от оперативного получения информации очевиден при проведении проверочных, поисковых и розыскных мероприятий.

Преимущество использования нейросети заключается в интерактивности моделирования изображения внешности и проведении процедуры составления субъективного портрета непосредственно по результатам допроса с использованием фрагмента протокола в качестве задания для формирования субъективного портрета. Необходимость привлечения специалиста определяет субъект расследования.

Основными этапами реализации возможностей вербально-графического моделирования лиц по их словесному описанию являются:

- подготовка данных о внешности человека по результатам опроса или допроса очевидцев (свидетелей, потерпевших);
- генерация изображения субъективного портрета с использованием конкретной нейросети в режиме реального времени (в ходе опроса или допроса);
- оценка соответствия генерированного изображения мысленному образу очевидца;
- составление ориентировки и проверка полученного изображения по массивам автоматизированных информационно-поисковых систем оперативно-разыскного назначения либо по открытым сетевым профилям в социальных сетях (в рамках розыскной деятельности следователя);
- передача изображения в экспертно-криминалистическое подразделение районного уровня для проверки по учету субъективных портретов, постановка на учет (в рамках учетно-регистрационной деятельности эксперта);
- установление типажного сходства с ранее поставленными на учет субъективными портретами экспертно-криминалистического подразделения, а также с профилями из открытых информационных ресурсов в сети Internet посредством технологий видеоаналитики и биометрической идентификации. Информирование субъекта расследования о типажном сходстве;
- установление личности по типажному сходству с профилями из открытых информационных ресурсов в сети Internet, из показаний свидетелей (в рамках розыскной деятельности следователя).

Преимущества изложенного подхода заключаются в автоматизации процедуры составления субъективного портрета, усилении роли взаимодействия субъекта расследования с оперативно-разыскными и экспертно-криминалистическими подразделениями, а также оперативности реализации полученной информации в оперативно-служебной деятельности.

Список источников

1. Сысенко А. Р., Герасименко Н. И., Муравьев К. В. Использование психологических приемов в процессе описания внешнего облика человека при раскрытии преступлений // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2019. № 3 (78). С. 343–347.
2. Криминалистическая техника: учебник / под ред. Ю. Н. Баранова, Т. В. Поповой. Челябинск: ЧЮИ МВД России, 2009. 860 с.
3. Криминалистическая идентификация человека по признакам внешности: учеб. пособие для вузов / А. М. Зинин, В. А. Газизов, И. В. Киселевич [и др.]; под ред. А. М. Зинина. 2-е изд. Москва: Юрайт, 2021. 323 с.
4. Будякова Т. П. Экспериментальная оценка эффективности системы словесного портрета при опознании личности // Экспериментальная психология. 2016. Т. 9, № 2. С. 53–65.
5. Кушхов Р. Х., Куашев А. А. Взаимодействие следователя (дознателя) с органами дознания при рассмотрении материалов доследственной проверки и возбуждения уголовного дела // Евразийский юридический журнал. 2017. № 10 (113). С. 189–190.

6. Давыдов Е. В., Финогенов В. Ф. Особенности производства судебно-портретных экспертиз по цифровым портретам и видеоизображениям на предварительной стадии исследования // Судебная экспертиза. 2018. № 2 (54). С. 90–97.

References

1. Sysenko A. R., Gerasimenko N. I., Muravyev K. V. Use of psychological techniques in the process of describing the appearance of a person in solving crimes. Psychopedagogy in law enforcement agencies, 343–347, 2019. (In Russ.).
2. Forensic technology. Textbook. Ed. by Yu. N. Baranov, T. V. Popova. Chelyabinsk: Chelyabinsk Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs; 2009: 860. (In Russ.).
3. Zinin A. M., Gazizov V. A., Kiselevich I. V. (et al.). Forensic identification of a person by physical appearance. Coursebook. Ed. by A. M. Zinin. 2nd ed. Moscow: Yurait; 2021: 323. (In Russ.).
4. Budyakova T. P. Experimental evaluation of the effectiveness of the ID system in identification of a person. Experimental psychology, 53–65, 2016. (In Russ.).
5. Kushkhov R. Kh., Kuashev A. A. Interaction of the investigator (investigator) with the bodies of inquiry during the examination of pre-investigation materials and initiation of criminal proceedings. Eurasian Law Journal, 189–190, 2017. (In Russ.).
6. Davydov E. V., Finogenov V. F. Features of production of forensic portrait examinations on digital portraits and video images at the preliminary stage of research. Forensic examination, 90–97, 2018. (In Russ.).

Курин Алексей Александрович,

заместитель начальника кафедры криминалистики
учебно-научного комплекса по предварительному следствию
в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России,
кандидат технических наук, доцент; AAKurin@mail.ru

Kurin Alexey Alexandrovich,

deputy head of the department of criminalistics
of the educational and scientific complex
by preliminary investigation in the internal affairs bodies
of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of technical sciences, associate professor; AAKurin@mail.ru

Статья поступила в редакцию 15.04.2024; одобрена после рецензирования 02.05.2024; принята к публикации 16.05.2024.

The article was submitted 15.04.2024; approved after reviewing 02.05.2024; accepted for publication 16.05.2024.

* * *

УДК 343.982.35

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗРАБОТКИ
И ПРИМЕНЕНИЯ ТЕМНЫХ ДАКТИЛОСКОПИЧЕСКИХ ПОРОШКОВ
ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ ЛАТЕНТНЫХ СЛЕДОВ РУК**

Василий Алексеевич Васильев*, **Татьяна Александровна Ермакова****,
Юрий Алексеевич Дружинин***, **Илья Борисович Афанасьев******

* Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, v-vasiliev@inbox.ru

** Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия,
taermakova09@mail.ru

*** ЭКЦ МВД России, Москва, Россия, eko47@mail.ru

**** ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, Москва, Россия, ilya_afanasev@pisem.net

Аннотация. В настоящее время в судебной экспертизе, и в частности в дактилоскопии, вопросам разработки и апробации новых технико-криминалистических средств уделяется недостаточно внимания. Большинство иностранных компаний (Sirchie, BVDA, Foster Freeman и др.) прекращены поставки специализированных реактивов, применяемых при выявлении и фиксации следов рук. Отмечается также отсутствие новых разработок в данной области отечественными производителями технико-криминалистических средств. Указанные обстоятельства привели к изменению номенклатуры, в том числе расходных материалов (универсальных и специализированных) – дактилоскопических порошков, необходимых как при осмотре места происшествия, так и в лабораторных условиях.

В настоящей статье на основе патентного поиска показан эвристический подход к разработке новых составов темных дактилоскопических порошков с улучшенной адгезионной способностью по отношению к потожировому веществу следа. Проиллюстрированы результаты выявления латентных следов рук дактилоскопическими порошками на разнообразных по свойствам следовоспринимающих поверхностях.

Ключевые слова: дактилоскопическая экспертиза, дактилоскопические порошки, физические методы, методы выявления, следы рук человека

Для цитирования: Васильев В. А., Ермакова Т. А., Дружинин Ю. А., Афанасьев И. Б. Криминалистические аспекты разработки и применения темных дактилоскопических порошков для выявления латентных следов рук // Судебная экспертиза. 2024. № 2 (78). С. 74–83.

© Васильев В. А., Ермакова Т. А., Дружинин Ю. А., Афанасьев И. Б., 2024

**FORENSIC ASPECTS OF DEVELOPMENT AND APPLICATION
OF DARK FINGERPRINT POWDERS TO DETECT LATENT FINGERPRINTS**

Vasily Alexeevich Vasilyev*, **Tatiana Aleksandrovna Ermakova****,
Yury Alekseevich Druzhinin***, **Ilya Borisovitch Afanasyev******

* Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia,
Volgograd, Russia, v-vasiliev@inbox.ru

** Volgograd State University, Volgograd, Russia, taermakova09@mail.ru

*** Forensic science centre of the Ministry of the Interior of Russian Federation,
Moscow, Russia, eko47@mail.ru

**** RFCFS, Moscow, Russia, ilya_afanasev@pisem.net

Abstract. The inadequate attention is given currently to development and approbation of new forensic equipments within the forensic examination and in particular in the fingerprinting. Deliveries of special reagents applied to detect and fix fingerprints have been cut off by majority of foreign companies (e. g. Sirchie, BVDA, Foster Freeman etc.). In addition, absence of new developments is being recorded in this field by national manufacturers of forensic equipments. Circumstances indicated have caused the shifts in product mix, including consumables (both universal and customized) used both for crime scene investigation and in a laboratory environment – fingerprint powders.

Based on the patent searches, the heuristic approach for development of new fingerprint powder compositions with enhanced adhesion ability as to sweat and grease deposits has been shown in this paper. Results of latent fingerprints detection by fingerprint powders have been illustrated on surfaces accepting fingerprints which differ in properties.

Keywords: fingerprint investigations, fingerprint powders, physical methods, detection methods, human fingerprints

For citation: Vasilyev V. A., Ermakova T. A., Druzhinin Yu. A., Afanasyev I. B. Forensic aspects of development and application of dark fingerprint powders to detect latent fingerprints. Forensic Examination, 74–83, 2024. (In Russ.).

Вводная часть. Как известно, в области дактилоскопии и дактилоскопической экспертизы наиболее актуальными являются идентификационные задачи. Промежуточной и часто встречаемой выступает диагностическая задача – определение пригодности латентных следов рук для их последующей идентификации. Выявленные соответствующим технико-криминалистическим средством, зафиксированные и изъятые в ходе осмотра места происшествия следы позволяют решать данные задачи, в том числе и по прошествии достаточно длительного срока с момента совершения преступления [1].

Проведенный анализ современной литературы по практическому использованию средств выявления латентных следов рук показывает, что разработанные отечественными и зарубежными производителями криминалистической техники дактилоскопические порошки различаются друг от друга цветом, дисперсностью, селективностью по отношению к потожировому веществу и следовоспринимающей поверхности, магнитными и люминесцентными свойствами [2; 3].

Однако в настоящее время рядом компаний (Sirchie, BVDA, Foster Freeman и др.) ограничены поставки специализированных дактилоскопических средств, химических компонентов, что актуализирует разработку новых составов дактилоскопических порошков на основе доступной отечественной сырьевой базы¹.

На процесс выявления латентных следов рук дактилоскопическими порошками оказывают влияние следующие факторы [4; 5]:

- внешние условия (температура окружающей среды, влажность, запыленность и т. п.);
- химический состав и состояние потожирового вещества следа;
- физико-химические характеристики следовоспринимающей поверхности (способность к смачиванию, адгезия, шероховатость и т. д.);
- гранулометрический и химический состав дактилоскопических порошков.

Научные исследования трехкомпонентной системы, проведенные с помощью современных аналитических методов: средство выявления (дактилоскопический порошок) – потожировое вещество следа – следовоспринимающая поверхность [6–8], не привели к обнаружению прямых зависимостей «состав (структура) – свойства».

Рекомендации, выработанные практикующими экспертами и производителями криминалистической техники по применению дактилоскопических порошков, являются эмпирическими [1; 5]. В паспортах безопасности, технических условиях на средства выявления содержится минимально доступная техническая информация, включающая опосредованные нормируемые физико-химические показатели, не позволяющие оценить практические свойства дактилоскопических порошков.

Поскольку учесть все вышеперечисленные факторы, влияющие на выявление следа, практически невозможно, перед исследователями поставлена задача по разработке универсальных дактилоскопических порошков, обладающих оптимальными поверхностными свойствами, позволяющими применять их на большинстве следовоспринимающих объектов.

При разработке новых составов темных дактилоскопических порошков для выявления латентных следов рук авторами проведен патентный поиск. В качестве прототипов (ближайших аналогов) выбраны составы, характерные для черных магнитного и немагнитного дактилоскопических порошков (табл. 1).

По методикам, указанным в литературных источниках², получены образцы дактилоскопических порошков (прототипы 1, 2). В результате испытаний на наиболее распространенных следовоспринимающих поверхностях были выявлены следующие недостатки:

- низкое «качество» латентных следов рук;
- высокая сорбционная способность по отношению к следовоспринимающим поверхностям.

¹ URL: <https://www.krim-market.ru/> (дата обращения: 02.04.2024); Целевые технологии. URL: <https://aimtech.ru/> (дата обращения: 02.04.2024); Оснащение экспертов. URL: <https://criminalist.expert/> (дата обращения: 02.04.2024).

² Пат. № 11713 С1 Республика Беларусь, МПК (2006) А 61В 5/117. Черный немагнитный дактилоскопический порошок / Воробьева С. А., Лесникович А. И., Милевич И. А., Семенова Е. М.; опубл. 30.04.2009; А. с. кл. 542949 С 01 СССР, N 27/28. Способ получения магнитных порошков / Черемных В. В., Титенко А. Г.; опубл. 15.01.1977.

Таблица 1

**Примерный состав черных магнитного и немагнитного
дактилоскопических порошков (прототипы 1 и 2 соответственно)**

№ п/п	Наименование состава	Наименование дактилоскопического порошка	Состав	№ п/п в списке источников
1.	Прототип 1	Черный немагнитный дактилоскопический порошок	Оксид меди (II) – 50 %, сажа черная – 40 %, тальк – 10 %	12
2.	Прототип 2	Черный магнитный дактилоскопический порошок	Порошок магнетита, или металлического железа, обработанный раствором стеариновой кислоты в ацетоне	13

Для решения указанных проблем проведено исследование по модификации известных составов дактилоскопических порошков (прототипы 1, 2).

Материалы и методы исследования. Образцы темного немагнитного дактилоскопического порошка¹ получены путем последовательного введения и механического перемешивания компонентов, а образцы темного магнитного дактилоскопического порошка² – посредством последовательного введения и механического перемешивания компонентов с органическим растворителем, содержащим поверхностно-активные вещества, с последующим высушиванием до постоянной массы.

При проведении экспериментов использовали следовоспринимающие объекты, характеризующиеся ровной, гладкой поверхностью, обладающей различными значениями шероховатости: пластик (ГОСТ Р 33756-2016), стекло (ГОСТ Р 111-2014), бумагу (ГОСТ 58611-2019), ламинированную ДСП (ГОСТ 32289-2013) и ряд других.

Экспериментальные следы оставляли 6 человек в возрасте от 17 до 45 лет. Для исключения воздействия случайных факторов, приводящих к образованию латентных следов рук на следовоспринимающих объектах невысокого качества, оставленные следы контролировали визуально по следующим параметрам:

– папиллярные узоры (определяем тип и вид), а также отдельные папиллярные линии визуально различимы;

¹ Пат. 2657425 С1 Российская Федерация, МПК G01N33/00. Способ получения немагнитного дактилоскопического порошка на основе ультрадисперсного наноматериала для выявления латентных следов рук / Ермакова Т. А., Запороцкова И. В., Афанасьев И. Б. [и др.]; опублик. 13.06.2018, Бюл. № 17.

² Пат. 2794978 С2 Российская Федерация, МПК A61B5/117. Способ получения магнитного дактилоскопического порошка на основе высокодисперсных порошков для выявления латентных следов рук / Ермакова Т. А., Афанасьев И. Б., Дружинин Ю. А., Юдина Т. Ю.; опублик. 26.04.2023, Бюл. № 12.

– папиллярные линии четкие, непрерывистые (сплошные), достаточной ширины;

– на папиллярных линиях (с учетом механизма слеодообразования) различимы поро- и эджескопические признаки.

Качество следов, выявляемых при помощи дактилоскопических порошков, оценивалось по следующим показателям:

«+» – выявленный след хорошего качества, видны частные признаки папиллярного узора, в отдельных случаях дифференцируемы поро- и эджескопические признаки, след пригоден для идентификации личности;

«-» – след неудовлетворительного качества, частные признаки папиллярного узора дифференцируются недостаточно четко, след не выявлен, так как обладает низкой контрастностью, и непригоден для идентификации личности.

Фиксацию указанных следов осуществляли на цифровую фотокамеру Sony DSLR-S230 с объективом SAL1855.

Результаты исследований и их обсуждение. Дактилоскопические порошки являются многокомпонентными системами, гранулометрический состав которых варьируется в широком диапазоне значений. Поверхностные свойства следовоспринимающих поверхностей (смачиваемость, шероховатость, пористость и т. д.) и физико-химические свойства потожирового вещества человека (химический состав, соотношение компонентов, растекаемость, плотность, вязкость и т. п.) также непостоянны. При этом дактилоскопический порошок по отношению к следовоспринимающей поверхности должен обладать низкой адгезией, а по отношению к потожировому веществу следа – высокой. Таким образом, оптимизацию свойств тройной системы (дактилоскопический порошок – потожировое вещество – следовоспринимающая поверхность) можно отнести к эвристическим задачам.

Для селективной трансформации поверхностных свойств данной дисперсной системы необходимо изменить ее свободную энергию. В качестве веществ, позволяющих регулировать данные свойства, при проведении экспериментальных исследований использовали:

– ультрадисперсные материалы, обладающие развитой поверхностью, углеродные нанотрубки (УНТ);

– поверхностно-активные вещества.

Модификацию известного состава черного немагнитного дактилоскопического порошка (прототип 1) осуществляли при помощи УНТ. В ходе экспериментов подобрано оптимальное соотношение реагентов (% масс.)¹:

– оксид меди (II) – 30 : 70;

– сажа черная – 25 : 40;

– тальк – 1 : 20;

– УНТ – 1 : 15.

В таблице 2 представлены результаты экспериментальной работы по оптимизации состава (соотношения реагентов) темного немагнитного дактилоскопического порошка, модифицированного УНТ. На рисунке 1 приведен пример

¹ См: Пат. 2657425 С1.

изображения латентных следов рук, выявленных с использованием состава 3 разработанного дактилоскопического порошка на различных следовоспринимающих поверхностях.

Таблица 2

Результаты оптимизации состава темного немагнитного дактилоскопического порошка, модифицированного углеродными нанотрубками

№ образца (состав)	Соотношение реагентов				Результаты испытаний
	оксид меди (II)	сажа черная	тальк	УНТ	
Прототип 1	50	40	10	–	–
1	60	25	12	3	+
2	70	26	3	1	+
3	50	35	10	5	+
4	30	45	10	15	+
5	30	40	20	10	+
6	30	40	10	20	–
7	70	27	2,5	0,5	–

Примечание. «+» – выявленный след хорошего качества; «–» – след неудовлетворительного качества.

Для изменения свойств известного состава черного магнитного дактилоскопического порошка (прототип 2) использовали смесь поверхностно-активных веществ. В ходе экспериментальной работы подобрано оптимальное соотношение реагентов (% масс.)¹:

- железо – 20 : 50;
- оксид железа (II) – 20 : 50;
- сажа черная – 10 : 40;
- тальк – 15;
- смесь поверхностно-активных веществ:
сорбитан стеарат – 1–5;
полиэтиленгликолевый эфир моноэтаноламида СЖК – 1–5.

В таблице 3 представлены эксперименты по подбору оптимального соотношения реагентов, а также изображения латентных следов рук, выявленных посредством состава 6 (рис. 1) темного магнитного дактилоскопического порошка, модифицированного поверхностно-активными веществами.

¹ См.: Пат. 2794978 С2.

Таблица 3

Результаты оптимизации состава темного магнитного дактилоскопического порошка, модифицированного смесью поверхностно-активных веществ

№ образца (состав)	Соотношение исходных реагентов						Результаты испытаний
	железо	оксид железа (II)	сажа черная	тальк	смесь поверхностно- активных веществ		
					сорбитан стеарат	полиэтилен гликолевый эфир моно- этаноламида СЖК	
Прототип 2	—	—	—	—	—	—	—
1	29	20	40	1	5	5	+
2	20	50	10	15	1	4	+
3	50	25	10	10	4	1	+
4	40	25	25	5	3	2	+
5	25	20	37	12	3	3	—
6	30	31	25	8	1	5	+
7	30	27	30	10	1	2	—

Примечание. «+» – выявленный след хорошего качества; «–» – след неудовлетворительного качества.

Темный немагнитный дактилоско- пический порошок (состав 3)				
Темный магнитный дактилоско- пический порошок (состав 6)				
	а	б	в	г

Рис. 1. Латентные следы рук, оставленные на различных следовоспринимающих поверхностях, выявлены дактилоскопическими порошками: темным немагнитным дактилоскопическим порошком (состав 3) и темным магнитным дактилоскопическим порошком (состав 6):

а – стекло (ГОСТ Р 111-2014); б – ламинированная ДСП (ГОСТ 32289-2013);
в – бумажная поверхность (ГОСТ 58611-2019); г – пластик (ГОСТ Р 33756-2016)

По результатам патентного поиска и экспериментальных исследований оптимизированы состав и свойства черных магнитного и немагнитного дактилоскопических порошков (прототипы 1, 2). Разработанные составы немагнитного темного дактилоскопического порошка модифицированы небольшим количеством УНТ, в связи с чем показывают более качественное выявление следов, чем прототип 1.

Модификация составов темного магнитного дактилоскопического порошка одновременно двумя поверхностно-активными веществами – сорбитан стеаратом и полиэтиленгликолем эфиром моноэтаноламида СЖК – способствует повышению качества выявления следов и изменению адгезионных свойств по отношению к составу прототипа 2.

Изменение содержания модифицирующих добавок в разработанных составах темных дактилоскопических порошков (от оптимального значения) приводит к снижению качества выявляемых следов.

Список источников

1. Современные методы и средства выявления, изъятия и исследования следов рук: учеб. пособие / Л. А. Черницын [и др.]. Москва: ЭКЦ МВД РФ, 2010. 176 с.
2. Advances in fingerprint technology / ed. by H. C. Lee, R. Ramotowski, R. E. Gaensslen. Boca Raton, Fla.: CRC Press, 2001. 426 p.
3. Латышов И. В., Васильев В. А., Кондаков А. В. Оценка эффективности применения дактилоскопических порошков для выявления следов рук // Труды Академии управления МВД России. 2018. Вып. 3 (47). С. 142–147.
4. Корноухов В. Е., Ярослав Ю. Ю., Яровенко Т. В. Дактилоскопическая экспертиза: современное состояние и перспективы развития: монография. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2015. 320 с.
5. Донцова Ю. А., Капитонов В. Е. Давность следов рук и оптимальные способы обнаружения следов рук различной давности на различных поверхностях: учеб. пособие. Москва: ЭКЦ МВД России, 2008. 32 с.
6. Fingerprint source book / H. Bandey, S. Bleay, V. Bowman [et al.]. London: Home Office, 2018.
7. Jones B. J., Downham R., Sears V. G. Effect of substrate surface topography on forensic development of latent fingerprints with iron oxide powder suspension // Surface and Interface Analysis. 2010. Iss. 42 (5). P. 438–442.
8. Использование методов электронной микроскопии для оценки свойств дактилоскопических порошков / И. В. Латышов, И. Б. Афанасьев, Ю. А. Дружинин [и др.] // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 2 (70). С. 102–107.

References

1. Chernitsyn L. A. (et al.). Modern methods and means of detection, lifting and investigation of fingerprints. Study guide. Moscow: The Forensic science centre of the Ministry of the Interior of Russian Federation; 2010: 176. (In Russ.).

2. Advances in fingerprint technology. Ed. by H. C. Lee, R. Ramotowski, R. E. Gaensslen. Boca Raton, Fla.: CRC Press; 2001: 426. (In Eng.).
3. Latyshov I. V., Vasilyev V. A., Kondakov A. V. Assessment of feasibility of fingerprint powders to detect fingerprints. Papers of the Academy of Management of the MIA of Russia, 142–147, 2018. (In Russ.).
4. Kornoukhov V. E., Yaroslav Yu. Yu., Yarovenko T. V. Fingerprint examination: the current state and prospects for the development. Monograph. Moscow: Norma: INFRA-M; 2015: 320. (In Russ.).
5. Dontsova Yu. A., Kapitonov V. E. Fingerprints time limitations and convenient ways to detect fingerprints of different time limitations on diverse surfaces. Study guide. Moscow: The Forensic science centre of the Ministry of the Interior of Russian Federation; 2008: 32. (In Russ.).
6. Fingerprint source book. Ed. by H. Bandey, S. Bleay, V. Bowman (et al.). London: Home Office; 2018. (In Eng.).
7. Jones B. J., Downham R., Sears V. G. Effect of substrate surface topography on forensic development of latent fingerprints with iron oxide powder suspension. Surface and Interface Analysis, 438–442, 2010. (In Eng.).
8. Latyshov I. V., Afanasiev I. B., Druzhinin Yu. A. (et al.). Application of electron microscopy methods for evaluation of fingerprint properties. Journal of the Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, 102–107, 2016. (In Russ.).

Васильев Василий Алексеевич,

доцент кафедры трасологии и баллистики
учебно-научного комплекса
экспертно-криминалистической деятельности
Волгоградской академии МВД России,
кандидат химических наук, доцент; v-vasiliev@inbox.ru

Ермакова Татьяна Александровна,

доцент кафедры судебной экспертизы
и физического материаловедения
Волгоградского государственного университета,
кандидат химических наук, доцент; taermakova09@mail.ru

Дружинин Юрий Алексеевич,

инженер отдела почерковедческих экспертиз
и технико-криминалистического исследования документов
Экспертно-криминалистического центра МВД России;
eko47@mail.ru

Афанасьев Илья Борисович,

главный эксперт ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России;
ilya_afanasev@pisem.net

Vasilyev Vasily Alexeevich,

associate professor of the department of traceology and ballistics
of the training and scientific complex of expert criminalistics activities
of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of chemical sciences, associate professor; v-vasiliev@inbox.ru

Ermakova Tatiana Aleksandrovna,

associate professor of the department
of judge expertise and physical material science
of the Volgograd State University,
candidate of chemical sciences, associate professor;
taermakova09@mail.ru

Druzhinin Yury Alekseevich,

engineer of the department of handwriting examinations
and technical and criminalistic research of documents
of the Forensic science centre
of the Ministry of the Interior of Russian Federation; eko47@mail.ru

Afanasyev Ilya Borisovitch,

chief expert of the RFCFS; ilya_afanasev@pisem.net

Статья поступила в редакцию 05.04.2024; одобрена после рецензирования
22.04.2024; принята к публикации 16.05.2024.

The article was submitted 05.04.2024; approved after reviewing 22.04.2024; accepted
for publication 16.05.2024.

* * *

УДК 343.98

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАЗНАЧЕНИЯ И ПРОИЗВОДСТВА
СУДЕБНЫХ РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ
ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ
ПО МОТИВУ РЕЛИГИОЗНОЙ НЕНАВИСТИ ИЛИ ВРАЖДЫ**

Кирилл Радикович Кирушин

Набережночелнинский государственный педагогический университет,
Набережные Челны, Россия, kirya.kirushin@mail.ru

Аннотация. В условиях роста преступлений, посягающих на религиозные отношения, актуализируется роль судебной религиоведческой экспертизы как вида доказательства. При расследовании уголовных дел, связанных с религиозным экстремизмом и (или) терроризмом, современное судопроизводство ведется с опорой на объективное, полное и всестороннее исследование, а также на качественную оценку экспертом выводов, результаты которых играют важную роль при осуществлении правосудия. При производстве судебной экспертизы большое значение придается ее соответствию критериям научности и валидации применяемой методической базы. В этой связи особого внимания заслуживает определение современных проблем, которые возникают на стадиях назначения и производства судебных религиоведческих экспертиз. Результатом проведенной работы стало выявление особенностей расследования преступлений, совершенных по мотиву религиозной ненависти или вражды, значимости применения судебной религиоведческой экспертизы в качестве доказательства на суде, а также анализ проблем данного рода (вида) экспертиз.

Ключевые слова: судебная религиоведческая экспертиза, проблемы судебной религиоведческой экспертизы, расследование отдельных видов преступлений, мотив религиозной ненависти или вражды, типовые ошибки при производстве судебной экспертизы

Для цитирования: Кирушин К. Р. Актуальные проблемы назначения и производства судебных религиоведческих экспертиз при расследовании преступлений, совершенных по мотиву религиозной ненависти или вражды // Судебная экспертиза. 2024. № 2 (78). С. 84–91.

© Кирушин К. Р., 2024

**ACTUAL PROBLEMS OF APPOINTMENT AND PRODUCTION
OF JUDICIAL RELIGIOUS STUDIES EXAMINATIONS
IN THE INVESTIGATION OF CRIMES COMMITTED
ON THE GROUNDS OF RELIGIOUS HATRED OR ENMITY**

Kirill Radikovich Kirushin

Naberezhnye Chelny State Pedagogical University,
Naberezhnye Chelny, Russia, kirya.kirushin@mail.ru

Abstract. In the context of the growth of crimes encroaching on religious relations, the role of judicial religious studies expertise as a type of evidence is being actualized. When investigating criminal cases related to religious extremism and (or) terrorism, modern judicial proceedings are conducted based on an objective, complete and comprehensive study conducted by an expert, as well as on a qualitative assessment of the conclusions, the results of which play an important role in the administration of justice. During the production of forensic examination, great importance is attached to its compliance with the criteria of scientific validity and validation of the applied methodological base. In this regard, special attention should be paid to the definition of modern problems that arise at the stages of appointment and production of judicial religious studies examinations. The result of the work was the identification of the specifics of the investigation of crimes committed on the grounds of religious hatred or enmity, the importance of using judicial religious studies expertise as evidence in court, as well as the analysis of problems of this kind (type) of expertise.

Keywords: judicial religious studies examination, problems of judicial religious studies examination, investigation of certain types of crimes, motive of religious hatred or enmity, typical errors in the production of forensic examination

For citation: Kirushin K. R. Actual problems of appointment and production of judicial religious studies examinations in the investigation of crimes committed on the grounds of religious hatred or enmity. Forensic Examination, 84–91, 2024. (In Russ.).

В криминалистической науке особое внимание уделяется понятию судебной экспертизы. В современных реалиях процесс доказывания, одним из главных инструментов которого является использование специальных знаний в области научного познания, играет определяющую роль в ходе судебного разбирательства. Изучением подобных проблем занимается ряд исследователей, в числе которых Е. Р. Россинская, И. В. Загребина, А. В. Пчелинцев, В. Ю. Лебедев, А. М. Прилуцкий, В. И. Крусс, Г. Д. Борисов, Т. Н. Касьянюк, Ю. В. Демидченко, Ч. Н. Назаркулова.

Известный специалист в области криминалистики и судебной экспертизы Е. Р. Россинская рассматривает проблему назначения и производства судебных экспертиз, предмет которых затрагивает несколько областей научных знаний (к примеру, судебная религиоведческая экспертиза часто носит комплексный характер ввиду исследований в области религиоведения, лингвистики, психологии) [1, с. 11]. Так, расследование уголовных дел по ст. 136, 148, 205, 205.1, 205.2,

239, 280, 280.1, 282, 282.1, 282.2 УК РФ¹ нередко связано с понятием «экстремизм», исследование которого требует привлечения специальных знаний из отдельных областей научного познания – психологии, лингвистики.

Но в случаях, когда следствие (дознание), суд сталкиваются с расследованием религиозно-мотивированного экстремизма, исследование, осуществленное экспертами-психологами и экспертами-лингвистами, может не соответствовать критерию всесторонности, так как последние не обладают знаниями из необходимой в данной ситуации области специальных знаний – религиоведения. Ввиду этого в ходе проведения следственных мероприятий (судебного следствия) возникает потребность в привлечении эксперта-религиоведа.

Как и любой иной род (вид) исследований, судебная религиоведческая экспертиза обладает спецификой, которая непременно должна учитываться при ее назначении в ходе расследования уголовного дела. Прежде всего следует выделить те объекты, которые представляют интерес в рамках проведения религиоведческого исследования (совокупность вещественных доказательств, имеющих религиозное содержание: печатную периодику, рукописные тексты, записи на электронных носителях информации, изображения, вербальные материалы) и могут исследоваться в рамках лингвистической и психологической экспертиз, что на практике часто обуславливает их комплексное назначение. Важно отметить, что судебная религиоведческая экспертиза в ходе решения задач, поставленных следователем (дознавателем) или судом, направлена исключительно на выявление высказываний религиозного содержания с последующей идентификацией конфессионального течения, к которому относятся представленные элементы вероучения. Ввиду этого существует ряд значимых отличительных черт судебной религиоведческой экспертизы, назначение которой может быть инициировано при выявлении составов преступлений, совершенных по мотиву религиозного экстремизма и (или) терроризма.

Для выявления признаков совершения преступного деяния, ответственность за которое предусмотрена ст. 136 УК РФ (нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина), могут быть назначены несколько родов (видов) исследований: чаще всего таковой является судебная лингвистическая экспертиза. Но в случаях, при которых в представленных на исследование материалах может содержаться религиозный компонент (например, используется общеизвестная религиозная терминология), для обеспечения всесторонности исследования следователю (дознавателю), суду рекомендуется назначать также судебную религиоведческую экспертизу. Если эксперт-лингвист занимается определением признаков наличия дискриминации (речевой акт отказа в чем-либо с возможным указанием причины, интерпретация необходимости в бойкотировании определенных лиц и др.), то эксперт-религиовед осуществляет определение религиозного характера содержащихся материалов (например, трактуется ли запрещенная религиозная литература, утверждается ли требование конфессиональной группы о совершении какого-либо действия и др.).

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 14.02.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 12.03.2024).

При определении состава преступления, связанного с оскорблением религиозных чувств верующих и незаконным воспрепятствованием деятельности религиозных организаций, проведению религиозных обрядов (ст. 148 УК РФ), судебная религиоведческая экспертиза, как правило, назначается комплексно с лингвистической. В таких случаях эксперт-лингвист осуществляет выявление негативных, уничижительных лексем (установление признаков оскорбительных высказываний), а эксперт-религиовед определяет наличие религиозного контента в представленных на исследование материалах. При отсутствии религиозного содержания деяние не может быть квалифицировано в качестве преступления, совершенного по ст. 148 УК РФ. Следует отметить, что выявление религиозного компонента выходит за рамки компетенции эксперта-лингвиста, ввиду этого при возбуждении уголовного дела по факту совершения преступления, предусмотренного ст. 148 УК РФ, назначение судебной религиоведческой экспертизы комплексно с судебной лингвистической экспертизой носит обязательный характер.

При расследовании преступлений, совершенных по ст. 205 УК РФ (террористический акт), рассматриваемые исследования имеют место менее часто, например, при предположительном наличии угрозы совершения террористического акта. В таких случаях следователь (дознатель), судья, как правило, назначает комплексную судебную психолого-лингвистическую экспертизу, в ходе производства которой выявляются признаки речевого акта угрозы совершения насильственных действий, а также средства и методы использованных при этом психологических приемов. Иным признаком может являться принадлежность подозреваемого (обвиняемого) к религиозной организации, признанной террористической на территории Российской Федерации. Определению данного признака может способствовать судебная религиоведческая экспертиза, которая в качестве объектов исследования будет рассматривать атрибутику, идеологическую литературу, характерную для конкретной религиозной организации (например, МТО «Аль-Каида» и др.).

Аналогичная ситуация складывается при расследовании преступлений, совершенных по ст. 205.1, 205.2, 282.1, 282.2 УК РФ, но в данных случаях будет назначаться комплексная судебная психолого-лингво-религиоведческая экспертиза. Данное обстоятельство обусловлено тем, что исследование в этих областях специальных знаний позволит наиболее полно анализировать материалы уголовного дела: эксперт-лингвист и эксперт-психолог будут заниматься выявлением речевых и психологических признаков вовлечения в определенную деятельность или склонения к ней, а эксперт-религиовед – определять ту религиозную организацию, к которой принадлежит или в которую вовлекает подозреваемый (обвиняемый), либо религиозный характер выявленного побуждения (например, необходимость совершения насильственных действий по велению бога, божественных сил). Необходимо отметить, что назначение религиоведческой экспертизы в перечисленных случаях необходимо лишь при подозрении на наличие религиозного контента в представленных на исследование материалах.

При определении состава преступления, предусмотренного ст. 239 УК РФ, судебная религиоведческая экспертиза может быть назначена для установления принадлежности организации к конфессиональному течению. Так, перед экспертом-религиоведом может стоять задача по выявлению религиозных

обрядов, форм деятельности функционеров какой-либо религиозной организации, используемой ими специфической терминологии и т. д.

В ходе расследования преступлений, совершенных по ст. 280, 280.1, 280.2, 282 УК РФ, в большинстве случаев назначается судебная лингвистическая экспертиза. Эксперт-лингвист осуществляет выявление признаков публичного характера представленных на исследование материалов, наличия в них высказываний-призывов, определение предмета речи (того, к чему призывают). Комплексно с лингвистической экспертизой может быть назначена психологическая для выявления признаков оказания психологического воздействия на адресата. Доказательно значимым будет являться определение религиозного характера совершаемого деяния, ввиду чего может быть назначена судебная религиозно-экспертная экспертиза, при производстве которой эксперт-религиовед, как правило, выявляет то конфессиональное течение, для которого характерно содержание представленных на исследование материалов (например, идея создания исламского государства специфична для запрещенной на территории Российской Федерации религиозной организации «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами»¹).

На сегодняшний день как теоретические разработки, так и практика применения судебной религиозно-экспертной экспертизы находятся на стадии формирования. Судебная практика доказывания преступлений, связанных с проявлениями религиозного экстремизма и терроризма, сопряжена с производством судебной религиозно-экспертной экспертизы. Несформированность предмета, объекта, методов и задач не позволяет выделить такой род (вид) судебной экспертизы в отдельную самостоятельную экспертизу. В настоящий момент судебная религиозно-экспертная экспертиза находится на этапе перехода от большого накопленного опыта и обобщения судебной практики к постепенному научному определению структуры религиозно-экспертного исследования. В связи с этим возникает потребность в формулировании предмета, объектов и задач экспертизы, а также проработанности ее компетенции и выборе экспертов, которые будут ее производить.

И. В. Загребина, А. В. Пчелинцев уделяют особое внимание правовым основам судебной религиозно-экспертной экспертизы, в частности, подчеркивают, что механизм регулирования подобной экспертизы тесно связан с развитием института религии в государстве и гарантиями свободы вероисповедания как базовых характеристик, закрепленных в основном законе. Сведущим лицом в судебном процессе является эксперт-религиовед, обладающий специальными знаниями в религиоведении как самостоятельной научной области. Наличие конституционно-правовых гарантий вероисповедания в светском государстве обуславливает применение специальной формы доказывания, заключающейся в выявлении признаков разжигания межконфессиональной розни, призывов к экстремистской деятельности, ее осуществления и т. п. Такая форма опирается на инструменты религиоведческого знания, его методы, формы и средства [2, с. 145–146]. В связи с этим проблема заключается в способах оценивания объектов, представленных на судебную религиозно-экспертную экспертизу, на признак наличия либо отсутствия

¹ Решение Верховного Суда РФ от 14 февраля 2003 г. № ГКПИ 03-116 / Нац. антитеррорист. ком. URL: <http://nac.gov.ru/zakonodatelstvo/sudebnye-resheniya/reshenie-verhovnogo-suda-rf-ot-14-fevralya.html> (дата обращения: 12.03.2024).

религиозного содержания, характерного для запрещенных религиозных объединений. Объективность оценки при даче всестороннего заключения эксперта в таком случае становится во многом зависимой от накопленного экспертом-религиоведом опыта.

Иной проблемой является недостаточность методологического обеспечения судебной религиоведческой экспертизы. Так, по мнению В. Ю. Лебедева и А. М. Прилуцкого, данная проблема может вызвать затруднения при признании заключения эксперта в качестве доказательства. Исследователи ссылаются на политизацию судебной экспертизы и, как следствие, наличие фактора субъективизма при производстве подобного рода исследований. Ряд перечисленных недостатков, в свою очередь, ведет к возникновению споров между ведущими специалистами в области судебной религиоведческой экспертизы, а в частных случаях – к снижению репутации судебно-экспертных учреждений, отдельных экспертов, а также судебной религиоведческой экспертизы в целом [3, с. 109–110].

Как показывает экспертная практика, при производстве экспертиз, назначенных по уголовным делам, связанным с религиозным экстремизмом, приоритет отдается лингвистическим и психолого-лингвистическим экспертизам ввиду разработанности их методологического аппарата, а также придания им официального статуса. В таких случаях производство судебных религиоведческих экспертиз остается в стороне, что обуславливается низким уровнем доверия к частным экспертным организациям, непониманием со стороны органов следствия (дознания), суда эффективности религиоведческого исследования как ключевого доказательства при разрешении уголовного дела. Такая точка зрения отражена в научном труде В. И. Крусса и Г. Д. Борисова, которые отмечают, что практика решения уголовных дел, связанных с религиозным экстремизмом, «представлена часто делами, для разрешения которых подлинно религиоведческая экспертиза видится скорее элементом избыточным и непрофильным» [4, с. 449].

Качественное производство определенного исследования, от которого будет зависеть доказательственная база по конкретному уголовному делу, обуславливается корректностью правильно подобранного рода (вида) на этапе назначения судебной экспертизы. С точки зрения Т. Н. Касьянюк и Ю. В. Демидченко, выбор рода (вида) назначаемой экспертизы зависит от типа информации, представленной для производства заключения эксперта. Так, при наличии в материалах уголовного дела вербальной и невербальной информации объективным будет считаться назначение комплексной психолого-лингвистической экспертизы. В случае наличия исключительно или вербальной, или невербальной информации следует назначать однородную лингвистическую либо психологическую экспертизу. При необходимости оценки текстов, содержащих религиозный либо философско-религиозный компонент, объективным является назначение судебно-религиоведческой экспертизы в качестве первичной [5, с. 134].

Рассмотренная выше позиция авторов видится справедливой и выражается в обширной практике назначения судебных экспертиз при расследовании преступлений, посягающих на религиозные отношения. Но следует отметить, что при наличии в материалах уголовного дела вербальной и невербальной информации, а также если в них усматриваются признаки религиозного кон-

тента, объективным будет назначение комплексной психолого-лингво-религиоведческой экспертизы. Как показывает практика, ввиду специфики такой области научного познания, как религиоведение, инициаторы назначения судебной экспертизы испытывают трудности с первичным определением религиозного объекта исследования. Такие трудности находят свое решение в распространенной практике применения консультационной помощи специалиста.

Ч. Н. Назаркулова в монографии выделяет одну из актуальных проблем – производство судебной религиоведческой экспертизы и отмечает, что сегодня не существует отдельного рода (вида) судебной религиоведческой экспертизы, поскольку она относится к условной группе социогуманитарных экспертиз. Подобная формулировка является общей и не может обозначать весь круг проблем рассматриваемой экспертизы, который подлежит изучению. По мнению юриста, «было бы целесообразней, если бы судебно-религиоведческая экспертиза проводилась в государственных судебно-экспертных учреждениях, это решило бы проблемы, связанные с квалификацией и аттестацией экспертов» [6, с. 161].

Таким образом, проанализированные автором особенности расследования преступлений, совершенных по ст. 136, 148, 205, 205.1, 205.2, 239, 280, 280.1, 282, 282.1, 282.2 УК РФ, позволяют отметить, что судебная религиоведческая экспертиза действительно является эффективным инструментом доказывания совершения преступлений, связанных с религиозным экстремизмом и (или) терроризмом и совершенных по мотиву религиозной ненависти или вражды. Но, несмотря на это, данный род (вид) судебных экспертиз характеризуется наличием ряда проблем: недостаточностью методологического обеспечения, неопределенностью способов оценивания объектов, отсутствием единых квалификационных требований к экспертам-религиоведам, невозможностью его производства в государственных судебно-экспертных учреждениях. Имеющиеся теоретические разработки и складывающаяся практика производства судебных религиоведческих экспертиз создают условия для дальнейшего развития данного рода (вида) исследований.

Список источников

1. Судебная экспертиза в гражданских процессах: науч.-практ. пособие / Е. Р. Россинская, Е. Х. Баринев, А. Ю. Бутырин [и др.]. Москва: Проспект, 2018. 466 с.
2. Загребина И. В., Пчелинцев А. В., Элбакян Е. С. Религиоведческая экспертиза: учеб. для вузов. Москва: Юрайт, 2021. 449 с.
3. Лебедев В. Ю., Прилуцкий А. М. К вопросу о методологическом обеспечении религиоведческой экспертизы // Вестник ТвГУ. 2020. № 2 (52). С. 109–116.
4. Крусс В. И. Религиоведческая экспертиза: конституционное назначение и критерии оценки // Юридическая техника. 2022. № 16. С. 448–458.
5. Касьянюк Т. Н., Демидченко Ю. В. Экспертиза информационных материалов по делам экстремистской и террористической направленности: методический аспект вопроса // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2022. Т. 9, № 4. С. 130–134.

6. Назаркулова Ч. Н. Использование специальных знаний при расследовании преступлений, совершенных по мотиву национальной, расовой, религиозной или межрегиональной ненависти или вражды: дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2017. 215 с.

7. Куркин П. Г., Гладких И. Н. Основные этапы назначения и производства судебных экспертиз // Закон и право. 2022. № 8. С. 176–178.

References

1. Rossinskaya E. R., Barinov E. Kh., Butyrin A. Yu. (et al.). Forensic examination in civil processes. Scientific and practical manual. Moscow: Prospect; 2018: 466. (In Russ.).

2. Zagrebina I. V., Pchelintsev A. V., Elbakyan E. S. Religious studies expertise. Textbook for universities. Moscow: Yurait; 2021: 449. (In Russ.).

3. Lebedev V. Yu. On the issue of methodological support of religious studies expertise. Bulletin of TvSU, 109–116, 2020. (In Russ.).

4. Kruss V. I. Religious studies expertise: constitutional appointment and evaluation criteria. Legal technique, 448–458, 2022. (In Russ.).

5. Kasyanyuk T. N. Examination of information materials on cases of extremist and terrorist orientation: methodological aspect of the issue. Bulletin of the faculty of law of the Southern Federal University, 130–134, 2022. (In Russ.).

6. Nazarkulova Ch. N. The use of special knowledge in the investigation of crimes committed on the motive of national, racial, religious or interregional hatred or enmity. Dissertation of candidate of juridical sciences. Saint Petersburg; 2017: 215. (In Russ.).

7. Kurkin P. G. The main stages of appointment and production of forensic examinations. Law and order, 176–178, 2022. (In Russ.).

Кирушин Кирилл Радикович,

эксперт экспертно-аналитического центра
Набережночелнинского государственного
педагогического университета;
kirya.kirushin@mail.ru

Kirushin Kirill Radikovich,

expert of the expert and analytical center
of the Naberezhnye Chelny State Pedagogical University;
kirya.kirushin@mail.ru

Статья поступила в редакцию 12.03.2024; одобрена после рецензирования 25.03.2024; принята к публикации 16.05.2024.

The article was submitted 12.03.2024; approved after reviewing 25.03.2024; accepted for publication 16.05.2024.

* * *

УДК 343.985.7:343.34

**СУДЕБНАЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА,
НАЗНАЧАЕМАЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ
ЗАНЯТИЯ ВЫСШЕГО ПОЛОЖЕНИЯ В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ****Николай Николаевич Ильин**Московская академия Следственного комитета им. А. Я. Сухарева,
Москва, Россия, Nick703@yandex.ru

Аннотация. В 2019 г. в Уголовный кодекс Российской Федерации включена ст. 210.1 «Занятие высшего положения в преступной иерархии». Результаты изучения следственной и судебной практики применения этой статьи, а также научной литературы, посвященной ее анализу, свидетельствуют о том, что разъяснения требуют, прежде всего, вопросы, связанные с определением понятия «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии», а также признаков объективной стороны преступления. При расследовании преступлений, которые выявляются в процессе осуществления оперативно-разыскной деятельности, чаще всего проводятся следственные осмотры, допросы, обыски, выемки, осмотр предметов и документов, действия, направленные на получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами.

Вместе с тем в ходе научно-исследовательской работы в Московской академии Следственного комитета в 2023 г. было установлено, что расследование занятия высшего положения в преступной иерархии также не обходится без использования специальных знаний, основной формой которых является судебная экспертиза. Респонденты указали, что в качестве обязательной для назначения в процессе расследования анализируемых преступлений следует считать судебную криминологическую экспертизу. Автором рассмотрены предмет, объект и задачи судебной криминологической экспертизы применительно к лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии. На основе следственной и экспертной практики выявлены признаки, по которым лицо занимает высшее положение в преступной иерархии. При подготовке настоящей статьи использованы материалы уголовных дел и сведения о расследовании преступлений, предусмотренных ст. 210.1 УК РФ, поступившие из региональных следственных органов Следственного комитета, в том числе результаты опроса их сотрудников в форме анкетирования.

Ключевые слова: занятие высшего положения в преступной иерархии, расследование преступлений, Следственный комитет Российской Федерации, судебная криминологическая экспертиза

Для цитирования: Ильин Н. Н. Судебная криминологическая экспертиза, назначаемая при расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии // Судебная экспертиза. 2024. № 2 (78). С. 92–101.

© Ильин Н. Н., 2024

**FORENSIC CRIMINOLOGICAL EXAMINATION
APPOINTED IN THE INVESTIGATION
OF THE OCCUPATION OF THE HIGHEST POSITION
IN THE CRIMINAL HIERARCHY**

Nikolay Nikolaevich Ilyin

Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee,
Moscow, Russia, Nick703@yandex.ru

Abstract. In 2019 Art. 210.1 "Occupation of the highest position in the criminal hierarchy" was included in the Criminal Code of the Russian Federation. The results of the study of investigative and judicial application of Art. 210.1 of the Criminal Code of Russia, as well as the scientific literature devoted to the analysis of this article, indicate that clarification requires, first of all, issues related to the definition of the concept of a person occupying the highest position in the criminal hierarchy, in addition to the signs of the objective side of the crime. In investigating the crimes under consideration, which are revealed in the process of carrying out operational-search activities, investigative inspections, interrogations, searches, seizures, inspection of objects and documents, action to obtaining information about connections between subscribers and (or) subscriber devices are most often carried out.

At the same time, in the course of research work at the Moscow academy of the Investigative Committee in 2023, it was established that an investigation into the occupation of the highest position in the criminal hierarchy is also not complete without the use of special knowledge, the main form of which is forensic examination. Respondents indicated that judicial criminological expertise should be considered mandatory for appointment during the investigation of analyzed crimes. The author considered the subject, object and tasks of forensic criminological examination in relation to persons occupying the highest position in the criminal hierarchy. Based on investigative and expert practice, identified signs that a person occupies the highest position in the criminal hierarchy. When preparing this article, the materials of criminal cases and information relating to the investigation of crimes under Art. 210.1 of the Criminal Code of Russia received from the regional investigative bodies of the Investigative Committee of the Russian Federation, including the results of a survey of their employees in the form of a questionnaire.

Keywords: occupying the highest position in the criminal hierarchy, crime investigation, Investigative Committee of the Russian Federation, forensic criminological examination

For citation: Ilyin N. N. Forensic criminological examination appointed in the investigation of the occupation of the highest position in the criminal hierarchy. Forensic Examination, 92–101, 2024. (In Russ.).

Федеральным законом от 1 апреля 2019 г. № 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности» в УК РФ включена ст. 210.1 «Занятие высшего положения в преступной иерархии». Согласно пояснительной записке к проекту данного федерального закона

необходимость его принятия обусловлена тем, что «наиболее опасные и тяжкие преступления совершаются организованными преступными сообществами... Однако благодаря своему положению в преступной иерархии лидеры преступных сообществ (преступных организаций), как правило, уходят от уголовной ответственности»¹.

Анализ правоприменительной практики позволил сделать вывод о том, что законодательная неопределенность в терминологии не препятствует успешному применению ст. 210.1 УК РФ. Научные публикации, как пишет Е. В. Санькова, «посвящены преимущественно рассмотрению вопросов привлечения к ответственности исключительно лиц, занимающих высшее положение в так называемой воровской или принятой в среде осужденных иерархии. <...> случаи возбуждения уголовных дел по ст. 210.1 УК РФ в отношении лиц с каким-либо статусом, помимо воров в законе, положенцев и смотрящих, не встречались» [1, с. 172].

В соответствии с п. 24 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» при решении вопроса о субъекте преступления, указанного в ч. 4 ст. 210 УК РФ, «судам надлежит устанавливать занимаемое этим лицом положение в преступной иерархии, в чем конкретно выразились действия такого лица по созданию или по руководству преступным сообществом (преступной организацией) либо по координации преступных действий, созданию устойчивых связей между различными самостоятельно действующими организованными группами либо по разделу сфер преступного влияния и преступных доходов, а также другие преступные действия, свидетельствующие о его авторитете и лидерстве в преступном сообществе (преступной организации). О лидерстве такого лица в преступной иерархии может свидетельствовать и наличие связей с экстремистскими и (или) террористическими организациями или коррупционными связями и т. п. В приговоре необходимо указать, на основании каких из названных признаков суд пришел к выводу о наличии в действиях лица состава преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 210 УК РФ».

Следует согласиться с мнением Е. В. Саньковой о том, что «для отнесения лица к числу занимающих высшее положение в преступной иерархии наименование его статуса не является определяющим. Ключевое значение имеют критерии, связанные с фактическим осуществлением лицом тех или иных функций» [1, с. 174]. Ввиду отсутствия нормативного закрепления понятия указанного субъекта преступления следователь и суд самостоятельно вряд ли смогут установить признаки, по которым лицо занимает высшее положение в преступной иерархии. В данном случае, как представляется, и возникает необходимость в применении специальных знаний, с помощью которых такие признаки могут быть выявлены.

Согласно результатам проведенного нами в 2023 г. опроса в рамках научно-исследовательской работы [2] сотрудники следственных органов указали

¹ Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/645492-7> (дата обращения: 25.01.2024).

следующие судебные экспертизы в качестве обязательных для назначения в процессе расследования данных преступлений:

- культурологические;
- лингвистические;
- портретные;
- психолого-психиатрические;
- фоноскопические (фонографические);
- комплексные судебные экспертизы с привлечением экспертов, имеющих специальные знания из вышеперечисленных судебных экспертиз.

Наряду с указанными судебными экспертизами следователи отметили важность и обязательность назначения и производства судебной криминологической экспертизы.

Криминологическую экспертизу некоторые ученые рассматривают «как разновидность прогнозирования последствий принятия нормативного правового акта, однако с более узким предметом. Криминологическая экспертиза имеет своей целью выявление тех негативных последствий для всех социальных систем, которые могут наступить при внешнем достижении позитивных последствий... Криминологическая экспертиза должна выявить те негативные факторы и связи, способствующие увеличению роста преступности либо правонарушений, которые возникнут либо будут усилены после введения акта в действие» [3, с. 157].

Другие ученые считают, что «в ходе судебной криминологической экспертизы производится оценка объекта экспертизы (конкретного лица) на основании его деятельности для отнесения его к определенному положению в преступной иерархии» [4, с. 141]. В данном случае стоит согласиться с мнением о том, что при производстве судебной криминологической экспертизы решается классификационная задача [4, с. 141], направленная на отнесение конкретного лица к конкретной категории преступников (применительно к теме научной статьи – к определенному статусу в преступной иерархии) на основе выявленных признаков.

Ввиду того что судебная криминологическая экспертиза является несформированным родом судебной экспертизы, представляется, что при ее формировании, когда еще не разработаны методики производства, на начальном этапе научно-методического обеспечения достаточно использовать общие подходы, беря за основу методы или методики из так называемых больших, материнских, наук [5, с. 124].

Как известно, криминология – это наука о преступности, ее причинах, личности преступника, преступном поведении, путях и способах борьбы с преступностью [6, с. 13]. Личность преступника и преступное поведение занимают очень важное место в криминологии. Без знания того, что представляет собой личность преступника, немислим успех в борьбе с преступностью [6, с. 16].

Таким образом, *предметом судебной криминологической экспертизы* (применительно к лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии) является факт занятия конкретным лицом определенного статуса в преступной иерархии, который устанавливается на основе специальных знаний в области криминологии, уголовно-исполнительного права, оперативно-разыскной деятельности. Необходимо отметить, что в качестве экспертов целесообразно

привлекать сотрудников образовательных (научных) организаций, в том числе входящих в структуру правоохранительных органов, имеющих высшее юридическое образование с уголовно-правовой специализацией, а также опыт работы по противодействию организованной преступности либо проводивших научные исследования в данной области (или имеющих соответствующие научные публикации) [7, с. 124]. В качестве *объекта судебной криминологической экспертизы* выступают личность преступника и его преступное поведение (применительно к лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии).

К задачам, решаемым в ходе производства судебной криминологической экспертизы (применительно к лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии), относится установление:

- традиций в преступной среде. Так, члены преступной ячейки имеют свои законы («уклад жизни»), ветви власти, идеологию, значительно отличающуюся от общепринятых человеческих ценностей, которая оправдывает и поощряет преступный образ жизни, разжигает ненависть и вражду к представителям органов государственной власти, лицам (в том числе осужденным), не разделяющим ценности криминальной идеологии. Соблюдение и распространение криминальных традиций препятствуют достижению целей и решению задач, предусмотренных ст. 1 Уголовно-исполнительного кодекса РФ;

- времени (временного промежутка): с какого срока лицо занимает высшее положение в преступной иерархии;

- исполнения лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии, неформальных организационно-распорядительных, нормативно регулирующих и иных функций;

- индивидуальных особенностей положения, занимаемого конкретным лицом в преступной иерархии;

- а также отнесение конкретного лица к определенной группе субъектов в преступной иерархии (вор в законе, «положенец», «смотрящий» и др.) на основе выявленных признаков.

Анализ следственной и экспертной практики, а также ряда научных работ [8; 9] позволил нам выявить признаки, на основании которых лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, может быть отнесено экспертами к данной категории:

- исполнение неформальных организационно-распорядительных функций, выраженных, прежде всего, в назначении других лиц, выполняющих отдельные организационно-управленческие функции на закрепленных за ними объектах или линиях деятельности (например, в исправительной колонии среди осужденных: «смотрящий» за игрой, «смотрящий» за промзоной, «смотрящий» за конкретным отрядом, «смотрящий» за общаком, «смотрящий» за санчастью и др.);

- организация и (или) соблюдение традиций в преступной среде (например, организация и проведение так называемых поминальных дней умерших воров в законе и чествование дней их рождения);

- организация азартных игр с денежными призами, отчисление части призов в общак;

- формирование и распределение общака, отчисление его части воров в законе;

- организация и осуществление физического воздействия в отношении лиц, совершивших не одобряемые в криминальной среде поступки;
- распространение и пропаганда так называемого уклада жизни, т. е. совокупности норм и правил поведения, создаваемых, распространяемых и насаждаемых лицами, пользующимися авторитетом в преступной среде;
- наличие практики использования «прогонов» – обращений в устной или письменной форме, составляемых лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии, адресованных неопределенному кругу ее членов;
- организация деятельности, связанной с изготовлением и распространением символики и атрибутики, определяющих принадлежность к преступной группе;
- наличие на теле символики и атрибутики преступной группы;
- использование прозвища.

Данные признаки выявляются при изучении представляемых на экспертизу материалов уголовного дела, включая в обязательном порядке протоколы допросов, осмотров предметов и документов, результаты оперативно-разыскных мероприятий, фото- и видеоизображения, фонограммы, а также иные предметы и документы. Принципиально важным для установления факта занятия лицом высшего положения в преступной иерархии все респонденты указали содержание протоколов допросов, в частности:

- «свидетелей из числа лиц, входящих в преступную иерархию, в том числе участвовавших в процедуре наделения лица высшим положением в ней (присутствующих при этом), обращавшихся к обвиняемому для разрешения каких-либо спорных или конфликтных ситуаций; лиц, чье положение в преступной иерархии изменено по решению обвиняемого; участвующих в формировании и расходовании средств „общака“ и т. п.;
- специалистов, обладающих специальными знаниями в области криминологии, уголовно-исполнительного права, оперативно-разыскной деятельности» [2, с. 23].

Приведем пример, когда с помощью судебной криминологической экспертизы были успешно решены указанные выше экспертные задачи, что стало одним из основных доказательств по уголовному делу о преступлении, предусмотренном ст. 210.1 УК РФ.

В соответствии с заключением эксперта по результатам проведенной комиссионной судебной криминологической экспертизы следует, что К. по прозвищу <...> в период с 2000-х гг., в том числе с 1 апреля 2019 г., по настоящее время занимает высшее положение в преступной иерархии социальной группы лиц криминальной направленности, существующей на территории <...> (указан субъект). Согласно неформальной классификации функциональных позиций в криминальных субкультурах К. имеет неформальный статус «положенца». Вместе с тем положение в криминальной среде, занимаемое К., является нехарактерным для преступной иерархии и обладает индивидуальными особенностями. Как правило, «положенец» назначается каким-либо так называемым вором в законе (иногда несколькими) и поддерживает отношения только с назначившим его лицом. К. имеет обширные знакомства среди воров в законе, поддерживает дружеские отношения со многими из них.

Статус К. значительно выше обычного «положения» и не имеет самостоятельного названия в преступной иерархии. Учитывая связи с ворами в законе

и неоднократные им назначения «смотрящих», в том числе и на занимаемые им «должности» (например, «смотрящий» за <...> (указан субъект)), К. является «положенцем», действующим от лица ряда так называемых воров в законе и занимающим высшее положение в преступной иерархии <...> (указан субъект).

Высшее положение К. в преступной иерархии выражается в исполнении им неформальных организационно-распорядительных, нормативно регулирующих и дисциплинарных функций:

1) назначение ряда лиц ответственными за определенные объекты или линии («смотрящими» за городами, исправительными учреждениями и следственными изоляторами);

2) высказывания о необходимости придерживаться воровского уклада, единства всех арестантов, распространение воровских традиций (например, организация и проведение так называемых поминальных дней умерших воров в законе);

3) организация и контроль за сбором денежных средств, поступающих в «общак», а также организация азартных игр с денежными призами, часть которых направляется в «общак» или воров в законе;

4) дача указаний об определении неформальных социальных статусов осужденных в местах лишения свободы, о порядке действий лиц криминальной направленности, находящихся в местах лишения свободы, в некоторых ситуациях исполнение функций «судьи» при конфликтах среди лиц криминальной направленности, происходящих на территории <...> (указан субъект)¹.

Таким образом, экспертами был сделан вывод о том, что в представленных материалах содержатся сведения об осуществлении К. неформальных организационно-распорядительных функций в преступной иерархии, существующей на территории <...> (указан субъект), выраженных в наделении ряда лиц неформальными организационно-властными полномочиями и возложении на них неформального контроля за отдельными городами <...> (указан субъект).

Перечень экспертных задач может быть расширен по мере развития судебной криминологической экспертизы.

Мы полагаем, что в тех случаях, когда установление признаков лица, по которым оно может быть отнесено к категории лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, сопряжено с исследованием продуктов речевой деятельности на предмет их смыслового содержания и психологической направленности, необходимо назначать комплексную судебную экспертизу с привлечением экспертов, обладающих специальными знаниями в области лингвистики и психологии.

Так, согласно заключению комплексной судебной психолого-лингвистической и криминологической экспертизы, эксперты пришли к выводам, что в тексте представленных на экспертизу документов:

1) используются аббревиатура АУЕ и понятие «арестантский уклад»;

2) содержатся признаки, свидетельствующие о сборе и расходовании так называемого общака, а также проведении заочных периодических поздравлений и поминовений воров в законе, что характерно для криминальной субкультуры и ячеек движения «АУЕ», действующих в пенитенциарных учреждениях;

¹ См.: Архив уголовных дел о преступлениях, расследованных Следственным комитетом Российской Федерации.

3) представлены сведения о двух социальных группах на территории исправительного учреждения: сотрудниках и осужденных, в том числе представителей криминальной субкультуры. В рамках второй группы существует принципиальное разделение на «черных», непосредственно представителей субкультуры АУЕ, и «красных», сторонников соблюдения норм и правил исправительного учреждения, сотрудничающих с администрацией. Данные подгруппы противопоставлены по ценностям и интересам, что может приводить к конфликтам внутри социальной группы осужденных;

4) присутствуют признаки возбуждения вражды и ненависти в зависимости от принадлежности к социальной группе. В представленных на экспертизу видеogramмах и стенограммах к ним содержатся признаки возбуждения вражды и ненависти к социальной подгруппе «красные», а также призывы применения в отношении их физического и психологического насилия¹.

Рассмотренные вопросы судебной криминологической экспертизы при расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии, как представляется, создают возможности для совершенствования методики расследования таких преступлений в целом, а также определяют дальнейшее развитие теоретического и методического обеспечения судебной криминологической экспертизы.

Список источников

1. Санькова Е. В. Определение круга возможных субъектов преступления, предусмотренного ст. 210.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Актуальные вопросы теории и практики привлечения к уголовной ответственности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии: сб. тр. межведомств. науч.-практ. конф. / под науч. ред. А. В. Парфенова, Г. Г. Саркисяна. Москва: Акад. управления МВД России, 2023. С. 171–175.

2. Ильин Н. Н., Санькова Е. В. Практика привлечения к уголовной ответственности лиц за совершение преступлений, предусмотренных ст. 210.1 УК РФ (по материалам следственной практики следственных органов Следственного комитета Российской Федерации) / под ред. Н. Н. Ильина. Москва: Моск. акад. Следств. ком., 2023. 85 с.

3. Калинин С. А. О некоторых методологических проблемах криминологической экспертизы // Проблемы совершенствования правовых средств и механизмов противодействия преступности в современном обществе: материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 13–14 окт. 2006 г. / редкол.: А. В. Барков (отв. ред.) [и др.]. Минск: БГУ, 2007. С. 156–158.

4. Седнев В. В. Судебная криминологическая экспертиза: экспертологический аспект // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 3 (38). С. 138–142.

5. Россинская Е. Р., Галяшина Е. И., Зинин А. М. Теория судебной экспертизы (судебная экспертология): учебник / под ред. Е. Р. Россинской. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма, 2017. 368 с.

¹ См.: Архив уголовных дел о преступлениях, расследованных Следственным комитетом Российской Федерации.

6. Антонян Ю. М. Криминология: учеб. для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2024. 388 с.

7. Кукарцев В. Н. К вопросу об использовании специальных познаний при раскрытии и расследовании преступлений, предусмотренных ст. 210.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Актуальные вопросы теории и практики привлечения к уголовной ответственности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии: сб. тр. межведомств. науч.-практ. конф. / под науч. ред. А. В. Парфенова, Г. Г. Саркисяна. Москва: Акад. управления МВД России, 2023. С. 123–125.

8. Агарков А. В., Шиков А. А. Оперативно-розыскное документирование деятельности лидеров уголовной среды и членов экстремистской организации «АУЕ» // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 1 (57). С. 77–86.

9. Алехин Е. В. Установление факта занятия лицом высшего положения в преступной иерархии // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2021. № 2 (28). С. 92–96.

References

1. Sankova E. V. Determination of the range of possible subjects of the crime under Art. 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. In: Actual issues of the theory and practice of bringing to criminal responsibility persons occupying the highest position in the criminal hierarchy: collection of works of an interdepartmental scientific and practical conference. Ed. by A. V. Parfenova, G. G. Sarkisyan. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2023: 171–175. (In Russ.).

2. Ilyin N. N., Sankova E. V. Practice of bringing persons to criminal responsibility for committing crimes under Art. 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation (based on the materials of the investigative practice of the Investigative Committee of the Russian Federation). Ed. by N. N. Ilyin. Moscow: Moscow Academy of the Investigative Committee; 2023: 85. (In Russ.).

3. Kalinin S. A. On some methodological problems of criminological expertise. In: Problems of improving legal means and mechanisms for combating crime in modern society: materials of international scientific-practical. conf., Minsk, 13–14 October 2006. Ed. by A. V. Barkov (ref. ed.) (et al.). Minsk: BSU; 2007: 156–158. (In Russ.).

4. Sednev V. V. Forensic criminological expertise: expert aspect. Law and order: history, theory, practice, 138–142, 2023. (In Russ.).

5. Rossinskaya E. R., Galyashina E. I., Zinin A. M. Forensic theory (forensic expertise). Textbook. Ed. by E. R. Rossinskaya. 2nd ed., rev. and add. Moscow: Norma; 2017: 368. (In Russ.).

6. Antonyan Yu. M. Criminology. Textbook for universities. 3rd ed., rev. and add. Moscow: Yurait; 2024: 388. (In Russ.).

7. Kukartsev V. N. On the use of special knowledge in the disclosure and investigation of crimes under Art. 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. In: Actual issues of the theory and practice of bringing to criminal responsibility persons occupying the highest position in the criminal hierarchy: collection of works of an interdepartmental scientific and practical conference. Ed. by A. V. Parfenova, G. G. Sarkisyan.

Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2023: 123–125. (In Russ.).

8. Agarkov A. V., Shikov A. A. Operational-search documentation of the activities of leaders of the criminal environment and members of the extremist organization "AUE". Penitentiary science, 77–86, 2022. (In Russ.).

9. Alekhin E. V. Establishing the fact that a person occupies a higher position in the criminal hierarchy. Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 92–96, 2021. (In Russ.).

Ильин Николай Николаевич,

заведующий научно-исследовательским отделом
факультета подготовки научно-педагогических кадров
и организации научно-исследовательской работы
Московской академии Следственного комитета им. А. Я. Сухарева,
кандидат юридических наук, доцент; Nick703@yandex.ru

Ilyin Nikolay Nikolaevich,

head of the research department of the faculty of training
of scientific and pedagogical personnel and organization of research work
of the Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee,
candidate of juridical science, associate professor; Nick703@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 15.02.2024; одобрена после рецензирования 21.02.2024; принята к публикации 16.05.2024.

The article was submitted 15.02.2024; approved after reviewing 21.02.2024; accepted for publication 16.05.2024.

* * *

УДК 343.982.35

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПОВРЕЖДЕНИЙ
ПЛЕНОЧНЫХ МАТЕРИАЛОВ ОДЕЖДЫ (часть 2)****Андрей Владиславович Кочубей**Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС,
Волгоград, Россия, krimtehnika@mail.ru

Аннотация. При проколе пленочного материала формируются все признаки классического разрыва пленки, но с учетом специфики прокола. Линии разрыва расходятся от центра в виде лучей, имеют ярко выраженную извилистость, остаточная деформация достигает максимального значения в точке прокола и уменьшается к краям.

Прокол на искусственной коже происходит по механизму прокола каждого из материалов, входящих в его структуру, но с учетом их взаимного влияния. Никаких отличий или особенностей резаных повреждений на чистых пленочных материалах и искусственной коже нами не выявлено. Так же как и для тканых материалов, разрезы представляют собой щелевидные прямые или кривые линии, при сквозных повреждениях за концевыми участками наблюдаются поверхностные надрезы.

В колото-резаных повреждениях пленочных материалов отображаются признаки прокола и разреза. Колото-резаные повреждения на искусственной коже также воспроизводят признаки колотых и резаных повреждений в их сочетании. Со стороны обуха на тканой основе свободные концы нитей разной длины, утончены, имеют вид «метелочек», волокна в них находятся на разном уровне, нити уплотнены. Разрез представляет собой ровную линию.

Анализ экспериментальных данных по исследованию повреждений пленочных материалов одежды позволил нам предложить методику их криминалистического исследования.

Ключевые слова: колотые повреждения, колото-резаные повреждения, термические повреждения, химические повреждения, диагностические признаки, механизм повреждения

Для цитирования: Кочубей А. В. Криминалистическое исследование повреждений пленочных материалов одежды (часть 2) // Судебная экспертиза. 2024. № 2 (78). С. 102–109.

© Кочубей А. В., 2024

FORENSIC EXAMINATIONS OF THE DAMAGE TO THE FILM MATERIALS OF CLOTHING (part 2)

Andrey Vladislavovich Kochubey

Volgograd Institute of Management of the RANEPa,
Volgograd, Russia, krimtehnika@mail.ru

Abstract. When the film material is punctured, all the signs of a classic film rupture are formed, but taking into account the specifics of the puncture. The rupture lines diverge from the center in the form of rays, have a pronounced tortuosity, the residual deformation reaches a maximum value at the puncture point and decreases towards the edges.

Puncture on artificial leather occurs according to the mechanism of puncture of each of the materials included in its structure, but taking into account their mutual influence. We have not identified any differences or features of cut damage on clean film materials and artificial leather. As well as for woven materials, the incisions are slit-like straight or curved lines, with through damage there are surface incisions behind the end sections.

Puncture and incision signs are displayed in the puncture-cut damages of film materials. Stab-cut injuries on artificial skin also reproduce the signs of stab and cut injuries in their combination. From the side of the butt on a woven basis, the free ends of the threads have different lengths, are thinned, have the appearance of "panicles", the fibers in them are at different levels, the threads are compacted. The incision looks like a straight line.

The analysis of experimental data on the study of damage to the film materials of clothing allowed us to propose a methodology for their forensic investigation.

Keywords: puncture injuries, puncture-cut injuries, thermal damage, chemical damage, diagnostic signs, damage mechanism

For citation: Kochubey A. V. Forensic examinations of the damage to the film materials of clothing (part 2). Forensic Examination, 102–109, 2024. (In Russ.).

Помимо разрывов пленочных материалов одежды, рассмотренных в предыдущей публикации, им присущи и все остальные виды повреждений. Особенности строения пленочных материалов, определяющие их физико-механические характеристики, обуславливают и особенности морфологии повреждений.

Колотые повреждения. Морфология прокола пленочного материала зависит от двух факторов: остроты орудия и эластичности пленкообразующего полимера.

При проколе острозаточенным орудием в точке прокола образуется отверстие не только без необратимой, но и без пластической деформации. После удаления орудия края повреждения полностью совмещаются.

При движении орудия после прокола далее в материал края отверстия расширяются в результате его разрыва. Если орудие имеет круглое поперечное сечение, то разрыв происходит по линиям с пониженной, по сравнению с усредненной, прочностью (рис. 1) без подчинения каким-либо закономерностям. При этом формируются все признаки разрыва пленки, но с учетом специфики прокола. Линии разрыва расходятся от центра, как правило, двумя лучами, имеют ярко

выраженную извилистость, остаточная деформация достигает максимального значения в точке прокола и уменьшается к краям, так как на центральную зону оказывается самое большое растягивающее воздействие орудия. Описанная морфология характерна и для эллипсовидного орудия.

а

б

Рис. 1. Прокол пленочного материала цилиндрическим орудием:
а – отверстие на пленочном материале от прокола; б – цилиндрическое орудие

В случае пирамидального орудия (поперечное сечение отлично от круглого или эллипсовидного) разрыв пленки после прокола формируется в виде лучей, направленных по линиям граней орудия, исходящим от центра (рис. 2).

а

б

Рис. 2. Прокол пленочного материала пирамидальным орудием:
а – отверстие на пленочном материале от прокола; б – пирамидальное орудие

При наложении краев в обоих случаях наблюдается «плюс» материала, но их морфология различна. Для цилиндрического орудия – хаотично расходящиеся от центра линии, для пирамидального – достаточно прямые лучи, количество которых соответствует количеству граней орудия.

При разведении материала по линиям разрыва образуется отверстие, форма которого воспроизводит форму пирамидального орудия и частично цилиндрического. За счет наличия необратимой деформации размер отверстий в обоих случаях несколько меньше величины поперечного сечения орудия, что позволяет при исследовании колотых повреждений пленочных материалов решить диагностические задачи, связанные с установлением видовой принадлежности орудия. Решить идентификационные задачи, по нашему мнению, в данном случае воз-

можно в очень редких случаях, так как в связи с высокой эластичностью пленочных материалов динамические следы от неровностей на поверхности орудия обычно не отображаются.

Прокол на искусственной коже происходит по механизму прокола каждого из материалов, входящих в его структуру, но с учетом их взаимного влияния.

Для тканой основы характерно следующее: свободные концы нитей в повреждении разной длины, они обладают всеми признаками разрыва: утончены, имеют вид «метелочек», волокна в них находятся на разном уровне. В меньшей степени, при сравнении с проколом на «чистой» ткани, выражено уплотнение нитей, так как этому процессу препятствует пленочный слой. Он растягивается при расширении отверстия от входящего орудия, но после его удаления в некоторой степени сжимается за счет пластической деформации (рис. 3).

Разрыв материала происходит по линиям утка и основы вне зависимости от формы (цилиндрической или пирамидальной) колющего орудия.

Рис. 3. Прокол на искусственной коже на тканой основе:
а – изнаночная сторона; б – орудие повреждения

Резанные повреждения. С точки зрения криминалистического исследования резанные повреждения наиболее просты, так как признаки разреза достаточно характерны (рис. 4). Никаких отличий или особенностей резанных повреждений на чистых пленочных материалах и искусственной коже нами не выявлено. Так же как и для тканых материалов, разрезы представляют собой щелевидные прямые или кривые линии, при сквозных повреждениях за концевыми участками имеются поверхностные надрезы.

На искусственной коже разрезы от острозаточенного орудия образуются при пересечении нити утка и основы в любом направлении, концы нитей на тканом слое острые, их края ровные, свободные концы нитей не утончены, а в краях одинаковы и находятся на одном уровне. При сложении краев разреза на пленочных материалах и искусственной коже признак «минус» или «плюс» ткани отсутствует [1].

Если лезвие режущего орудия затуплено, то в разрезе реализуются признаки и разрыва, и разреза, впрочем, как и для любых других текстильных материалов, имеются участки с ровными краями, характерными для разреза, и деформированные, формирующиеся при разрыве, но величина остаточной деформации на этих участках значительно меньше деформации при чистом разрыве.

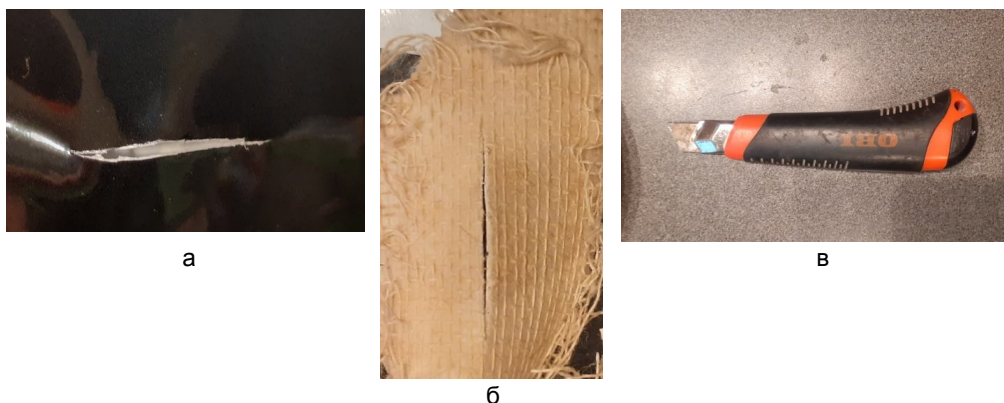

Рис. 4. Разрез пленочного материала:

а – разрез на пленке; б – разрез на искусственной коже; в – режущее орудие

Колото-резаные повреждения. В полном соответствии с названием повреждения в нем отображаются признаки прокола и разреза.

Прокалывая пленочный материал, однолезвийные орудия образуют прокол, в котором отображается степень заточки острия. Если проникновение клинка в материал невелико, а носок орудия острый, то в повреждении отображается ровная линия разреза, а с противоположной стороны – округлое окончание. При тупом носке орудия происходит прокол, который сопровождается разрывом в виде растяжения пленочного материала.

По мере внедрения клинка в пленочный материал лезвие разрезает его в одну сторону, а обух рвет с противоположной стороны. Разрезанная часть повреждения приобретает вид ровной (прямой или извилистой) линии с ровными краями. Место вхождения в материал обуха имеет признаки колотого повреждения пирамидальным орудием: остаточная деформация пленки и разрывы в виде лучей, расходящихся на расстояние незначительно меньше толщины клинка, которые характерны как для острозаточенного, так и тупого острия клинка. Для тупого лезвия клинка в линии разреза могут присутствовать признаки разрыва – остаточной деформации полимерного материала по краям повреждения (рис. 5).

Рис. 5. Колото-резаное повреждение на пленочном материале:

а – колото-резаное повреждение; б – колото-режущее орудие с затупленным лезвием клинка

Колото-резаные повреждения на искусственной коже также воспроизводят признаки колотых и резаных повреждений в их сочетании (рис. 6). Со стороны обуха на тканой основе свободные концы нитей разной длины, утончены, имеют

вид «метелочек», волокна в них находятся на разном уровне, нити уплотнены. Разрез представляет собой ровную линию.

На пленочном слое разрез также отображен в виде ровной линии без признаков деформации для острозаточенного лезвия и с незначительными остаточными деформациями для тупого. Окончание следа на пленочном слое со стороны обуха представляет собой два разрыва в виде расходящихся лучей.

а

б

Рис. 6. Колото-резаное повреждение на искусственной коже:

а – повреждение; б – колото-режущее орудие с затупленным лезвием клинка

Термические повреждения. Признаки термических повреждений на пленочных материалах определяются видом полимерных материалов, из которых они изготовлены. В первую очередь это принадлежность полимера к термо- или реактопластам.

Все полимеры, которые используются в изготовлении одежды, относятся к термопластам. Их отличительная особенность заключается в плавлении при воздействии высокой температуры (не выше 200 °С) без изменения химического строения макромолекулы. Изменения происходят только после достижения температуры некоторого критического значения. Такая особенность термопластов приводит к тому, что до достижения этого значения температуры полимер плавится, а после остывания на его поверхности образуются наплывы материала, отличающиеся повышенной прочностью. Его цвет не изменяется или приобретает незначительный желтоватый оттенок (для светлых пленок).

Увеличение прочности связано, как и в случае повреждений в результате разрыва, с надмолекулярной структурой. При воздействии высокой температуры полимер плавится, а в расплаве макромолекулы способны сравнительно свободно перемещаться относительно друг друга и ориентироваться в пространстве в самом выгодном для себя положении. Это приводит к образованию межмолекулярных связей, которые более энергетически выгодны, по сравнению с взаимной ориентацией макромолекул, сформированной при их формовании.

При достижении температуры некоторого критического значения, когда тепловая энергия начинает превышать энергию связей между атомами в макромолекуле, полимер деструктурирует (разлагается). Процесс деструкции может проходить по двум механизмам – с образованием коксового остатка и без такового. В первом случае продукты распада макромолекулы представляют собой низкомолекулярные вещества, которые полностью переходят в газовую фазу, например, полиметилметакрилат. Во втором случае под воздействием высокой температуры продукты распада реагируют между собой с возникновением новых вы-

сокомолекулярных соединений, состоящих преимущественно из углеродных цепочек, формируя коксовый остаток – твердое образование черного цвета.

Все исследованные нами пленочные материалы одежды относятся к термопластам и реагируют на воздействие высокой температуры (выше 250 °С) по описанному механизму. В результате образуется «минус» материала, поверхность пленки по краям повреждения приобретает желтоватый оттенок (рис. 7).

Рис. 7. Морфология термического повреждения пленочного материала

Термические повреждения пленочных материалов при горении не отличаются от повреждений при воздействии высоких температур. Можно отметить, что при горении на поверхности поврежденного участка может наблюдаться окопчение – характерный признак горения.

Искусственная кожа реагирует на высокие температуры в полном соответствии с реакцией на них каждого материала в отдельности, без какого-либо взаимного влияния. Полимерный слой плавится, при охлаждении твердеет, при горении окапчивается.

Признаки термического повреждения тканой основы определяются волокнистым составом нитей, из которых изготовлена ткань. И при температуре, не превышающей 200 °С, и при горении химические волокна могут образовывать оплавления, если волокнообразующий полимер – термопласт, или коксовые остатки, если это реактопласт. Натуральные волокна сгорают с образованием легко разрушающегося коксового слоя.

Химические повреждения. Полимерные материалы достаточно инертны по отношению к воздействию агрессивных химических веществ – кислот и щелочей. При попадании концентрированной серной или азотной кислоты на пленочный материал в отдельных случаях может произойти его пожелтение. Однако наши экспериментальные данные указывают на то, что никаких видимых изменений при этом не наблюдается, не изменяются и физико-механические характеристики материала. Щелочь в любой концентрации не вызывает никаких изменений полимера; так как волокна, в какой-то степени реагирующие на воздействие щелочи, только шерстяные, которые не используются в производстве тканой основы искусственной кожи, то и признаки щелочного воздействия нами не выявлены.

Результаты экспериментальных исследований можно подытожить следующим образом. При проколе пленочного материала формируются все признаки классического разрыва пленки, но с учетом специфики прокола. Линии разрыва расходятся от центра в виде лучей, имеют ярко выраженную извилистость, остаточная деформация достигает максимального значения в точке прокола и уменьшается к краям.

Прокол на искусственной коже происходит по механизму прокола каждого из материалов, входящих в его структуру, но с учетом их взаимного влияния. Никаких отличий или особенностей резаных повреждений на чистых пленочных материалах и искусственной коже нами не выявлено. Так же как и для тканых материалов, разрезы представляют собой щелевидные прямые или кривые линии, при сквозных повреждениях за концевыми участками имеются поверхностные надрезы. В колото-резаных повреждениях пленочных материалов отображаются признаки прокола и разреза. Колото-резаные повреждения на искусственной коже также воспроизводят признаки колотых и резаных повреждений в их сочетании. Со стороны обуха на тканой основе свободные концы нитей отличаются разной длиной, утончены, имеют вид «метелочек», волокна в них находятся на разном уровне, нити уплотнены. Разрез представляет собой ровную линию.

Результаты анализа наших экспериментальных данных по исследованию повреждений пленочных материалов одежды позволяют их использовать при разработке или уточнении методики криминалистического исследования такого рода объектов.

Список источников

1. Тахо-Годи Х. М. Труды по судебной экспертизе: криминалистическое исследование одежды. 2-е изд. Москва: Наука, 2006. 212 с.

References

1. Takho-Godi Kh. M. Forensic work: forensic examination of clothing. 2nd ed. Moscow: Nauka; 2006: 212. (In Russ.).

Кочубей Андрей Владиславович,

доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, кандидат химических наук, доцент;
krimtechnika@mail.ru

Kochubey Andrey Vladislavovich,

associate professor of the department of criminal law, criminal procedure and criminalistics
of the Volgograd Institute of Management of the RANEPa,
candidate of chemical sciences, associate professor;
krimtechnika@mail.ru

Статья поступила в редакцию 19.01.2024; одобрена после рецензирования 06.02.2024; принята к публикации 16.05.2024.

The article was submitted 19.01.2024; approved after reviewing 06.02.2024; accepted for publication 16.05.2024.

* * *

УДК 343.983.2

ВЛИЯНИЕ ДЛИНЫ СТВОЛА НА ОТОБРАЖЕНИЕ СЛЕДОВ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ФАКТОРОВ ВЫСТРЕЛА ПРИ СТРЕЛЬБЕ ПАТРОНОМ 9 × 19 мм

Алексей Николаевич Бардаченко*, Игорь Александрович Чулков**

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия

* bardachenko-alex@rambler.ru, ** chulkov09.02@mail.ru

Аннотация. В последние десятилетия на вооружение силовых структур России поступила большая номенклатура современного огнестрельного оружия под патрон 9 × 19 мм: пистолеты и пистолеты-пулеметы. Кроме того, под патрон 9 × 19 мм стали выпускаться и образцы гражданского охотничьего оружия. Данное оружие, используя один патрон, тем не менее имеет различную длину ствола, что оказывает определенное влияние на особенности проявления дополнительных следов выстрела на поражаемых объектах.

На основе экспериментальной стрельбы из пистолетов ПЯ, пистолета-пулемета ПП-2000 и карабина охотничьего «Сайга 9-02» проведен анализ влияния длины ствола на особенности данных следов на дистанциях от 0 до 200 см. Результаты экспериментальных исследований позволяют составить представление об особенностях следов близкого выстрела при стрельбе из оружия с различной длиной ствола, что, несомненно, окажет существенную помощь при определении дистанции выстрела.

Ключевые слова: следы близкого выстрела, длина ствола, пистолет, пистолет-пулемет, карабин

Для цитирования: Бардаченко А. Н., Чулков И. А. Влияние длины ствола на отображение следов дополнительных факторов выстрела при стрельбе патроном 9 × 19 мм // Судебная экспертиза. 2024. № 2 (78). С. 111–121.

INFLUENCE OF BARREL LENGTH ON DISPLAY OF ADDITIONAL FIRING FACTORS SHOT BY 9 × 19 mm

Alexey Nikolaevich Bardachenko*, Igor Aleksandrovich Chulkov**

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia

* bardachenko-alex@rambler.ru, ** chulkov09.02@mail.ru

Abstract. In recent decades, Russian security agencies have received a large range of modern firearms for 9 × 19 mm cartridge: pistols and submachine guns. In addition, samples of civilian hunting weapons were also produced for 9 × 19 mm ammunition. This weapon, though using a single bullet, has a different barrel length, which has some influence on the features of the occurrence of additional gunshot residue on the targets.

© Бардаченко А. Н., Чулков И. А., 2024

On the basis of experimental firing of pistols PJ, submachine gun PP-2000 and carbine hunting "Saiga 9-02" analysis of influence of barrel length on the features of these trails at distances from 0 to 200 cm was conducted. The results of the experimental studies carried out give some idea of the features of close-fire marks in the firing of weapons with different barrel lengths, which will undoubtedly help greatly in determining the range of the shot.

Keywords: close-fire marks, barrel length, pistol, submachine gun, carbine

For citation: Bardachenko A. N., Chulkov I. A. Influence of barrel length on display of additional firing factors shot by 9 × 19 mm. Forensic Examination, 111–121, 2024. (In Russ.).

Влиянию влажности, температуры окружающей среды, материала поражаемых объектов на отложение продуктов выстрела в криминалистической и судебно-медицинской литературе в той или иной степени уделялось внимание. Авторами также исследовалось влияние длины ствола автоматов Калашникова при стрельбе патронами 5,45 × 39 мм и 7,62 × 39 мм [1; 2].

В последние годы в России произведено значительное количество боевого, охотничьего и спортивного оружия, предназначенного для стрельбы патронами 9 × 19 мм, однако влияние длины ствола на особенности морфологии дополнительных следов при стрельбе патроном 9 × 19 мм до сих пор не было изучено, что в ряде случаев может негативно сказаться на результатах экспертного исследования и не позволит объективно оценивать данные следы при проведении экспертных исследований.

Авторами были определены следующие цели научного исследования:

- изучить следы дополнительных факторов выстрела при стрельбе патроном 9 × 19 мм из оружия с различной длиной ствола;
- провести сравнительный анализ отложений копоти, зерен пороха и металла оболочки пули при стрельбе из оружия с различной длиной ствола на одинаковых дистанциях в целях определения их характерных морфологических особенностей.

Для решения поставленных задач потребовалось осуществить экспериментальное исследование и сравнительный анализ полученных результатов экспериментов. Экспериментальная стрельба производилась из пистолетов ПЯ (длина ствола – 112,8 мм), пистолета-пулемета ПП-2000 (длина ствола – 182 мм) и карабина охотничьего «Сайга 9-02» (длина ствола – 367 мм). Для стрельбы использовались патроны 9 × 19 мм производства АО «Барнаульский патронный завод». Стрельба осуществлялась на дистанциях до 200 см в мишени из белой бязи при температуре окружающей среды 18–20 °С. Результаты данных экспериментов сведены в таблицы 1–3. Отдельные особенности отложений показаны на рисунках 1–4.

Таблица 1

Особенности отложения копоти выстрела

Дистан- ция, см	ПЯ	ПП-2000	«Сайга 9-02»
0	Центральная зона диа- метром 25–30 мм, пери- ферийная – 40–50 мм	Центральная зона диаметром 15–20 мм; в периферийной зоне просматриваются 6 каплевидных лучей длиной 25–30 мм	Центральная зона диа- метром 20–25 мм; наблю- даются незавершенное кольцо и дуги
1	Центральная зона диа- метром 30–37 мм, пери- ферийная – 55–65 мм; наблюдаются незамкну- тый овал и дуги	Центральная зона диаметром 40–45 мм; в периферийной зоне просматриваются 6 каплевидных лучей длиной до 105 мм	Центральная зона диа- метром 25–30 мм; наблю- даются ломаное кольцо и дуги
3	Центральная зона диа- метром 60–70 мм, пери- ферийная – 80–100 мм; наблюдается кольцо или дуги	Центральная зона диаметром 50–60 мм; просматриваются 6 каплевидных лучей длиной до 145 мм	Центральная зона диа- метром 35–45 мм; наблю- даются дуги и незамк- нутое кольцо диаметром по внешнему краю 70–80 мм
5	Центральная зона диа- метром 70–75 мм, пери- ферийная – 130–150 мм; наблюдаются многочис- ленные радиальные лучи и кольцо на расстоя- нии 70–80 мм от центра повреждения	Центральная зона диаметром 45–50 мм; просматриваются сла- бовыраженный четы- рехугольник с закруг- ленными углами и 6 каплевидных лучей длиной до 150 мм	Центральная зона оваль- ной формы с ломаными краями, размеры: 35 ... 40 × 45 ... 50 мм; наблюдаются дуги и незамкнутый овал размером 65 ... 70 × 75 ... 85 мм
7	Центральная зона диа- метром 80–90 мм, пери- ферийная – 150–155 мм; на расстоянии 25–35 мм от центра повреждения наблюдается кольцо с многочисленными ради- альными лучами; второе слабовыраженное незамкнутое кольцо – на расстоянии 75–85 мм от центра повреждения	Центральная зона диаметром 40–45 мм; просматриваются сла- бовыраженный четырех- угольник с закругленны- ми углами и 6 слабовы- раженных каплевидных лучей длиной до 170 мм	Центральная зона овальная с ломаными краями, размеры 35 ... 40 × 45 ... 50 мм; наблюдаются дуги и незамкнутый овал размером 60 ... 70 × 75 ... 80 мм

Окончание таблицы 1

Дистан- ция, см	ПЯ	ПП-2000	«Сайга 9-02»
10	Центральная зона диа- метром 40–45 мм, пери- ферийная – 135–140 мм; просматриваются лома- ный овал и отдельные дуги	Центральная зона диаметром 40–45 мм; просматривается слабо- выраженный четырех- угольник с закругленны- ми углами	Центральная зона с раз- мытыми краями разме- ром 40 × 50 мм; наблю- даются дуги
15	Центральная зона диа- метром 40–45 мм, пери- ферийная – 110–120 мм; на расстоянии 45–60 мм от центра повреждения просматриваются кольцо и отдельные дуги	Зоны не разделены, просматриваются сла- бовыраженное кольцо и его фрагменты	Зоны не разделены, наблюдаются дуги
20	Центральная зона диа- метром 35–40 мм, пери- ферийная – 100–120 мм; на расстоянии 50–60 мм от центра повреждения просматривается кольцо	Отложение облачного характера	Отложение облачного характера
25	Зоны не разделены, в отложении наблюда- ются отдельные дуги	Отложение облачного характера	Отложение облачного характера
30	Отложение облачного характера	Отложение слабовыра- женное	Отложение слабовыра- женное
35	Отложение облачного характера	Наблюдается в отдель- ных случаях	Отложение крайне слабо- выраженное
40–45	Наблюдается в отдель- ных случаях	Отсутствует	Отсутствует
50	Отсутствует	–	–

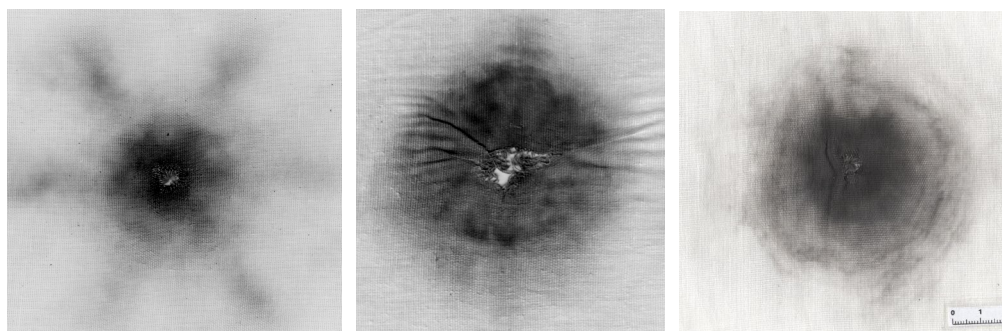

Рис. 1. Отложения копоти при выстреле на дистанции 3 см
из пистолета ПЯ, пистолета-пулемета ПП-2000 и карабина «Сайга 9-02» (слева направо)

Таблица 2

Особенности отложения зерен пороха

Дистан- ция, см	ПЯ	ПП-2000	«Сайга 9-02»
0–1	Единичные	Единичные	Единичные
3	Количество незначительное	Количество незначительное	Единичные
5	Основная масса – осыпь диаметром 30–35 мм	Основная масса – осыпь	Единичные
7	Основная масса – плотная осыпь диаметром 40–55 мм	Основная масса – плотная осыпь диаметром 25–30 мм	Единичные
10	Основная масса – плотная осыпь диаме- тром 45–55 мм	Основная масса – плотная осыпь диаметром 25–30 мм	Количество незначительное
15	Основная масса – плот- ная осыпь диаметром 50–70 мм	Основная масса – плотная осыпь диаметром 25–45 мм	Основная масса – разреженная осыпь
20	Основная масса – плотная осыпь диаметром 60–75 мм	Основная масса – плотная осыпь диаметром 40–50 мм	Основная масса – плотная осыпь диаметром 50–55 мм
25	Основная масса – плотная осыпь диаметром 80–95 мм	Основная масса – плотная осыпь диаметром 55–60 мм	Основная масса – плотная осыпь диаметром 55–60 мм
30	Основная масса – плотная осыпь диаметром 90–95 мм	Основная масса – плотная осыпь диаметром 55–65 мм	Основная масса – плотная осыпь диаметром 60–65 мм
35	Основная масса – осыпь диаметром 90–100 мм	Основная масса – плотная осыпь диаметром 60–65 мм	Основная масса – плотная осыпь диаметром 60–65 мм
40	Основная масса – разреженная осыпь диаметром 105–115 мм	Основная масса – плотная осыпь диаметром 60–70 мм	Основная масса – плотная осыпь диаметром 65–70 мм
45	Основная масса – разреженная осыпь диаметром 110–120 мм	Основная масса – осыпь диаметром 65–70 мм	Основная масса – плотная осыпь диаметром 70–80 мм
50	Основная масса – разреженная осыпь диаметром 115–125 мм	Основная масса – осыпь диаметром 80–90 мм	Основная масса – разреженная осыпь диаметром 80–95 мм
60	Основная масса – разреженная осыпь диаметром 120–130 мм	Основная масса – разреженная осыпь диаметром 80–90 мм	Основная масса – разреженная осыпь диаметром 80–95 мм
80	Количество незначительное	Количество умеренное	Количество незначительное
90	Количество умеренное	Количество незначи- тельное	Количество умеренное
100–120	Единичные	Количество незначительное	Количество умеренное
130–140	Отсутствуют	Единичные	Единичные
160	–	Отсутствуют	Единичные
200	–	–	Отсутствуют

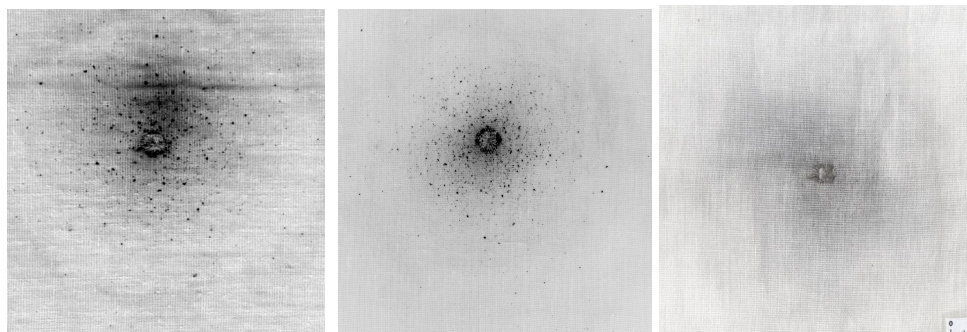

Рис. 2. Отложения копоти и зерен пороха при выстреле на дистанции 20 см из пистолета ПЯ, пистолета-пулемета ПП-2000 и карабина «Сайга 9-02» (слева направо)

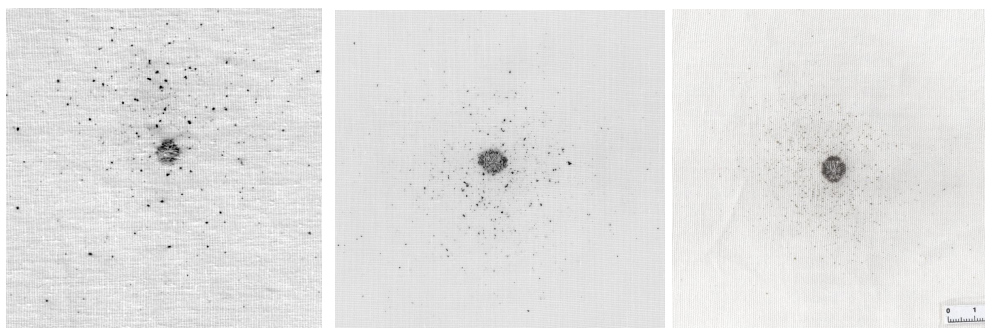

Рис. 3. Отложения зерен пороха при выстреле на дистанции 40 см из пистолета ПЯ, пистолета-пулемета ПП-2000 и карабина «Сайга 9-02» (слева направо)

Таблица 3

Особенности отложения металла оболочки пули

Дистан-ция, см	ПЯ	ПП-2000	«Сайга 9-02»
0	Гомогенное отложение в центральной зоне диаметром 25–30 мм, периферийная зона с размытыми краями; точечные и мелкоочаговые отложения ² в умеренном количестве	ГО в центральной зоне диаметром 20–25 мм; просматриваются 6 радиальных каплевидных лучей длиной до 30 мм; Т- и М-отложения единичные	ГО в центральной зоне диаметром 25–30 мм; просматриваются незамкнутое кольцо и дуги; Т- и М-отложения в незначительном количестве
1	ГО в центральной зоне диаметром 45–60 мм, периферийная зона облачного характера с размытыми краями; Т- и М-отложения в умеренном количестве	ГО в центральной зоне диаметром 20–25 мм; просматриваются дуги и 6 радиальных лучей каплевидной формы длиной до 35 мм; Т- и М-отложения единичные	ГО в центральной зоне диаметром 35–40 мм; просматриваются угловатые дуги; Т- и М-отложения в незначительном количестве

Примечание. См.: [3].

¹ Далее – ГО.

² Далее – Т- и М-отложения.

Продолжение таблицы 3

Дистан- ция, см	ПЯ	ПП-2000	«Сайга 9-02»
3	ГО в центральной зоне диаметром 80–90 мм, периферийная зона облачного характера с размытыми краями; просматриваются 4 сдвоенных радиальных луча; Т- и М-отложения в умеренном количестве	ГО в центральной зоне диаметром 20–30 мм; просматриваются 6 радиальных лучей каплевидной формы длиной до 50 мм; Т- и М-отложения в умеренном количестве	ГО в центральной зоне диаметром 50–55 мм; периферийная зона облачного характера; Т- и М-отложения в умеренном количестве
5	ГО в центральной зоне диаметром 100–110 мм, периферийная зона с размытыми краями; просматриваются фрагменты 4 сдвоенных радиальных лучей; основная масса Т- и М-отложений – осыпь диаметром 45–50 мм	ГО в центральной зоне диаметром 40–45 мм; просматриваются 6 слабовыраженных лучей; Т- и М-отложения в умеренном количестве	Форма ГО в центральной зоне овальная диаметром 50 ... 55 × 60 ... 65 мм; периферийная зона облачного характера; Т- и М-отложения в умеренном количестве
7	Зоны не определяются; просматривается незавершенное кольцо; основная масса Т- и М-отложений – осыпь диаметром 50–65 мм	ГО в центральной зоне диаметром 40–50 мм; просматриваются край-не слабовыраженные отдельные лучи; основная масса Т- и М-отложений – плотная осыпь диаметром 20–35 мм	Форма ГО в центральной зоне овальная диаметром 50 ... 55 × 65 ... 70 мм; периферийная зона облачного характера; Т- и М-отложения в умеренном количестве
10	ГО средней интенсивности; просматривается боковая дуга; основная масса Т- и М-отложений – осыпь диаметром 60–80 мм	ГО в центральной зоне диаметром 45–50 мм; основная масса Т- и М-отложений – осыпь диаметром 25–35 мм	Форма ГО в центральной зоне – овальная с ломаными краями диаметром 40 ... 55 × 40 ... 60 мм; периферийная зона облачного характера; основная масса Т- и М-отложений – осыпь
15	ГО слабой интенсивности; основная масса Т- и М-отложений – осыпь диаметром 75–90 мм	ГО слабой интенсивности; основная масса Т- и М-отложений – осыпь диаметром 40–50 мм	Форма ГО в центральной зоне овальная с ломаными краями диаметром 40 ... 45 × 40 ... 55 мм; периферийная зона облачного характера; основная масса Т- и М-отложений – осыпь диаметром 45–60 мм
20	ГО слабой интенсивности; основная масса Т- и М-отложений – осыпь диаметром 100–120 мм	ГО слабой интенсивности; основная масса Т- и М-отложений – осыпь диаметром 60–80 мм	Форма ГО в центральной зоне овальная с ломаными краями диаметром 40 ... 45 × 40 × 50 мм; периферийная зона облачного характера; основная масса Т- и М-отложений – осыпь диаметром 65–70 мм

Продолжение таблицы 3

Дистан- ция, см	ПЯ	ПП-2000	«Сайга 9-02»
25	ГО слабой интенсивности; основная масса Т- и М-отложений – осыпь диаметром 100–125 мм	ГО крайне слабой интенсивности; основная масса Т- и М-отложений – осыпь диаметром 65–85 мм	Форма ГО в центральной зоне овальная с ломаными краями диаметром 35 ... 40 × 40 ... 45 мм; периферийная зона слабой интенсивности облачного характера; основная масса Т- и М-отложений – осыпь диаметром 65–80 мм
30	ГО слабой интенсивности; основная масса Т- и М-отложений – осыпь диаметром 120–130 мм	ГО крайне слабой интенсивности облачного характера; основная масса Т- и М-отложений – осыпь диаметром 80–100 мм	Зоны не разделены, границы размыты; отложение облачного характера; основная масса Т- и М-отложений – осыпь диаметром 90–95 мм
35	ГО крайне слабой интенсивности островкового характера; основная масса Т- и М-отложений – осыпь диаметром 125–140 мм	ГО крайне слабой интенсивности облачного характера; основная масса Т- и М-отложений – осыпь диаметром 85–105 мм	ГО слабой интенсивности облачного характера; основная масса Т- и М-отложений – осыпь диаметром 100–110 мм
40	Основная масса Т- и М-отложений – осыпь диаметром 130–140 мм	Основная масса Т- и М-отложений – осыпь диаметром 85–110 мм	ГО слабой интенсивности облачного характера; основная масса Т- и М-отложений – осыпь диаметром 110–115 мм
45	Основная масса Т- и М-отложений – осыпь диаметром 130–140 мм	Основная масса Т- и М-отложений – осыпь диаметром 90–110 мм	ГО крайне слабой интенсивности облачного характера; основная масса Т- и М-отложений – плотная осыпь диаметром 95–120 мм
50	Т- и М-отложения в значительном количестве	Основная масса Т- и М-отложений – разреженная осыпь диаметром 95–115 мм	ГО крайне слабой интенсивности облачного характера; основная масса Т- и М-отложений – достаточно плотная осыпь диаметром 115–130 мм
60	Т- и М-отложения в умеренном количестве	Т- и М-отложения в умеренном количестве	Основная масса Т- и М-отложений – плотная осыпь диаметром 115–130 мм
80	Т- и М-отложения в незначительном количестве	Т- и М-отложения в незначительном количестве	Основная масса Т- и М-отложений – осыпь диаметром 135–145 мм
100	Единичные Т- и М-отложения	Незначительное количество Т- и М-отложений	Основная масса Т- и М-отложений – разреженная осыпь

Окончание таблицы 3

Дистан- ция, см	ПЯ	ПП-2000	«Сайга 9-02»
120	Единичные Т- и М-отложения	Незначительное количе- ство Т- и М-отложений	Т- и М-отложения в незна- чительном количестве
130–150	Единичные Т- и М-отложения	Единичные Т- и М-отложения	Т- и М-отложения в незна- чительном количестве
160	Отсутствуют	Единичные Т- и М-отложения	Т- и М-отложения в не- значительном количестве
180	–	Единичные Т- и М- отложения	Т- и М-отложения в незна- чительном количестве
200	–	Отсутствуют	Единичные Т- и М-отложения

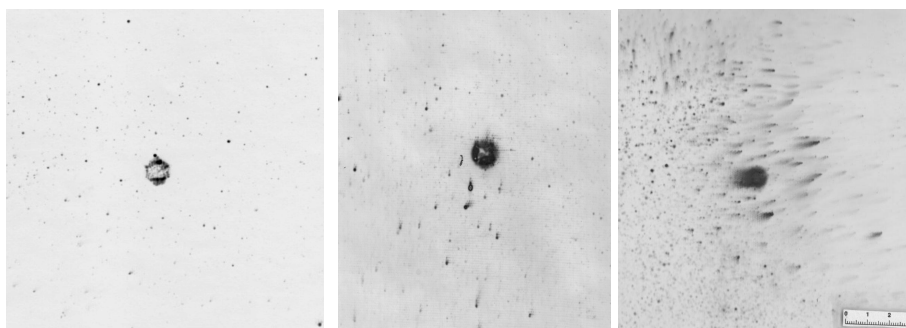

Рис. 4. Отложения металла оболочки пули при выстреле на дистанции 60 см из пистолета ПЯ, пистолета-пулемета ПП-2000 и карабина «Сайга 9-02» (слева направо)

Анализ результатов экспериментального исследования позволяет высказать следующие суждения.

Максимальные дистанции отложений зерен пороха и металла оболочки пули удлиняются с увеличением длины ствола. При стрельбе из пистолета ПЯ единичные зерна пороха наблюдаются на дистанции до 120 см, из пистолета-пулемета – до 140 см, из карабина «Сайга 9-02» – до 160 см. Единичные точечные отложения металла оболочки пули наблюдаются при стрельбе из пистолета ПЯ на дистанции до 150 см, из пистолета ПП-200 – до 180 см, из карабина «Сайга 9-02» – до 210 см.

Зерна пороха в виде осыпи отлагаются на дистанциях до 60 см при стрельбе из ПЯ, ПП-2000 и «Сайга 9-02», однако диаметр осыпи на одноименных дистанциях при стрельбе из ПП-2000 и «Сайга 9-02» на 20–30 % больше, чем при стрельбе из ПЯ.

Гомогенное отложение металла оболочки пули при стрельбе из ПЯ и ПП-2000 наблюдается на дистанциях до 35 см, при стрельбе из «Сайга 9-02» – до 50 см.

При стрельбе из ПП-2000 от упора до 7 см в отложении копоти и металла оболочки пули наблюдаются 6 каплевидных лучей, из пистолета ПЯ на дистанциях 3–5 см в отложении металла оболочки пули – 4 сдвоенных радиальных луча, на больших дистанциях они не выявлены.

Особенности морфологических характеристик отложений копоти, зерен пороха и металла оболочки пули при стрельбе патроном 9 × 19 мм позволяют установить относительную величину длины ствола оружия и дифференцировать огнестрельные повреждения, образованные оружием с различной длиной ствола при стрельбе с одноименных дистанций. Результаты проведенной авторами экспериментальной стрельбы расширяют криминалистические знания о следах выстрела на пораженных объектах при стрельбе из оружия с различной длиной ствола патронами 9 × 19 мм, что позволит повысить объективность и эффективность экспертных исследований.

Список источников

1. Чулков И. А. Влияние длины ствола и дульных устройств на отложение копоти при стрельбе из автоматов Калашникова кал. 5,45 мм // Криминалистика и судебно-экспертная деятельность: теория и практика: материалы V Всерос. науч.-практ. конф. (19 мая 2017 г.). Краснодар: КрУ МВД России, 2017. С. 439–441.
2. Бардаченко А. Н., Чулков И. А. Влияние длины ствола и дульных устройств на отложение копоти выстрела при стрельбе из автоматов Калашникова кал. 7,62 мм // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: материалы XXI междунар. науч.-практ. конф. (5–6 апреля 2018 г.). Красноярск: СибЮИ МВД России, 2018. Ч. 2. С. 151–153.
3. Афанасьев И. Б., Юдина Т. Ю. Диффузно-контактный метод при исследовании следов продуктов выстрела: метод. рек. Москва: ЭКЦ МВД России, 2015.

References

1. Chulkov I. A. Influence of barrel length and muzzle devices on soot deposition when firing from 5.45 mm Kalashnikov assault rifles. In: Forensic science and forensic activities: theory and practice: materials of the 5th All-Russian scientific and practical conference, 19 May 2017. Krasnodar: Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; 2017: 439–441. (In Russ.).
2. Bardachenko A. N., Chulkov I. A. Influence of barrel length and muzzle devices on the soot deposition of the shot when firing from 7.62 mm Kalashnikov assault rifles. In: Actual problems of the fight against crime: issues of theory and practice: materials of the 22nd international scientific and practical conference, 5–6 April 2018. Pt. 2. Krasnoyarsk: Siberian Law Institute of the MIA of Russia; 2018: 151–153. (In Russ.).
3. Afanasiev I. B., Yudina T. Yu. Diffuse-contact method when examining traces of gunshot products. Guidelines. Moscow: The Forensic science centre of the Ministry of the Interior of Russian Federation; 2015. (In Russ.).

Бардаченко Алексей Николаевич,

начальник кафедры трасологии и баллистики
учебно-научного комплекса
экспертно-криминалистической деятельности
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
bardachenko-alex@rambler.ru

Чулков Игорь Александрович,

старший преподаватель кафедры
трасологии и баллистики
учебно-научного комплекса
экспертно-криминалистической деятельности
Волгоградской академии МВД России;
chulkov09.02@mail.ru

Bardachenko Alexey Nikolaevich,

head of the department of traceology and ballistics
of the training and scientific complex of expert criminalistic activity
of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, associate professor;
bardachenko-alex@rambler.ru

Chulkov Igor Aleksandrovich,

senior lecturer of the department of traceology and ballistics
of the training and scientific complex of expert criminalistic activity
of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia;
chulkov09.02@mail.ru

Статья поступила в редакцию 07.02.2024; одобрена после рецензирования
21.02.2024; принята к публикации 16.05.2024.

The article was submitted 07.02.2024; approved after reviewing 21.02.2024; accepted
for publication 16.05.2024.

* * *

**ПОРЯДОК ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ
В ЖУРНАЛ «СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА»,
ТРЕБОВАНИЯ К ТЕХНИЧЕСКОМУ ОФОРМЛЕНИЮ**

Журнал «Судебная экспертиза» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал выходит 4 раза в год тиражом 250 экземпляров.

Регистрационный номер в Роскомнадзоре – ПИ № ФС77-77511.

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» – 46462.

Журнал ориентирован на широкую читательскую аудиторию: педагогических работников, адъюнктов, аспирантов, курсантов и слушателей ВА МВД России и других образовательных организаций, сотрудников государственных и негосударственных судебно-экспертных учреждений, работников суда, прокуратуры, органов предварительного расследования и адвокатов.

Приоритетными задачами издания являются:

- ознакомление научной общественности, практических работников, адъюнктов, аспирантов с новыми научными разработками в области судебно-экспертной деятельности;
- анализ актуальных проблем теории и практики судебных экспертиз и исследований;
- представление результатов научной деятельности образовательных учреждений, осуществляющих подготовку кадров по специальности «Судебная экспертиза»;
- организация открытой научной дискуссии и обмена передовым опытом судебно-экспертной деятельности, осуществление профессиональной подготовки судебных экспертов.

Представляемая к изданию рукопись должна:

- соответствовать по своему содержанию приоритетному направлению журнала;
- содержать обоснование актуальности и четкую формулировку раскрываемой в работе проблемы, отражать проблему в названии работы;
- предлагать конкретные пути решения обсуждаемой проблемы, имеющие практическую значимость для судебно-экспертной деятельности, профессиональной подготовки судебных экспертов, экспертно-криминалистической деятельности органов внутренних дел.

Каждая рукопись, представляемая к публикации, проходит экспертную оценку (рецензирование) по следующим критериям:

- актуальность;
- научная новизна;
- теоретическая и прикладная значимость;
- исследовательский характер;
- логичность и последовательность изложения;
- аргументированность основных положений;
- достоверность и обоснованность выводов.

По запросу экспертного совета рецензия может быть направлена в Высшую аттестационную комиссию при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Литературное редактирование текста авторской рукописи, корректорскую обработку и изготовление оригинал-макета осуществляет редакционно-издательский отдел ВА МВД России.

Объем рукописи должен составлять не менее 12 страниц печатного текста. Рукопись, подготовленная автором иностранного государства, представляется и издается на английском языке.

Рукописи представляются в виде распечатки текста (2 экз.), подготовленного в редакторе Microsoft Word, на одной стороне листа формата А4 через полтора интервала, шрифтом Times New Roman, размер 14. Поля на странице: слева и снизу 25 мм, сверху 20 мм, справа 10 мм.

Допускается наличие рисунков, таблиц, диаграмм и формул по тексту.

Рисунки размещаются в тексте статьи в режиме группировки и даются отдельными файлами на электронном носителе (формат TIFF или JPEG, режим градиент серого или битовый, разрешение 300 dpi). Обязательно наличие подрисовочных подписей, названий таблиц.

Диаграммы выполняются в формате Excel, без заливки, в черно-белом варианте.

Формулы выполняются в редакторе Microsoft Equation. Не допускается применение вставных символов Word.

В журнале принята затекстовая система библиографических ссылок с размещением номера источника и страницы в квадратных скобках в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5–2008.

Каждая статья должна содержать:

1. Заголовок на русском и английском языке.
2. Аннотацию¹ на русском и английском языке (от 120 до 250 слов). Аннотация должна содержать следующие аспекты содержания статьи:
 - 2.1. Предмет, цель работы.
 - 2.2. Метод или методологию проведения работы.
 - 2.3. Результаты работы.
 - 2.4. Область применения результатов.
 - 2.5. Выводы.
3. Ключевые слова¹ на русском и английском языке.

¹ **Аннотация** – краткая характеристика издания: рукописи, статьи или книги. Аннотация показывает отличительные особенности и достоинства издаваемого произведения, помогает читателям сориентироваться в их выборе; дает ответ на вопрос, о чем говорится в первичном документе.

4. Сведения об авторе на русском и английском языке (ФИО полностью, ученая степень, ученое звание, место работы, должность, контактные телефоны или адрес электронной почты – данные сведения будут опубликованы).

5. Пристатейный библиографический список, оформленный в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования на основании ГОСТа Р 7.0.5–2008, на русском и английском языках.

Статья должна быть обязательно подписана автором (соавторами) следующим образом: «Статья вычитана, цитаты и фактические данные сверены с первоисточниками. Согласен на публикацию статьи в свободном электронном доступе».

Для соискателей ученой степени кандидата наук: «Текст статьи согласован с научным руководителем». Далее дата, ФИО руководителя, его подпись.

Вместе с рукописью статьи в редакцию журнала направляется заполненная и подписанная заявка (бланк на сайте журнала: www.va-mvd.ru/sudek/).

Рукописи статей, оформленные с нарушением установленных требований, к рассмотрению не принимаются.

Электронный вариант рукописи статьи в формате .doc и скан-копия заявки направляются на адрес редакции журнала: c-expertisa@yandex.ru.

К рассмотрению не принимаются работы, опубликованные в других изданиях.

Редакция рекомендует авторам проверять рукописи на оригинальность на сайте www.antiplagiat.ru.

Гонорар за публикации не выплачивается, статьи публикуются на безвозмездной основе.

В переписку по электронной почте редакция не вступает.

В случае возникновения вопросов обращаться по телефонам: (8442) 24-83-64, (8442) 24-83-62.

¹ **Ключевые слова** используются в информационно-поисковых системах (ИПС) для того, чтобы облегчить быстрый и точный поиск научно-технической информации. Техника выделения ключевых слов чрезвычайно проста: из так называемого первичного документа (книги, статьи и т. п.) выбрать несколько (обычно 5–15) слов, которые передают основное содержание документа. Эти ключевые слова составляют поисковый образ документа (ПОД). В большинстве современных автоматизированных ИПС, действующих в условиях промышленной эксплуатации, ПОД – это просто набор ключевых слов, представленных как существительные в начальной форме.